

**ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
імені І.І.МЕЧНИКОВА**

**ЗАПИСКИ
ІСТОРИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ**

Випуск 7

Одеса, 1998

**ОДЕСЬКИЙ ДЕРЖАВНИЙ
УНІВЕРСИТЕТ
імені І.І.МЕЧНИКОВА**

**ЗАПИСКИ
ІСТОРИЧНОГО ФАКУЛЬТЕТУ**

Випуск 7

Scan by Skorpion Professional

Одеса, 1998

63.3(0)0

~~УДК 930 (477.7) "18"~~

~~ББК 63.212~~

~~*643~~

У сьомому випуску Записок історичного факультету Одеського державного університету подані дослідження співробітників кафедр та аспірантів факультету, які присвячені питанням археології, етнології і історії України, методичним і теоретичним проблемам історичної науки, джерелознавства, спеціальних історичних дисциплін та всесвітньої історії.

Редколегія:

Головний редактор: доктор історичних наук, професор
В.Н.Станко.

Заступник
головного редактора: **Т.М.Попова.**

Відповідальний секретар: **I.C.Гребцова.**

Члени редколегії: **В.П.Вашенко, В.Г.Кушнір,**
I.B.Немченко, Ф.O.Самойлов,
B.M.Хмарський.

Технічний редактор: **Н.О. Петрова**

Затверджено до друку Радою історичного факультету Одеського державного університету ім. I.I. Мечникова, 1998.

**ОДЕССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
имени И.И.МЕЧНИКОВА**

**ЗАПИСКИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА**

Выпуск 7

Одесса, 1998

Е.В. СМЫНТИНА

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ
НАСЕЛЕНИЯ СТЕПНОЙ ЗОНЫ В ПОЗДНЕМ МЕЗОЛИТЕ**

Переход к позднему мезолиту традиционно связывается с наступлением бореального периода голоцен. В это время палеогеографическая обстановка в степной зоне претерпевает существенные изменения.

По мере смягчения и, в первую очередь, увлажнения климата растительность приобретает более мезофильный облик, соответствующий луговой степи. В ее спорово-пыльцевом комплексе доминируют полыневые, маревые и сложноцветные, а древесная пыльца представлена остатками сосны и берескі¹. В Днепровском Надпорожье небольшое количество пыльцы широколистенных пород указывает на увеличение влажности в этом регионе². Такой растительный комплекс хорошо согласуется с находками костей тура на поселении Игрынь 8. Палинологический анализ поселений и разрезов Керченского полуострова указывает на абсолютное преобладание пыльцы трав и кустарников, наряду с которыми в незначительном количестве встречаются ель, сосна, ольха, береза, липа, вяз³. В целом в степном Крыму в это время распространяется степной ландшафт в небольшими участками пойменных лесов. Это подтверждается находками костей животных, которые связаны преимущественно с открытыми или холмистыми биотопами (тура, сайгака и лошади), а также кабана и оленя, которые трофически зависят от древесных пород⁴. Относительно большая, по сравнению с предшествующим временем, плотность древесной растительности на склонах долин рек и лиманов в бореале присуща в целом всем экологиам степной Украины⁵. Этим поясняется лесостепной характер спорово-пыльцевых спектров болот у с. Троицкое и г. Берислав⁶. Гипотеза про значительное развитие древесной и кустарничковой растительности по берегам рек и балок подтверждается и материалами бореального поселения Мирное в Нижнем Подунавье, в которых удельный вес видов полузакрытых биотопов (тура, благородного оленя, кабана) достигает 70 % диагностических остатков⁷.

В результате анализа фауны и флоры степной зоны в бореальное время климат данного региона можно реконструировать как относительно благоприятный, влажный и теплый. В этих условиях способ жизни степняков вновь претерпевает определенные изменения.

Общим направлением развития демографической ситуации степного региона в бореале является постепенное увеличение плотности населения, о чем свидетельствует резкое увеличение, по сравнению с ранним мезолитом, количества кратковременных местонахождений и сезонных стоянок, а также появление новых типов археологических памятников - базовых лагерей и могильников⁸. Изучение характера распространения археологических памятников свидетельствует об определенном изменении структуры и принципов расселения степняков. Археологически это фиксируется в отходе от крупных водотоков, в освоении долин небольших рек и балок, а также водоразделов⁹. В условиях приблизительно одинаковой изученности региона выделяются определенные эконоши с повышенной концентрацией памятников: Нижнее Подунавье, нижнее течение Днестра, течение Ингула, район Больших Копаней, а также течение Днепра от Караванского водохранилища до впадения р. Самары. Все эти участки характеризуются относительно благоприятным сочетанием природных ресурсов разных природно-ландшафтных зон в рамках приречного региона, что и обусловило высокую демографическую емкость этих экологических ниш бореального палеоландшафта. Анализ карт археологических культур степной зоны бореального времени выявляет еще одну особенность системы расселения позднемезолитического населения: формирование так называемых "кустов" однокультурных памятников вокруг опорных поселений. Эти группы, вероятнее всего, связаны с периодическими целевыми экспедициями части населения базовых лагерей и, следовательно, могут очерчивать кормовую территорию данной группы населения¹⁰.

Изменение принципов и системы расселения позднемезолитического населения степной зоны в целом свидетельствует об определенной стабилизации их образа жизни, что объясняется общим увеличением плотности биомассы на единицу площади в данном регионе. С другой стороны, преобладающим типом археологических памятников в этот период остаются кратковременные местонахождения, представленные в основном

подъемным материалом. Это указывает на сохранение достаточно сложной демографической ситуации, связанной с достаточно четким распределением ресурсов, что подтверждается и прослеживающимся по т.н. "кустах" памятников закреплением промысловой территории.

В бореальное время существенным образом изменяется и этническая карта региона. Ход и направление этнического процесса в данный период на широких просторах от Дуная и Днестра до Приазовья и от Надпорожья до центральных районов Крыма во многом определялся развитием кукрекской культурной традиции. На рубеже преоблачала и бореала на основе ряда родственных мигрографетских индустрий предшествующего времени оформляются отдельные локальные культуры (крымско-приазовская, днепровская, северо-причерноморская или анетовская, днестровская), формирующие в своей совокупности кукрекскую культурно-историческую общность¹¹. В позднем мезолите кукрек предстает как сложное явление широкого территориального и хронологического содержания, детальный анализ которого выходит за рамки данной работы. Памятники этого круга распространены во многих типах ландшафта (горы, предгорья, яйлы, степи, островные участки, лесостепь), что дает основание предположить сложную систему взаимодействия носителей отдельных его вариантов между собой и с инокультурным населением.

В результате анализа фаунистических материалов поселений кукрекской культурной традиции можно предположить, что основой хозяйственной деятельности ее носителей был индивидуальный промысел тура и коня. Такая структура охотничьей добычи указывает на относительно высокую степень подвижности населения, вынужденного периодически по мере истощения менять достаточно четко распределенные кормовые площади. Об этом свидетельствует и абсолютное преобладание среди поселений всех локальных вариантов кукрека кратковременных местонахождений. В таком контексте близость материальной культуры носителей отдельных вариантов кукрека объясняется как их близкой генетической подосновой, так и значительной подвижностью населения степей в условиях напряженной экологической и демографической ситуации, что приводило к установлению контактов и консолидации населения.

Интересно, что именно на тура и коня кукрекцы предпочитают охотиться, даже расселяясь в лесостепных эконишах Горного Крыма и среднего течения Днестра, где фоновыми видами были

благородный олень, дикий кабан и косуля¹². Возможно, именно это позволило им наладить мирное сосуществование с молодовским и мурзакбинским населением, найти свое место в новой экостише и продолжить свое эволюционное развитие. В этом контексте традиционный состав промысловых животных может рассматриваться как признак сохранения общих основ культурной системы кукрекцев и как элемент культурно-исторической адаптации. По данным этнографии, такая тенденция прослеживается также среди многих переселенцев более позднего времени¹³. С другой стороны, для бореального времени известны и исключения. Так, носители горнокрымской культурной традиции, расселяясь в степных районах Керченского полуострова, переориентируются в основном на промысел типичных обитателей своей новой экостиши - быка и коня (89 % диагностической фауны поселений Фронтовое 1 сл. 3 и Ленинское 1 сл. 3¹⁴).

В бореальное время в среде населения кукрекского круга возникают и получают развитие виды хозяйственной деятельности, связанные с постепенной стабилизацией образа жизни и возрастанием оседлости. Об этом свидетельствует возникновение ряда базовых лагерей и долговременных сезонных стоянок. В это время в степном регионе начинается приручение тура, связанное с необходимостью не только уничтожать, но и сохранять промысловых животных как резерва мясной пищи¹⁵. Археологически это подтверждается выявленными в коллекциях Мирного и Абузовой балки вкладышами серпов для срезания травы¹⁶. Признаки доместикации найдены также на костях быка из кукрекских поселений Восточного Крыма¹⁷. В таком контексте начало приручения тура возможно, следует связывать с носителями ряда родственных традиций кукрекской культурно-исторической общности. В некоторой мере это подтверждается и установленным значением кукрекцев в неолитизации Полесья¹⁸.

С другой стороны, жатвенные ножи найдены также на позднепалеолитическом поселении Ивашково VI, инвентарь которого по ряду параметров отличается от типичного для анеготовской культуры¹⁹. Кроме того, скотоводческая неолитическая матвеевокурганская культура генетически связана с иной традицией позднего мезолита Северного Причерноморья - гребениковской²⁰. Скотоводческая буго-днестровская культура является результатом взаимодействия кукрекского и гребениковского населения²¹. В итоге на современном уровне знаний следует воздержаться от

окончательной увязки начала доместикации тура с конкретным этносом. Наиболее целесообразным пока что будет рассмотрение Северного Причерноморья в целом как одного из центров приручения быка, а населения кукрекского круга - как одного из участников и генераторов этого процесса²².

Более длительную связь с освоенной промысловой территорией позволяло поддерживать и рыболовство, ставшее в бореальное время одной из важнейших отраслей присваивающей экономики кукрекцев, экологически связанных с основными водными бассейнами степной зоны. Так, исследования последних лет дают основание выделить охотниче-рыболовецкое направление хозяйства кукрекского населения Керченского полуострова и Днепровского Надпорожья²³.

Таким образом, в среде носителей традиций кукрекского круга в бореальное время прослеживается функционирование двух способов хозяйственной адаптации. С одной стороны, если позволяла демографическая емкость ландшафта, наблюдалась тенденция к сохранению общих основ хозяйства. С другой, формируются и интенсифицируются новые источники средств жизнеобеспечения. Выбор в пользу того или иного варианта осуществлялся в зависимости от комплекса факторов, среди которых существенную роль наряду с особенностями конкретной микрониши играла и хозяйственная деятельность ближайших соседей.

На обширных пространствах Степного Причерноморья от побережья Черного моря до границы степи и лесостепи и от нижнего течения р. Прут до междуречья Южного Буга и Днепра ближайшими соседями кукрекцев были носители гребениковской культурной традиции, представляющей собой поздний хронологический этап развития царинско-рогаликской культурной традиции²⁴. За исключением Мирного, где причудливым образом переплелись кукрекские и гребениковские культурные элементы, и Гиржева, фаунистические остатки на поселениях этой культуры отсутствуют, что существенным образом затрудняет установление хозяйственной специфики носителей этой традиции. Топография поселений и особенности их инвентаря, в общих чертах сохранившего основные характерные черты царинской культуры, позволяют предположить, что гребениковцы в целом воспринимают также и индивидуальный промысел тура и коня как основу своего хозяйства. В таком контексте возникает проблема взаимодействия носителей традиций кукрекского круга и гребениковцев. На современном уровне

развития знаний можно пока что предполагать, что анетовцы и гребениковцы в бореальное время обитали как бы в единой экологической зоне причерноморско-приазовских степей, что в определенной мере способствует выработке весьма близких способов хозяйственной адаптации в среде разнокультурного населения. Специфика же их культурно-исторической адаптации в таком случае заключается главным образом не в выборе промысловых видов или способов их добычи, а в предпочтении определенного типа вооружения, с помощью которого этот промысел осуществляется. В данном случае речь идет о выборе геометрической (гребениковской) или безгеометрической (кукрекской) линии развития индустрии.

В Северо-Восточном Причерноморье и Приазовье в бореальное время решающую роль в этническом развитии играла донецкая культура. Исследования последних лет позволяют предположить, что в сложении этой гетерогенной традиции приняли участие как южные (северокавказский, крымский, кукрекский, гребениковский), так и полесские (в первую очередь, яниславицкий) культурные компоненты²⁵. Фауна на всех опубликованных поселениях отсутствует. Авторы выделения культуры, исходя из топографии поселений и состава артефактов характер хозяйственной системы ее носителей определили как охотниче-рыболовецкий²⁶. Учитывая синтетический характер сложения самой традиции, с таким определением специфики системы жизнеобеспечения связанного с ней населения можно в целом согласиться.

В результате анализа этнического состава и хозяйства населения степной зоны в бореальное время можно наметить некоторые тенденции и специфические черты образа жизни носителей разных культурных традиций.

Поселения, состав артефактов и фауна которых дает основание предположить начало доместикации его обитателями тура или интенсификацию рыболовства, независимо от их культурной принадлежности, как правило, относятся к типу базовых лагерей (Мирное, Игень 8), либо к долговременным сезонным стоянкам (Абузова Балка, Фронтовое 1 сл.3 и др.). Такая переориентация хозяйственной деятельности небольшой группы населения дает им возможность стабилизировать свою систему жизнеобеспечения и снимает до некоторой степени давление на промысловую территорию. В результате в условиях сравнительно высокой плотности биомассы на единицу площади и снижающейся конкуренции по поводу добычи одних и тех же промысловых видов

большинство населения продолжает использовать известные уже в пребореальное время способы хозяйственно-культурной адаптации, основанные на индивидуальном промысле мелких нестадных животных. Археологически это фиксируется в абсолютном преобладании кратковременных местонахождений, в подъемном материале которых фауна чаще всего отсутствует.

Наряду с общими тенденциями и закономерностями при ближайшем рассмотрении проявляются и определенные особенности системы жизнеобеспечения носителей разных культурных традиций. По материалам степной зоны можно предположить, что в тех случаях, когда речь идет о культурной эволюции (гребениковская культура), в общих чертах сохраняется и хозяйственная специфика носителей данной культурной традиции. При формировании новых культурных явлений в результате синтеза (кукрекская культурно-историческая общность и донецкая культура) гетерогенный и разнонаправленный характер имеет и их хозяйственная система. В случаях миграций какой-либо эталон выбора способа хозяйствования не прослеживается. В целом вопросы соотношения археологической культуры и способа хозяйствования ее носителей следует рассматривать как один из аспектов общей проблемы соотношения этнического и экологического в системе адаптации населения, которая еще ожидает своего решения.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Пашкевич Г.О. Спорово-пилкові комплекси біля с. Мирного // УБЖ. - 1976. - Т. 33. - № 2. - С. 153; Пашкевич Г.А. Динамика растительного покрова Северо-Западного Причерноморья в голоцене и его изменения под влиянием человека // Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. - М.: Наука, 1981. - С. 83
- ² Паришкура С.І. Результати вивчення спорово-пилкового складу антропогенових відкладів Донбасу в районі с. Борщівка Харківської області // УБЖ. - 1972. - Т. 29. - № 4. - С. 504
- ³ Пашкевич Г.О. Спорово-пилкові дослідження відкладів стоянок первісної людини Фронтове та Олексіївка на Керченському півострові // УБЖ. - 1967. - Т. 24. - № 4. - С. 92
- ⁴ Мацкевой Л.Г., Пашкевич Г.А. К палеогеографии Керченского полуострова времен мезолита и неолита // СА. - 1973. - № 2. - С. 134
- ⁵ Долуханов П.М., Пашкевич Г.А. Палеогеографические рубежи верхнего плейстоцена - голоцена и развитие хозяйственно-

культурных типов на юго-востоке Европы // Палеоэкология древнего человека. - М.: Наука, 1977. - С. 139; Пашкевич Г.О. Природне середовище в епоху палеоліту - мезоліту на території України // Археологія. - 1984. - Т. 47. - С. 1-13

⁶ Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. - М.: Изд-во АН СССР, 1957. - С. 70-71; Артюшенко А.Т. Растительность Лесостепи и Степи Украины в четвертичном периоде. - К.: Наукова думка, 1970. - С. 50, 59.

⁷ Бибикова В.И. Териофауна поселения Мирное // Станко В.Н. Мирное. Проблема мезолита степей Северного Причерноморья. - К.: Наукова думка, 1982. - С. 163

⁸ Смынтына Е.В. Динамика типов археологических памятников на территории Украины// Записки історичного факультету ОДУ. - 1996. - Вип. 3.

⁹ Станко В.Н. Епоха мезоліту // Стародавня історія України. - К., 1997 у друку

¹⁰ Станко В.Н. Хозяйство населения степей Северного Причерноморья // Записки історичного факультету ОДУ. - 1996. - Вип. 3. - С. 3-14

¹¹ Станко В.Н. Епоха мезоліту...

¹² Яневич О.О. Етапи розвитку культури Кукрек в Криму // Археологія. - 1987. - Т. 58. - С. 7-18; Черниш О.П. Стародавнє населення Подністров'я в добу мезоліту. - К.: Наукова думка, 1975. - 167 с.

¹³ Григулевич Н.И. Стабильность локального пищевого комплекса как результат успешной адаптации переселенцев // Этническая экология. - М.: Наука, 1991. - С. 174-204

¹⁴ Мацкевой Л.Г. Мезолит и неолит Восточного Крыма. - К.: Наукова думка, 1977. - Табл. 3

¹⁵ Станко В.Н. Хозяйство ..., С. 12

¹⁶ Коробкова Г.Ф. Истоки неолитизации: к проблеме хозяйственно-культурного развития Северо-Западного Причерноморья в эпоху мезолита // Studia praehistorica. - 1992. - V. 11-12. - С. 31; Сапожникова Г.В., Коробкова Г.Ф., Сапожников И.В. Хозяйство и культура населения Южного Побужья в позднем палеолите и мезолите. - Одесса - С.-Пб., 1995. - С. 129.

¹⁷ Мацкевой Л.Г. Указ. соч., С. 142

¹⁸ Даниленко В.Н. Неолит Украины. - К.: Наукова думка, 1969. - С. 30

¹⁹ Смольянинова С.П. Особенности техники расщепления кремня на позднепалеолитической стоянке Ивашково VI // Северо-Западное

- Причерноморье в эпоху первобытнообщинного строя. - К.: Наукова думка, 1980. - С. 21-24; Коробкова Г.Ф. Предпосылки сложения производящего хозяйства в Северо-Западном Причерноморье // Первобытная археология. Материалы и исследования. - К.: Наукова думка, 1989. - С. 69
- ²⁰ Крижевская Л.Я. Финальный мезолит степей Северного Причерноморья и становление неолита // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. - 1990. - № 3. - С. 90-92
- ²¹ Даниленко В.Н. Указ. соч.; Маркевич В.И. Буго-днестровская культура на территории Молдавии. - Кишинев: Штиинца, 1974. - 175 с.
- ²² Станко В.Н. Палеоэкологическая ситуация в мезолите Северного Причерноморья // *Studia praehistoricorum*. - 1992. - V. 11-12. - С. 27
- ²³ Мацкевой Л.Г. Указ. соч., С. 46; Неприна В.І. Виникнення та розвиток рибальства на території України // Археологія. - 1988. - Т. 64.- С. 29; Нужный Д.Ю. О своеобразии памятников кукрекской культурной традиции в Днепровском Надпорожье // Каменный век. Памятники, методика, проблемы. - К.: Наукова думка, 1989. - С. 145-154
- ²⁴ Станко В.Н. Культурно-исторический процесс в мезолите Северо-Западного Причерноморья // Северо-Западное Причерноморье: контактная зона древних культур. - К.: Наукова думка, 1991. - С. 5-17
- ²⁵ Горелик А.Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы "неолитизации" мезолитических культур // Археология и этнология Восточной Европы. Материалы и исследования. - Одесса: Гермес, 1997. - С. 123-132; Станко В.Н. Епоха ..., Крижевская Л.Я. Указ. соч.
- ²⁶ Сибилев Н.В. Микролитические стоянки бассейна р. Донца // БКИЧП. - 1940 а. - № 6-7. - С. 69; Горелик А.Ф. Указ. соч., С. 127

А.А.ЗДОРОВ

К ВОПРОСУ ОБ АССИМИЛЯЦИИ САРМАТОВ СЛАВЯНАМИ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД

В начале нашей эры, когда появляются первые письменные известия о существовании в лесной зоне Восточной Европы отдельной этнической группы славян-венедов (Плиний Старший, Тацит, Птолемей), их южными степными соседями были кочевые

племена сарматов. Историки и археологи по разному решали и решают проблему взаимоотношений славян и сарматов. В последнее время в отечественной археологической литературе все большее распространение получает версия об ассимиляции оседающих групп сарматов славянским населением украинской лесостепи уже в позднеантичный период. Конкретными археологическими проявлениями этого процесса считаются памятники черняховской культуры и сарматские могильники лесостепи первых веков н.э.

Первые попытки проследить контакты славян со скифо-сарматским миром на материалах черняховской культуры были сделаны еще в послевоенные годы. В 1954 г. Ю.В.Кухаренко, исходя из господствующей тогда теории славянского происхождения "культуры полей погребений", проследил влияние скифов и сарматов на погребальный обряд этой культуры. В конце II в. н.э. , писал Ю.В.Кухаренко, часть славянских племен продвигается вниз по Днепру, частью оттеснив, частью подчинив и ассимилировав сарматов. Погребения с сарматскими чертами (трупоположения в сидячем и скорченном положении, деформации черепов, остатки мела, угля и т.д.) на славянских кладбищах (черняховских могильниках) Поднепровья, по его мнению, подтверждали равноправие сарматов в славянском обществе и их частичную ассимиляцию путем частых перекрестных браков.¹

Однако эта стройная концепция начала разрушаться уже в середине 50-х годов, когда была опровергнута теория абсолютного славянства "культуры полей погребений". Сам же Ю.В.Кухаренко вскоре пришел к выводу о том, что черняховская культура оставлена готским объединением.²

Новую жизнь идея Ю.В.Кухаренко об ассимиляции сарматов и скифов славянами в рамках черняховской культуры получила в работах В.В.Седова, который в 70-х гг. выдвинул теорию славяно-иранского симбиоза на территории Подольско-днепровского региона черняховской культуры. При чем сам В.В.Седов почему-то считает, что в статье Ю.В.Кухаренко шла речь не об ассимиляции, а лишь о контактах черняховских и сарматских племен, живших на разных территориях. Повторив и дополнив перечень сарматских элементов в погребальном обряде черняховских племен (ингумации с северной ориентацией, остатками краски, туш животных и т.д.), В.В.Седов сопоставил их со славянскими, по его мнению, чертами черняховской культуры (обычай трупосожжения, отдельные формы лепной посуды и жилищ). Хотя количественного соотношения этих

элементов исследователь не приводит, но утверждает, что основным населением указанного региона черняховской культуры были именно славяне, которые именно в этот период ассимилировали скифов и сарматов, получив вследствие этого название “анты” и мезодолихокранный антропологический тип.³

Мнение об ассимиляции сарматов славянами в рамках черняховской культуры в большей или меньшей степени в 70-80-х гг. поддержали и некоторые другие сторонники славянского или преимущественно славянского происхождения этой культуры. Так, А.Т.Смиленко, признавая частичную ассимиляцию черняховскими племенами оседающих сарматов, в то же время отрицает сколько-нибудь значительный вклад последних в формирование черняховского населения.⁴ Значительную ассимиляцию пришлых полукочевых сарматских группировок в оседлой славянской среде - среди черняховских племен - отстаивает И.С.Винокур.⁵

Однако, если присутствие сарматского компонента в черняховской культуре сейчас не вызывает сомнения, то славянское происхождение самого “ассимилирующего субъекта” - черняховских племен - становится все более и более проблематичным. И характер их материальной культуры в целом, и тип хозяйственной модели резко отличаются от данных о раннеисторических славянах. Генетическая связь между черняховской и раннесредневековыми славянскими культурами остается недоказанной.⁶

Основанием для еще более ранней датировки ассимиляции сарматов славянскими племенами недавно стали сарматские могильники лесостепного Правобережья. Еще в начале 60-х гг. грунтовой характер могильника в с.Калантаево I-II вв. н.э. Е.Ф.Покровская, Г.Т.Ковпаненко и М.П.Абрамова объяснили связями сарматов с местными племенами зарубинецкой культуры и влиянием последних на сарматскую культуру.⁷ Но в 1972 г. М.Б.Щукин, изучив хронологию и картографию зарубинецких и сарматских памятников Среднего Поднепровья, установил, что, во-первых, эти две культуры занимали две разные природно-географические ниши, а во-вторых, с появлением на правом берегу Днепра сарматов зарубинецкая культура прекращает здесь свое существование.⁸ Последний вывод поддержал Е.В.Максимов.⁹

В 70-х гг. И.С.Винокур высказал мнение о том, что в Поднестровье ассимиляция сарматов славянами началась уже в первых веках н.э. Наличие среди сарматских могильников Верхнего

и Среднего Днестра I - начала III вв. н.э. грунтовых погребений без искусственной деформации черепов (Киселив. уроч. Вертепы в Островце, Бурякивка) и с "местной керамикой", по мнению этого исследователя, свидетельствует о "постепенном врастании сарматов в местную земледельческую славянскую среду".¹⁰

Однако искусственная деформация черепов отсутствует и в большинстве сарматских погребений степного юга Украины.¹¹ а "местная керамика" в сарматских могильниках Верхнего Поднестровья представлена лишь ребристой черняховской миской начала III в. н.э. (Бурякивка) и небольшим гончарным горшком биконической формы с воронковидным устьем и расширенной к низу подставкой (погребение 3, впущенное в курганоподобный зольник уроч. Олеччина в Островце), который имеет аналоги в липицкой культуре.¹² Но эти два сосуда, даже если добавить к ним характерное для той же культуры округлое потиновое зеркало из сарматского могильника Ленкавцы (Буковина), могут быть лишь доказательством контактов сарматов с черняховцами и племенами липицкой культуры. Последняя же, по мнению большинства исследователей, оставлена племенами гето-дакийской языковой группы - костобоками.¹³

Тем не менее в 1985 г. тот же тезис об ассимиляции оседающих сарматов раннеславянскими племенами уже в первых веках н.э. И.С. Винокур распространил и на территорию Среднего Поднепровья. Вывод же Е.В. Максимова об отходе зарубинецких племен из этого региона под давлением сарматов И.С. Винокур без каких-либо доказательств отвергает. По его мнению, основная масса зарубинецкого раннеславянского населения оставалась стабильной и ассимилировала поздних скифов и сарматов.¹⁴

Версию об ассимиляции сарматов местным населением в первых веках н.э. поддержали в 80-х гг. М.Г. Мошкова, Е.В. Максимов и М.И. Вязмитина. При этом, если М.Г. Мошкова вслед за Е.Ф. Покровской и Г.Т. Ковпаненко считает, что сарматов Среднего Поднепровья ассимилировали носители зарубинецкой культуры,¹⁵ то у Е.В. Максимова и М.И. Вязмитиной процесс ассимиляции сарматов местными племенами и отход с этой территории зарубинецкого населения происходят одновременно, и кто же тогда ассимилировал сарматов остается неясным.¹⁶

В 90-х гг. ассимиляцию сарматов славянами еще больше углубили Ю.В. Павленко и А.В. Комар. По мнению Ю.В. Павленко, после завоевания сарматами Правобережья Среднего Днепра здесь

в I-II вв. н.э. возникает протогосударственное славяно-сарматское объединение Роксолания, ядром которого становится междуречье Роси и Тясмина. Здесь, по словам Ю.В.Павленко, происходит постепенное слияние пришлой кочевой аристократии с местной знатью и ассимиляция сарматов преобладающим славянским окружением, результатом чего было формирование особого этноса росомонов или росов, который сохранял роксоланское самосознание, вооружение и тактику, но по языку, родине и “осознанию своей собственной наследственности со среднеднепровскими сколотами” приближался к древнеславянской общности. В подтверждение своей теории Ю.В.Павленко ссылается на появление “праславянских” черт чернолесско-скифской эпохи (деревянные склепы, срубы, гробвища, остатки кострищ) в сарматских погребениях региона, мнение Е.Ф.Покровской и Г.Т.Ковпаненко о “славянизации” сарматов на Калантаевском могильнике и “аналогичные процессы” в Поднестровье.¹⁷

Первой четвертью I тыс. н.э. датирует ассимиляцию роксоланов местными славянскими племенами Среднего Поднепровья А.В.Комар. Он, в частности, ссылается на мнение Л.А.Цындровской о том, что зарубинецкая культура существует на этой территории без хронологических разрывов на протяжении I-II вв. н.э., и наличие в погребениях сарматов этого региона деревянных конструкций, якобы полностью отсутствующих в степных комплексах.¹⁸

Однако, во-первых, сравнение карты позднезарубинецких поселений Среднего Поднепровья, составленной Л.А.Цындровской, и карты сарматских памятников этого региона¹⁹ лишь подтверждает наблюдение М.Б.Щукина: если зарубинецкие поселения в основном тяготеют к берегам Днепра, то сарматские погребения - к водоразделам и небольшим рекам.

Во-вторых, верхняя дата среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры достаточно подробно обоснована А.М.Обломским - это третья четверть I в. н.э.²⁰ Та же часть позднезарубинецкого населения, которая осталась после распада этой культуры в Среднем Поднепровье, расселяется либо на севере (берега Ирпеня-Стугны), либо на востоке (берега Днепра - Трубежа) от области, занятой сарматами. Ни одного нового позднезарубинецкого поселения на правобережье Днепра на юг от Стугны в конце I-II вв н.э. не известно. На старых зарубинецких поселениях южной части Среднего Поднепровья, в частности

бассейнов Роси и Тясмина, четко датированные слои этого времени отсутствуют.²¹

В-третьих, в единственном грунтовом сарматском некрополе региона - Калангаево - полностью отсутствуют какие-либо вещи зарубинецкого или позднезарубинецкого происхождения. Неизвестны они и в других сарматских погребениях Правобережья Среднего Днепра первых веков н.э.

В-четвертых, среди 72 сарматских погребений региона деревянные склепы или срубы, обкладки стен могильной ямы деревом и гробовища отмечены лишь в семи случаях (менее 10%).²² Такого рода деревянные конструкции появляются в погребениях степных сарматов еще в период раннесарматской (прохоровской) культуры, а в средне- и позднесарматский периоды известны на широкой территории от Днестра до Волги.²³ Их концентрацию в лесостепном Поднепровье А.В.Симоненко объясняет наличием больших лесных ресурсов.²⁴ Остатки кострищ и культа огня в погребениях свойственны всей сарматской культуре на всей территории ее распространения.²⁵ Смена же подкурганного обряда погребения бескурганным связана скорее не с ассимиляцией, а с внутренними процессами в кочевом обществе и прежде всего с частичным переходом к оседлости.²⁶

Для сравнения отметим, что, оказавшись в близких к Среднему Поднепровью природных условиях, сарматы Среднего и Верхнего Подонья, вытеснив из этого региона местное население, в первых веках н.э. также частично переходят к оседлому способу жизни и применяют в погребальном обряде как курганного, так и бескурганного типов внутримогильные деревянные конструкции.²⁷

Таким образом все вышеназванные концепции ассимиляции сарматов славянами в позднеантичный период не имеют под собой каких-либо археологических оснований. Их полное отсутствие, на наш взгляд, свидетельствует о том, что на началах автохтонизма - в частности, принципе извечного и непрерывного проживания этноса на своей этнической территории, который допускает миграции только в форме расселения, - проблема славяно-сарматских отношений не может быть решена.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Кухаренко Ю.В. К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда) //СА.-1954.-Т.19.-С.114-120.

- ² Баран В.Д., Гороховский Е.Л., Магомедов Б.В. Черняховская культура и готская проблема //Славяне и Русь (в зарубежной историографии).-К., 1990.-С.37; Кухаренко Ю.В. Могильник Брест-Тришин.-М.. 1980.-С.76.
- ³ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян.-М., 1979.-С.80-100.
- ⁴ Смиленко А.Т. Славяне и их соседи в степном Поднепровье (история и культура населения во II-XII вв.). Автореф. дисс.....докт ист. Наук.-К.. 1980.-С.13, 20.
- ⁵ Винокур И.С. Древние славяне лесостепного Днестро-Днепровского междуречья иnomады //Плиска-Преслав. София, 1981.-Т.3.-С.77.
- ⁶ Гей О.А., Сымонович Э.А. Черняховская культура //Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э./Археология СССР.-М., 1993.-С.165-169.
- ⁷ Покровська Є.Ф.. Ковпаненко Г.Т. Могильник біля с.Калантаєва //Археологія.-1961.-Т.12.-С.141; Абрамова М.П. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. -I в. н.э. //СА.-1961.-№ 1.-С.107.
- ⁸ Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой //АСГЭ.-1972.-Вып.14.-С.49-52.
- ⁹ Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР.-К., 1982.-С.25, 78.
- ¹⁰ Винокур И.С. Указ. Соч.-С.76.
- ¹¹ Дзиговський О.М. Сармати на заході степового Причорномор'я наприкінці I ст. до н.е. - першій половині IV ст. н.е.-К.. 1993.-С.18.
- ¹² Малеев Ю.М., Пюро И.С. Сарматське поховання в с.Буряківка на Тернопільщині //Археологія.-1973.-№ 12.-С.74; Смішко М.Ю. Сарматські поховання біля с.Острівець // МДАПВ.-1962.-Вип.4.-С.61,64,59.-Табл.1:9.
- ¹³ Цыгылыш В.Н. Сарматские племена //Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (раннеславянский и древнерусский периоды).-К., 1990.-С.33, 21.
- ¹⁴ Винокур И.С. Славяне лесостепи (от рубежа до третьей четверти I тыс. н.э.) //Труды V Международного конгресса славянской археологии.-К., 1988.-Т.4..-С.18-19.
- ¹⁵ Мошкова М.Г. Среднесарматская культура //Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время/Археология СССР.-М., 1989.-С.178.

- ¹⁶ Максимов Е.В. Сарматы на Украине //Этнокультурная карта территории УССР в I тыс. н.э.-К., 1985.-С.7,9; Вязьмитина М.И. Сарматское время //Археология Украинской ССР.-К., 1986.-Т.2.-С.200.
- ¹⁷ Павленко Ю.В. Нередісторія давніх русів у світовому контексті.-К., 1994.-С.251-265.
- ¹⁸ Комар О. Роксолани: історія та проблематика //Академія.-К., 1995.-Вип.1..-С.41-46.
- ¹⁹ Циндрівська Л.О. Пізньозарубинецькі поселення на Середньому Подніпров'ї//Археологія.-1993.-№ 2.-С.154.-Рис.1; Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье //Древности Среднего Поднепровья.-К., 1981.-С.54.-Рис.2.
- ²⁰ Обломский А.М. О финале среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры //СА.-1987.-№ 3.-С.72-83.
- ²¹ Максимов Е.В., Русанова И.П. Зарубинецкая культура //Славяне и их соседи в конце I тыс. до н.э. - первой половине I тыс. н.э.-С.36; Обломский А.М. Позднезарубинецкие памятники //Там же.-С.41.-Карта 10.
- ²² Максимов Е.В. Сарматы на Украине.-С.7; Вязьмитина М.И. Сарматское время.-С.195, 198.
- ²³ Вязьмитина М.И. Сарматское время.-С.190; Костенко В.И. Сарматы Днепро-Донского междуречья в III в. до н.э.- середине III в. н.э.-Днепропетровск, 1983.-С.45-46; Костенко В.И. Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника).-Днепропетровск, 1993.-С.98-99; Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века н.э. -Саратов, 1984.-С.63, 75.
- ²⁴ Симоненко А.В. Сарматы в Среднем Поднепровье.-С.56.
- ²⁵ Мошкова М.Г. Среднесарматская культура .-С.179.
- ²⁶ Дзиговський О.М. Сармати...-С.109-110.
- ²⁷ Медведев А.П. Сарматы и лесостепь (по материалам Подонья).-Воронеж, 1990.-С.158-162, 182-187.

СИСТЕМА РОДСТВА АЛБАНЦЕВ

2. Система родства албанцев Украины

Албанцы Украины по своему происхождению - тоски, они переселились из Южной Албании в Северо-Восточную Болгарию несколько столетий назад, а уже оттуда - в Бессарабию.

Однако, ныне их система родства уже мало напоминает те типы, которые бытуют в Албании, значительно удалившись от них и структурно и терминологически. Номенклатура родства албанцев Украины собрана автором настоящей статьи в ходе поездки в с. Жовтневое Болградского района в начале 1997 г. Основными информаторами при этом стали Кирчев Константин Александрович - председатель албанского культурного общества на Украине "Возрождение" ("Рилиндия") и албанка средних лет Керанка.

Неизученной остается терминология родства албанцев Приазовья, но, учитывая, что они генетически связаны с албанцами Жовтневого, полученные данные, с некоторой долей условности, могут быть экстраполированы и на них. Можно предположить, пожалуй, меньшее влияние на терминологию родства приазовских албанцев болгарской и гагаузской лексики, в связи с тем, что там албанские села мононациональны и более ста лет они развивались без постоянного воздействия со стороны иноэтнических групп. Для восстановления здесь точной картины необходимы, однако, полевые исследования.

Термины родства албанцев села Жовтневое записаны в транскрипции на основе кириллицы (в конце статьи прилагается их список) и обозначены с помощью кода Левина¹.

По основным параметрам, по которым принято выделять основные типы систем родства: слияние/разграничение прямой и боковой линий родства, слияние/разграничение отцовской и материнской линий родства в нулевом и первом восходящем поколении², албанская система родства совпадает с тем типом, который доминирует у болгар Украины и Восточной Болгарии, а также у гагаузов. Этот тип, при исследовании системы родства болгар Украины, был обозначен нами цифрой 2, и, являясь переходным от бифуркативно-коллатеральной к линейной модели, в наибольшей степени приближен к последней³. В нем в нулевом поколении все боковые линии родства сливаются в одну, тогда как

в первом восходящем поколении в одну линию сливаются отцовская и материнская линии для альтера жен. пола, однако, они разграничиваются для альтера муж. пола.

У албанцев Украины данное состояние терминологически выражается следующим образом: сыновья братьев отца и братьев матери, сестер отца и сестер матери объединяются под общим термином “тэ рап’эт”⁴ (для двоюродных кузенов) и “тэ д’йутэ” (для троюродных кузенов), либо под термином, заимствованным у болгар: “брач’эт”, либо заимствованным из русского литературного языка: “двойуродн’и брат’я”. Сестра матери сливается под одним термином с сестрой отца - “тото”, но брат матери - “уч’о”, “уйч’о” разграничивается от брата отца - “ч’ико”, “ч’ич’э”.

Несмотря на то, что линия развития от бифуркативно-слившегося к линейному типу является генеральной в эволюции систем родства народов мира, темпы и характер этой эволюции (модель трансформации) своеобразны для каждого этнического таксона, что обусловлено спецификой исторического развития⁵.

Если сопоставить систему родства албанцев Украины с системой родства албанцев метрополии, то можно увидеть, что она занимает промежуточное положение между достаточно архаичным типом тосков и линейной моделью гегов. Однако, как будет видно, данная особенность не связана со спецификой развития в метрополии, а вызвана восточнобалканским (болгаро-гагаузским) этнокультурным воздействием.

Так, в отличии от албанцев метрополии, у которых чрезвычайно стойким оказалось поколенное скашивание в нисходящих поколениях, сохранившись в полной мере даже у гегов, несмотря на полную утрату ими всех других архаичных черт системы родства, ничего подобного у албанцев Украины, также как и у окружающих их болгар и гагаузов, нет: внук обозначается заимствованными терминами “онукэ”, “внук”, для детей брата и сестры специальных обозначений нет⁶.

Огромный пласт терминологии родства - заимствованный у болгар и гагаузов. Причем процесс языковой интерференции можно непосредственно наблюдать: так, если в прошлом муж сестры матери и муж сестры отца обозначались термином “т’эт’ин”, то сейчас их, как сообщают информаторы, стало “модным” называть “йэн’ишт’э” (гагаузский по происхождению термин). Сам термин “т’эт’ин” по звучанию и значению точно совпадает с западноболгарским “тетин” (Благоевградский округ), тогда как в других районах Болгарии и

болгар Украины для обозначения мужа сестры матери и мужа сестры отца используются другие термины⁷. Действительно, юго-западные болгары в наибольшей степени взаимодействовали с албанцами. вместе с их частью они в средневековые активно переселялись в восточную часть Балканского п-ова и передали, по-видимому, этот термин рассматриваемой группе албанцев.

Созвучным этому термином является “тото”, обозначающий сестру матери и сестру отца, однако он по иному фонетически оформлен, чем западноболгарский термин с тем же значением - “тета” (последний имеет тот же ареал распространения, что и упоминавшийся выше болг. термин “тетин”), поэтому его этимология требует специального исследования.

И брат матери - “учо”, “уйчо” (болг. “уйчо”, “вуйчо”, диал. “учо”, гаг. “уйчо” - то же), и брат отца - “ч’ико”, “ч’ич’э” (болг. “чиочно”, гаг. “чиочно”, “чучу” - то же) также бесспорно болгаро-гагаузского происхождения. Болгаро-гагаузским является термин с широким значением “бул’о”, причем здесь он употребляется в более расширительном смысле, чем у большинства болгар, обозначая, как и у гагаузов, в частности, жену брата матери и жену брата отца. Таким образом, с помощью этого термина описываются родственницы и нулевого, и первого восходящего поколения (другие его значения у албанцев: “жена старшего брата”, “жена старшего брата мужа”, “жена старшего брата жены”). Широко употребляются болгаро-гагаузские термины: “бат’э” - “старший брат” (наряду с албанской описательной конструкцией “вла и мад“), вокативное “старший брат мужа”, “старший брат жены”; “како” - вокативное “старшая сестра”, “старшая сестра мужа”, “старшая сестра жены”; “драг’инку” - “братья мужа”, “бадж’инак” - “муж сестры жены”; вокативное “мамо” - “мать” и “тат’э” - “отец”; и в вокативном и в референтивном употреблении они используются в значениях “свекор” и “свекровь”; болгарские термины “д’эдо” (болг. “дядо”) и “баба” - только в значениях “тесь” и “теша”, тогда как у болгар еще и - “дед” и “бабка”; гагаузский “йен’ишт’э”, кроме упомянутого значения, еще и “муж старшей сестры”, “муж старшей сестры мужа”, “муж старшей сестры жены”.

Исконно албанской по происхождению является сравнительно небольшая группа терминов, прежде всего для самых близких родственников по прямой линии. Это такие термины, как “айма” - “мать” (хотя при обращении, как мы видели, используется

заемствованное “мамо”); “натэ” - “отец” (хотя при обращении, как мы видели, используется заемствованное “тат’э”); “ман’э” - “мать матери” и “мать отца”; “д’эд’э” - “отец матери” и “отец отца” (видимо, албанское, поскольку заемствованное в другом значении “д’эдо” - имеет другое фонетическое оформление); “вла” - “брать”: “нусэ” - “невестка”, то есть “жена брата”, “жена сына”, “жена брата мужа”; “мотар” - “сестра”; “дэндэр” - “муж младшей сестры”, “муж дочери”, “муж младшей сестры жены”, “муж младшей сестры мужа”; “д’ал”/“д’эл” - или “б’ир” - “сын”; “груйэ” - “жена сына”; “б’ил’э” или “чупа” - “дочь”. Часть из этих терминов имеет аналогии в метрополии, часть - нет (необходимо отметить, что программа, по которой мы собирали термины родства у албанцев Украины значительно шире тех сведений, которые были почерпнуты из указанного в первой части исследования источника по терминологии родства метрополии).

Нет у албанцев Украины и терминологической замены самым старшим сыном - отца и самой старшей дочерью - матери, как в метрополии. Здесь, правда, терминологически выделяют старшего брата и старшую сестру, но это - характерная черта болгаро-гагаузской системы, из которой и были заемствованы термины для данных родственников. Для системы родства албанцев Украины характерно также склонение родство для внутренних свойственников, имеющее, по нашему предположению, тюркское происхождение и распространенное у гагаузов и части болгар⁸. Это проявляется в объединении внутренних свойственниц из поколения Эго (если они старше его) и из первого восходящего поколения (“бул’о”). То же - и для внутренних свойственников в тех же позициях (“йен’ишт’э”).

Таким образом, видим чрезвычайно синкретичный характер системы и терминологии родства албанцев Украины. Они утратили те специфические черты, которые свойственны метрополии и эволюционировали в русле восточноболгарского этнокультурного контекста. В этом регионе направление эволюции системы родства было иным, чем даже в Западной Болгарии, так, система и терминология родства восточных болгар гораздо ближе к системой и терминологией родства гагаузов, расселявшихся с ними на одной территории, чем к западным болгарам. Тогда как структура терминологии родства большей части западных болгар идентична с таковой же у албанцев-тосков. Сохранив лишь небольшой,

связанный с самыми ближайшими родственниками, пласт исконной терминологии рода, албанцы Украины восприняли остальные термины у окружающих народов, в ряде случаев фонетически приспособив их к албанскому языку.

*Список терминов рода, албанцев
с. Жовтневое Болградского р-на:*

Рм иатэ, вок. тат'э

Рж аима, вок. мамо

Рм² д'эд'э

Рж² ман'э

ДжР² тото

СмДжР² т'эт'ин, йэн'ишт'э

ДмРж² учи, уйчо

СжДмР², СжДмР, СжДмР↑См, СжДмР↑Сж бул'о

ДмРм² ч'ико, ч'ич'э

ДмР вла

ДмР↑ вла и мад, бат'э

СжДмР, СжДм, СжДмРСм нусэ

ДжР мотар

ДжР↑, ДжР↑См, ДжР↑Сж како

СмДжР↓, СмДж, СмДжР↓Сж, СмДжР↓См дайндер

СмДжР↑, СмДжР↑См, СмДжР↑Сж йэн'ишт'э

Дм д'ал', д'эл', б'ир

СжДм груйэ

Дм² онукэ, внук

ДмРСм драг'инку

СмДжРСж бадж'инак

ДмДР брач'эт, тэ рап'эт, двойуродн'и брат'яа

ДмДР² тэд'йутэ

РмСж д'эдо

РжСж баба

РмСм тат'э

РжСм мамо

ПРИМЕЧАНИЯ:

- 1 Левин Ю.И. Об описании системы терминов родства.// СЭ, 1970. № 4. С.18-30.
- 2 Попов В.А. К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха.// СЭ, 1972. №2. С.43 и сл.
- 3 Шабашов А.В. Някои теоретични резултати от изследването на системата на родство у българите в Украйна.// Българите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Велико Търново, 1997. Т.6. С.359.
- 4 Здесь и далее принятые следующие обозначения: *ð* - зубной звонкий согласный, аналогичный обозначаемому в английском языке буквосочетанием *th*, знаком ' - паллатализация согласного, *ä* - редуцированная заднеязычная гласная верхнего подъема.
- 5 Шабашов А.В. Указ. соч. С.356-364; Крюков М.В. Эволюция систем родства: Механизм трансформации. М., 1973.
- 6 Отсутствие обозначений для младших родственников - обычное явление в архаичных системах родства. Объяснение этому явлению см., например, Шнирельман В.А. Позднеродовая община.// История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М., 1986. С.387-388.
- 7 Георгиева И., Москва Д., Радева Л. Опыт изучения системы кровного родства у болгар.// СЭ. 1973. №2. С.61; Шабашов А.В. Терминология родства болгар Украины.// Записки исторического факультета. Вып.3. Одесса, 1996. С.71-73.
- 8 Шабашов А.В. Опыт сравнительного изучения болгарской и гагаузской систем родства (по материалам Южной Украины).// ЭО. 1995. № 3. С.88-91.

И.О. ПЕТРОВА

ДЕЯКІ ПЕРЕДШЛЮБНІ ДІЙСТВА УКРАЇНСЬКОГО ВЕСІЛЛЯ ОДЕЩИНІ (коровайні обряди, запросини, дівич-вечір)

Українське традиційне весілля - це справжня народна драма, яка включала складну структуру різноманітних обрядодій, що формувалися протягом століть і мають певну специфіку в окремих регіонах України. Весільній обряд є дуже змістовним історико-

етнографічним джерелом, можливості якого ще не вичерпані і тому вивчення питань весільної обрядовості є однією з найбільш поширеніх тем етнографічних досліджень.¹

Весільна обрядовість складається з взаємозв'язаних циклів: дощлюбного спілкування молоді, передвесільного циклу, власне весілля та післявесільного циклу обрядів. В свою чергу кожен з цих циклів складається з ряду ритуалів та обрядових дій: сватання, договір, заручини, оглядини, запrosини, дівич-вечір т.ін.

В весільній обрядовості українців та росіян Одещини збереглися загальноросійські стародавні звичаї та обряди, але переважають риси південно-російської весільної обрядовості та досить чітко простежується вплив українського традиційного весільного обряду.²

Традиційно, передшлюбні дійства розпочиналися з обряду вирядження дочки (сина) на “запросини”. Запрошуvalися родичі на весілля і приготування весільного хліба. Ці дії відбувалися, як правило, протягом одного дня.³ Дослідники весільної обрядовості росіян Півночі відносять передшлюбні дійства (“дівишник”, молодіжна гостина у нареченого) до циклу передвесільної обрядовості.⁴ Що стосується українського традиційного весілля, то, враховуючи функції подібних обрядодій, українські дослідники вважають, що їх варто віднести до власне весільного обряду⁵, оскільки при спільніх рисах східнослов'янського весільного обряду в цілому в українській обрядовості виділяються структурно-функціональні відмінності.⁶ Під структурою розуміється певна послідовність взаємозв'язаних дій з певним ритуальним значенням і групуванням їх по етапах обряду.⁷ В українському весіллі група передшлюбних дій була досить розвинена і мала явно санкціонуючий характер. Про це свідчать посад наречених та розплетення коси, саме це дозволяє включити її до власне весільного циклу. Для даного етапу весілля притамане обрядове зближення сімейно-родових колективів двох сторін шляхом взаємних пригощань, обрядового обміну подарунками. Нерозривний зв'язок передвесільної та власне весільної обрядовості притаманний не тільки українцям, а також і традиціям інших народів, зокрема, карельським весільним обрядам, в яких за висловом Ю.Ю.Сурхаско досить важко відокремити власне весільний обряд від передвесільного оскільки на практиці багато обрядів могло виконуватися і в тому і в іншому.⁸

Здебільшого весілля починалось у п'ятницю із запрошення коровайниць та приготування весільного хліба, що знайшло

відображення у весільній пісні “П’ятниця-початниця”.⁹ Весільний коровай поєднує особливе місце в структурі традиційного весільного обряду багатьох народів. Стійкий символ хліба в обрядовому житті людини свідчить про його давні традиції, значне смислове й функціональне навантаження. Найдавніші джерела про звичаї та побут східних слов’ян свідчать, що коровай фігурує як необхідний атрибут весілля. Жодна весільна трапеза не обходилася без короваю та сиру.¹⁰ В документах XIV ст. згадуються весільні чини - “коровайники”.¹¹ Коровай, весільні вінки, гільце, запалені факели, пізніше свічки - неодмінні атрибути древніх весіль, символи бога сонця. Ці предмети в обрядовому їх вживанні мали таке ж значення і відігравали в народному житті таку ж роль, як у більш пізній час іконопис та релігійна скульптура.¹² Існує багато записів весільного обряду на Україні, які містять відомості про багатоплановість ритуалу виготовлення і розподілу короваю, та весільного печива, що включав ряд обрядовій під обов’язковий супровід весільних пісень. М.Ф.Сумцов відзначав, що серед слов’янських народів по повноті обрядового вживання хліба перше місце займає малоруське весілля.¹³ Грунтовно досліджуючи обрядовий весільний хліб, він підкреслював, що неможливо зібрати й систематизувати всі часткові прояви обрядового хліба на весіллі з причини їх численності й різноманітності.¹⁴

Спроба охарактеризувати весільний хліб за сукупністю ознак - часом виготовлення, формою, оздобленням і за функціональною навантаженістю зроблена В.К.Борисенко.¹⁵ Вона відмічає, що найбільш поширеною формою весільного хліба на Україні була висока кругла палянича, оздоблена квітами, шишками, пташками з тіста, яка називалася “коровай”; другий вид: весільні деревця чи гілочки з відповідними назвами: “коровай”, “гільце”, “теремок”, “дивень”, “дівування”, “ріжки”. До третього виду можна віднести різноманітні вироби прямокутної, продовгуватої, плетеної форми, прикрашені барвінком, калиною, колосками жита чи пшениці. Ці вироби в окремих регіонах називаються: “калач”, “лежень”, “батько”, “покраса”, “пара”, “полюбовники”, “велика весільна шишка” тощо. Окрему групу складають численні, невеликих розмірів хлібчики, булки, фігурки з тіста з досить різноманітними назвами: “шишка”, “верч”, “калачик”, “гуска”, “голубка”, “качка”, “сова”, “борона”.¹⁶

Види весільного хліба можна поділити за функціональними особливостями:

- ◆ хліб періоду сватання, який символізує згоду чи відмову від шлюбу;
- ◆ печиво, що готується для запрошення гостей і обдарування коровайници;
- ◆ хліб для благословення, вітання молодих;
- ◆ коровай для обдарування родин наречених, його різновид - для дружок молодої;
- ◆ хліб для обміну між сім'ями молодих, що символізує поєднання двох родин, і його різновид - хліб для “викупу” нареченої;
- ◆ весільне печиво, яке призначалося тільки для батьків молодих;
- ◆ хліб для освячення шлюбного ложа молодих.

Деякі спостереження з приводу використання хліба в передвесільному циклі обрядів Одещини, зокрема в період сватання були вже викладені автором,¹⁷ тому в даній роботі доцільно відразу перейти до розгляду обрядодій, що відносяться до власне весільного циклу. Отже, весілля розпочиналося з приготування весільного хліба, слід відзначити, що Одешина не є винятком в цьому випадку.

За нашими спостереженнями, що були зроблені під час роботи в етнографічних експедиціях на Одещині протягом 1995-97 рр. виготовленню обрядового печива придавалося неабияке значення. Частіше всього, у п'ятницю спеціально запрошенні жінки збиралися в домівках молодих і приступали до його виготовлення. Кількість жінок обов'язково мала бути парною, це були родички, або сусідки, але тільки ті, що вже взяли шлюб та мали щасливу долю і обов'язково - дітей. На Одещині випікали “дівчачий” коровай - круглий великий хліб, прикрашений фігурками з тіста, стрічками, квітами т.ін., “лежень” - великий продовгуватий хліб з різноманітними прикрасами - він лежав перед молодими на весіллі, а також “шишки” - булочки, які за формою нагадують соснові шишки. “Шишками” запрошували на весілля, їх дарували гостям під час обдарування. Обряди, пов’язані з виготовленням весільного печива виконувались окремо в оселях “женіха” та “невести” (“молодого” та “молодої”). Виготовлення короваю, лежня та шишок супроводжувалося обрядовими архаїчними діями та піснями, іноді й жартами. На жаль, до нашого часу збереглися далеко не всі пісні, які виконувались під час коровайних обрядів, ось деякі з них, що існують й досі:

*Короваю, короваю, я тебе вбираю
В рожовому цвіті, щоб не билися діти .*

А також:

*Наша піч хохоче, короваю хоче
Наша піч усміхається, короваю сподівається.*

Або:

*Наша піч регоче, короваю хоче,
А припічок посміхається, короваю сподівається.¹⁸*

Щоб наречені жили дружно, коровайниць зв'язували рушником, всю роботу вони мали виконувати гуртом. Щоб молоді увесь вік прожили в парі, на виготовлення короваю, як вже зазначалося вище, запрошували парну кількість жінок, які перебували в першому шлюбі, жили в злагоді та мали дітей. Здавна існувала прикмета, що вдало спечений коровай символізує щастя молодій родині, тріснутий означає розлучення, загнічений - сердиту вдачу майбутньої невістки чи зятя. Досить ймовірно, що у минулому коровай, як головний обрядовий хліб виконував й певну правову функцію. Про це свідчить той факт, що коровай виготовляли лише на перше одруження, вдовам та вдівцям його не випікали,¹⁹ гостина при укладанні шлюбу без короваю вважалася не весіллям, а вечіркою.²⁰ Про правову функцію обрядового хліба свідчить і поширені у минулому звичай випікати коровай при похованальному обряді неодружених молодих людей.²¹ Згідно з народними віруваннями, кожна людина має одружитися і виготовлення хлібного весільного атрибута при похованні було своєрідним санкціонуванням шлюбу. На цвинтарі коровай роздавали всім присутнім.²²

Отже, можна стверджувати, що в традиційному українському весіллі коровайний обряд був досить розвиненим, важлива роль при виготовленні та випіканні весільного печива відводилася родині загалом та окремим її особам (мати, коровайниці, староста). Магічне, правове, естетичне призначення короваю зумовило його стійке побутування впродовж віків.

В тісному взаємозв'язку з коровайним обрядом перебувають такі елементи весілля, як запросини родичів і прощальний молодіжний вечір. "Запросини" включали урочисте вирядження дочки та сина та ритуал запрошення гостей. Останній був неоднаковим у різних регіонах України: у Карпатах запрошували спеціальні посередники - "звачі", на Поділлі молоді ходили запрошувати разом. Запрошували переважно родичів, близьких

знайомих та сусідів, а в невеликих селах - усіх мешканців. Не годилося запрошувати під час випадкових зустрічей на вулиці, що відбилося в іронічному прислів'ї: "Просили по дорозі, аби не були на порозі",²³ або "Приглашали на дорозі, щоб не були на порозі".

Пісні (фольклор) посідають в весільній обрядовості одне з найважливіших місць: вони належать обряду та поза ним не виконуються. Їх функція - обрядова, вони придають гласності (прилюдності) весіллю як побутовому юридичному акту. Своє призначення ці пісні поєднують з поетизацією традиційного ритуалу. Однією з особливостей весільних пісень є їх епічний та оповідний (розвідний) стиль.

Подробиці проведення запrosин, зокрема фольклорне супровождення цієї обрядодії в деяких селах на Одещині були записані нами під час роботи етнографічних експедицій ОДУ ім.І.І.Мечнікова та Областного центру туризму та краєзнавства в 1995-1997 рр. в Білгород-Дністровському р-ні (с.Руська Іванівка), Березівському р-ні (сс.Демидове, Яковлівка) та Саратському р-ні (с.Михайлівка), Килийському р-ні (сс.Мирне, Десантне) Одеської області. Тексти пісень подаються зі збереженням специфіки вимовлення мешканців досліджуваних сел.

Згідно з спогадами респондентів в досліджуваних селах запросини проходили у суботу напередодні весілля. Відбувалося це таким чином: урочисто виряджали дочку ("невесту") з "дружками", або сина ("женіха") в супроводі "бояр" на село "скликати" гостей на весілля. Церемонія запрошення передбачала віддячення грішми або прядивом і частування наречених.

Найпоширеною формою запрошення було особисте відвідування родичів молодими. Перед тим, як випровадити дочку запрошувати родину на весілля, мати обсипала її та дружок зерном, грішми. На порозі, коли дружки з нареченого виходили з дому на село, вони співали матері (просили благословення):

Кропи матери да свяченою водою (укр)

Виряжай матери у щасливу дорогу

Коли дружки йшли по вулиці то обов'язково співали, "щоб усі в селі знали що вони "скликають" на весілля:

Хмарка наступає }2р (укр)

Дождік накrapає

А Наташа с дружечками

Як мак расцеїтає

По дорозі промовляли до кого саме йдуть:

Берегом качки пливуть
За горою дружечкі ідуть
По каменому мості
До [ї'мя] у гості

(укр)

Як заходили до двору запрошуємих на весілля то співали:

Добрий вечер[день] / дому[тому] /
[A] хто в цьому дому:
І старому, й малому
Щей богу святому

Потім “говорили”:

Мама, папа приглашали,
Щоб ви були на “свадьбе”

(укр)

Покидаючи оселю запрошених на весілля співали:

Были мы у хате } 2р. (рос)
[B] Золотой комнате
Там нас приглашали
Медом частували.

Повертаючись додому дружки обов'язково співали або промовляли на адресу “куховарки”:

Готуйся куховарка (рос, укр)
Готуйся, щоб [чтоб] была[була] ры(и)бочка жарена
Щоб быши[були] огирочки зелененьки[e]
Бо йдуть дружечки молоденъки(i)

На відміну від дружок, бояри ніяких пісень не виконували, а тільки “ухкали”.

В оселі запрошених на весілля залишали “шишку” - цей звичай традиційний для українців, склався також і в російських селях. Одещини мабуть під впливом української весільної обрядовості.

Після запросин мати зустрічала молоду (“невесту”) з дружками хлібом і проводжала до хати, де дівчата починали прибирати гільце. Цією церемонією розпочиналося одне з найважливіших передшлюбних дійств - дівич-вечір (“девішник”, “квітки”, “буketи”) - як символ прощання з самотнім життям парубка та дівчини. Робили це окремо в оселях “молодого” та “молодої”, окремі елементи обрядодії: приготування вінків, весільного деревця, посад молодих здебільшого були ідентичними. У “молодої” дівич-вечір відзначався особливою ліричністю, бо символізував розлуку з рідною домівкою, подругами, перехід в інший статус, в іншу родину. Потім парубок приходив до своєї обранки “вечерять” і саме тоді

“вили гільце” - найчастіше вишневу, або соснову гілку, яку прикрашали стрічками та колоссям - символами незайманості, краси та молодості. Весільне деревце - “гільце” було невід’ємним атрибутом дівич-вечора, та мало численні варіанти локальних назв: “гільце”, “дівування”, “теренце”, “деревце”, “різка” т.ін. Протягом дівич-вечора на Одещині також виготовляли “квіти” або “буketи”, які потім, вже на весіллі бояри “викупали” у дружок. “Женіх” та “ніввеста” брали першу “квітку” та прикрашали нею гільце, а дружки співали:

*Благослови Боже, благослови Боже
Отець і мати тоже
[імена молодих]
Глечко сви(i)вать(i)*

Дівич-вечір був кульмінацією передшлюбних дійств. Тут відбувалося обрядове відокремлення наречених від несімейної групи молоді і починається завершальний цикл обряду, що включав зближення двох родин з метою схвалення шлюбу.

Суботній молодіжний вечір зафікований на всій території України²⁴ і має різні локальні назви: “дівич-вечір” (Київщина, частково Черкащина, Чернігівщина), “дівичник” (Чернігівщина, Сумщина), “вечорина”, “вечорниці”, “вечоринки” (Чернігівщина, Полтавщина, Харківщина, Кіровоградщина), “подружбини” “дівишник” (Сумщина), “підвесілок” “дружбини” (Харківщина, Ворошиловградщина) т.ін. Численні записи свідчать, що він був стійкою структурною частиною весільного обряду. Спільні елементи дівич-вечора притаманні як східним, так південним та західним слов’янам.²⁵

Таким чином, є можливість дійти висновку, що обрядодій весілля, які були описані нами вище, характерні для всієї території України з незначними відхиленнями. Структурні частини обрядодій вкладаються в умовно складену схему послідовності їх виконання, в даному випадку в рамках весільного циклу.

ПРИМІТКИ:

¹ Борисенко В.К. Нова весільна обрядовість в сучасному селі (на матеріалах південно-східних районів України).-К.:Наукова думка, 1979.-133 с.; Борисенко В.К. Весільні звичаї та обряди на Україні.(Історико-етнографічне дослідження).-К.: Наукова думка, 1988.-192 с.; Здоровега Н.І. Нариси народної весільної обрядовості на Україні.-К.: Наукова думка, 1974.-159 с.; Пономарев А.П. Розвитие

- семьи и брачно-семейных отношений на Украине (Этносоциальные проблемы).-К., 1989 та інші.
- ³ Чижикова Л.Н. Свадебные обряды русского населения Украины //Русский народный свадебный обряд.-Л: Наука, 1978.-С.159-180; Чижикова Л.Н. Русско-украинские этнокультурные связи в южных регионах Украины //Культурно-бытовые процессы на юге Украины.-М., 1979.-С.12-74; Борисенко В.К. Весільні звичаї та обряди на Україні.-192 с.
- ⁴ Борисенко В.К. Весільні звичаї та обряди на Україні.-С.42-43.
- ⁵ Гура А.В. Опыт выявления структуры севернорусского свадебного обряда //Русский народный свадебный обряд.-Л.: Наука, 1978.-С.84.
- ⁶ Здоровега Н.І. Нариси народної весільної обрядовості на Україні.-С.63; Борисенко В.К. Весільні звичаї...- С.43; Пономарьов А.П. Українська етнографія.-К.: Либідь, 1994.-С.272.
- ⁷ Борисенко В.К. Весільні звичаї...-С.43.
- ⁸ Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточно-славянского свадебного обряда //Проблемы типологии в этнографии.-М., 1979.-С.224.
- ⁹ Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX-начало XX века).-Л., 1977.-С.113.
- ¹⁰ Пісні Поділля /Упоряд. С.В.Мишанич.-К., 1976.-С.132.
- ¹¹ Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси //Вопросы истории.-1970.-№ 10.- С.217.
- ¹² Казаченко А.И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография.-1957.-№ 1.-С.67.
- ¹³ Сумцов Н.Ф. Религиозно-мифическое значение малорусской свадьбы.-К., 1885.-С.8.
- ¹⁴ Сумцов Н.Ф. Хлеб в обрядах и песнях.-Харьков, 1885.-С.56.
- ¹⁵ Там само.-С.59.
- ¹⁶ Борисенко В.К. Весільні звичаї....-С.45-46.
- ¹⁷ Там само.
- ¹⁸ Петрова Н.О. Обряди передвесільного циклу: за матеріалами етнографічних досліджень українського населення Одещини //Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования.-Одесса, 1997.-С.335-344.
- ¹⁹ Ці та інші пісні див.:Весілля.-У двох книгах.-К.: Наукова думка, 1970.
- ²⁰ Здоровега Н.І. Нариси народної весільної обрядовості...-С.78.

- ²¹ Ленчевский Л. Похоронные обряды и поверья в Староконстантиновском уезде Волынской губернии.-Киев, 1899.-С.6.
- ²² Ящуржинский Хр. Остатки язычества в погребальных обрядах Малороссии //Этнографическое обозрение.-1898.-№ 3.-С.94.
- ²³ Пономарьов А.П. Українська етнографія.-С.227.
- ²⁴ Весілля.-К., 1970; Здоровега Н.І. Нариси народної весільної обрядості....-С.84-91.
- ²⁵ Правдюк О.А. Загальнослов'янська основа українського весілля. //Слов'янське літературознавство і фольклористика.-К., 1968.- Вип.4.-С.98.

В. Я. ДЫХАНОВ

**ОСНОВНЫЕ ПРАЗДНИКИ КАЛЕНДАРНОГО
ОБРЯДОВОГО КОМПЛЕКСА БОЛГАР И ГАГАУЗОВ
УКРАИНЫ**

2. Гергьевден (Едерлез) и Димитровден (Касым): Обрядность

Изучение обрядности этих двух важнейших болгарских и гагаузских традиционных праздников приближает нас к более ясному пониманию не только собственно календарного цикла праздников и постов, но также и духовной культуры этих народов в целом, ее характера и особенностей, ее происхождения и генетических связей. Для достижения такого цельного, перспективного взгляда на обрядность необходимо рассматривать каждый ее элемент на широком этнокультурном фоне.

Кроме того, исследование должно охватывать все основные варианты празднования, что представляется плодотворным и продуктивным по двум направлениям:

1) суммарный учет всех известных вариантов и даже вариаций исполнения обрядов в ходе этих праздников даст возможность более полно отследить их этнокультурные параллели, а также указать на локальные акценты и предпочтения, вызванные историческими обстоятельствами, субкультурными особенностями, хозяйственными, географическими и экологическими условиями;

2) выявление и тщательный анализ наиболее устойчивых и частотных обрядовых элементов послужит основой для уточнения культурно-исторического ядра праздников, укажет на их современное состояние и место в традиционном календаре.

Необходимо оговориться, что обстоятельная детализация обрядового действия со строгой и взаимосвязанной последовательностью компонентов — ритуалом, — отнюдь не свидетельствует в пользу значительности данного обряда или всего праздника в традиционной культуре, а, скорее, указывает на некоторую театрализованность и привнесение игровых элементов. Последнее напрямую зависит от семантики и общей направленности праздника.

Обрядность дней свв. Георгия и Дмитрия в болгарских и гагаузских селах в общем сходна. Все же представляется допустимым выделить некоторые этнические особенности в характере праздничного действия.

Болгары склонны к большей детализации и театрализации, что создает впечатление насыщенности и изобилия праздника обрядами. Указывает ли это на лучшую сохранность традиции, либо на позднейшее воссоздание отдельных компонентов, а, может быть, даже на относительно недавнее творчество и заимствование, предстоит еще выяснить. Можно привести аргументы как в пользу традиции, так и в пользу позднейших модификаций и заимствований.

Так, например, некоторые народные этимологии и интерпретации чересчур прозрачны и, как показывает сравнительный анализ, привнесены позже, некоторые довольно значительные обряды тесно связаны с местностью и микротопонимикой и, таким образом, разнятся от села к селу. Вместе с тем, очевидны заимствования отдельных болгарских обрядов данных праздников гагаузами, у которых они представлены в редуцированном виде. Гагаузы в меньшей степени склонны к этимологиям и интерпретациям, чаще всего отвечая на вопросы, нацеленные на выявление происхождения, смысла и семиотики обрядов: “*Йоле*¹ геччи”, или “*Ёли*² гечер” (в зависимости от диалекта, букв. “так проходит” [праздник]).

Мы считаем, что точка зрения, относящая обстоятельность обрядов к лучшей сохранности традиции, более обоснована, по крайней мере для основных, наиболее распространенных и устойчивых обрядов. В пользу этого мнения свидетельствует обрядность дней свв. Георгия и Дмитрия в Болгарии³, где в различных регионах встречаются почти все варианты празднования, выделенные на Украине.

Тем не менее, в гагаузских селах прослежен ряд обрядов и обрядовых элементов, отсутствующих в болгарских, что, по-видимому, указывает на независимую традицию празднования,

отличную от болгарской. Например, только гагаузы придают особое значение самому акту жертвоприношения, акцентируют внимание на то, чтобы жертвенный ягненок на Едерлез и Касым обязательно был мужского пола, здоровым, без врожденных пороков и недостатков, объяснение чему содержится в формуле, которую произносят непосредственно перед тем, как зарезать ягненка: “Алаа каблетсин!” - “Да примет Бог!”, “Чтобы принял Бог!” (с. Виноградовка, Болградский р-н). Интересно отметить, что, по убеждению гагаузов, нельзя испытывать жалость к жертвенному ягненку, равно как и нельзя жалеть (из-за жадности или расчета) лучшего ягненка на *курган*, то есть жертвоприношение необходимо совершать *бютюн юректен* (“от всего сердца”), иначе Бог не примет *курган*, и он будет напрасным. В с. Котловина (Ренийский р-н) *курган* на Едерлез и Касым прочно связывается с установлением свыше, о жертвоприношении говорят: “Бог так определил”.

В пользу независимой гагаузской традиции свидетельствует также тот факт, что помимо наиболее распространенного гагаузского названия дней свв. Георгия и Дмитрия - Едерлез (Идерлес) и Касым — бытуют также *Ай Йорги* и *Ай Димитри*, кроме того, почти всем гагаузам известно, и иногда употребляется, болгарское название праздников — Гергьовден и Димитровден. Если первое название, как установлено⁴, связано с турецким и крымско-татарским Хыдырлез и Касым, а последнее заимствовано у болгар, то как объяснить названия *Ай Йорги* и *Ай Димитри* — по всему видимо православный и, вместе с тем, тюркский вариант? В календарной обрядности гагаузов есть ряд неславянских православных терминов, часть из которых восходит к греческому языку, что, возможно, указывает на их прямое заимствование из византийского православия, например, *Стауро*, *Истауро* (название праздника Воздвижения Креста Господня, от греч. σταυρός - столб для казней, крест, ср. болг. Крестовден, Крестов), *Ай Сотире*, *Сотир* (название праздника Преображения, от гр. Σωτήρ - Спаситель, причем древнегреческий вариант произношения ближе к “сoter” ~ “сотэр”, а византийский — ближе к “сотир”, ср. рус. Спас), *Панайа*, *Панайайа* (название праздника Успения Богородицы, а также самой Богородицы, от греч. παντη — повсюду, везде и, возможно, αγά — святая, или от гагаузского *ай* “святой, луна, месяц”, *айоз* “святой, луноликий”, ср. болг. Богородица и рус. Пресвятая), *айазма* (название освященной воды, от греч. αγάσμα).

— святая, освященная вода, ср. русское церковное название воды, освященной в православной церкви - агиасма).

Все это наводит на мысль об отдельной, гагаузской традиции празднования, сходной с болгарской обрядностью этих праздников в силу культурной близости, тесных этнокультурных контактов и взаимовлияний, однако представленной у них в редуцированном виде.

На основе материалов, собранных автором, и их предварительного анализа можно утверждать, что обрядность дня св. Георгия за незначительными исключением в различных селах обнаруживает устойчивую повторяемость и единство в отличии от других традиционных праздников, расхождения в которых гораздо существеннее. Это указывает на универсальность и значение данного дня для всех субэтнических групп болгар и гагаузов.

Приготовления к празднику начинаются накануне, 22 апреля⁵. Люди возвращаются из церкви с зажженными свечами, которые устанавливают на рогах назначенного на *курбан* ягненка, обязательно мужского пола, в некоторых случаях их просто ставят на столы или устанавливают у ворот (например, в с. Жовтневое, Болградский р-н). В ряде сел ворота украшаются цветами. Ягненка также украшают цветами, или венками из цветов (в с. Кирнички, Измаильский р-н, тюльпанами), иногда накануне, а иногда непосредственно перед тем, как зарезать.

В ряде сел, преимущественно болгарских, пол назначенного на *курбан* ягненка зависит от праздника или события в жизни семьи, к которому приурочен *курбан*. Например, на Богородицу режут овцу (далеко не во всех случаях это установление считается обязательным), равно как и на погребение женщины, между тем как на поминальную трапезу после похорон мужчины готовят барашка. В некоторых болгарских селах, где *курбан* на Спасовден и Троицу считается обязательным, пол жертвенного животного не имеет значения. Вместе с тем, на Гергьевден (Едерлез), как и на Димитровден (Касым) необходимо заколоть ягненка мужского пола. особенно строго и неукоснительно это предписание соблюдается в гагаузских селах. Образ св. Георгия прочно связывается с мужским началом. Однако, этот факт еще не дает основания однозначно связывать этот образ с древнеславянским культом Ярилы⁶, который олицетворял собой, по мнению многих исследователей, активное, мужское начало, так как совершенно естественно связывать пол назначенного на *курбан* ягненка с полом святого. Кроме того,

ярилин день, по мнению Б. А. Рыбакова⁷, отмечался 4 июня и связан с совершенно иной обрядностью.

Утром ягненка относили в церковь, где его освящали святой водой. В тех селах, где Гергьевден - храмовый праздник села (например, Новые Трояны и Криничное, Болградский р-н), устраивался общественный курбан в церковной ограде. В других случаях жертвоприношение происходило в усадьбе.

В тех селах, где курбан в первую очередь ассоциируется с почитанием мертвых, было принятоходить на кладбище. Интересно отметить, что на кладбище, как и дома, в этот день раздавался лук и чеснок. В с. Кирнички на Гергьевден ходили к священному колодцу ("Фынтына Дзинелор"), так как считалось, что только в этот день можно увидеть икону на дне этого колодца и исцелиться его водой. У колодца оставляли платки и монеты.

Важной для понимания праздника представляется сам процесс жертвоприношения. Интересно отметить, что в определенной группе близко расположенных друг от друга гагаузских сел (с. Виноградовка, Котловина, Чишмикей) до дня св. Георгия вообще нельзя было резать ягнят. Респонденты единодушно утверждали: "Ильк күзүй озаман кесишилэр" (букв. "первого ягненка они тогда резали"). Вместе с тем, бытовал запрет на заклание баранов после дня архангела Михаила — 8 ноября. В этот день (гаг. *Арангел*) совершали последний *курбан* в году. По-видимому, эти ограничения связаны с системой овцеводства: осенью, к моменту перевода стада на зимнее, стойловое содержание, то есть на Димитровден (Касым) или позже, старались заколоть всех или, по крайней мере, большинство баранов и оставить только будущих овцематок с целью экономии кормов. Кроме того, в холодное время года становилось возможным заготавливать и хранить баранину, в основном, в виде *кавырмы* (*каурмы* — баранина, тушенная в собственном жиру без костей), что, наряду с заготовками на зиму других мясных блюд из свинины и говядины, устранило необходимость забивать зимой баранов, а ко дню св. Георгия подрастали первые ягнята весеннего окота. Необходимо отметить, что эти ограничения бытовали в прошлом и соблюдались далеко не всеми даже в указанных населенных пунктах, которое географически и культурно связаны друг с другом и объединены общим диалектом.

Резали ягненка напротив иконы Богоматери или Христа, перед чем произносили молитву, как правило — "Отче наш". Перед тем,

как зарезать, совершали каждение с помощью небольшого самодельного глиняного сосуда с ручкой, короткой ножкой и несколькими отверстиями в стенках сосуда для лучшей циркуляции воздуха — болг. *кандило*, *кандиле*, гаг. *гюннюк чана* — с тлеющей высушенной травой базилика (болг. *бусилик*, гаг. *гюннюк*). Иногда во время молитвы ягненок покрывался двумя полотенцами. В тех случаях (хотя и не всегда), где существовали определенные предписания относительно крови жертвенного животного, в пасть ягненку клалась соль, вероятнее всего затем, чтобы заранее очистить ротовую полость. так как, по наблюдениям автора, запекание головы ягненка в печке без предварительной варки требует тщательной ее очистки и обработки.

Кровь жертвенного животного в некоторых болгарских селах (например, в с. Городнее, Болградский р-н) спускалась в миску с водой, а затем содержимое миски выливалось в проточную воду, что, по-видимому, символизирует удаление зла и всего нехорошего, что было в прошлом, иногда символизирует грехи, совершенные всеми членами семьи, которые уносятся как вода. Необходимо отметить, что очистительные обряды у многих народов мира, как правило, осуществляются накануне Нового года. Именно весенний отгон скота на летние пастбища — самое радостное событие в году, так как миновала угроза падежа скота и голодовки — отмечается кочевыми скотоводами как самый крупный праздник в году, важнейший поворотный пункт. Необходимо учесть, что кочевники Центральной Азии вообще не связывают праздники с определенными календарными датами. Среди древних скотоводов и земледельцев Передней Азии и Египта Новый год отмечался весной, приблизительно, во второй половине апреля (праздник воскресения Осириса, ведущий происхождение от начала сезона дождей и разлива Нила — начала нового года, отмечался 25 апреля). По нашему мнению, тот же смысл и значение лежат в основе обрядности дня св. Георгия.

В с. Виноградовка, Болградский р-н, кровь сначала собирали в миску (*чанак ичине*), а затем выливали под корень дерева, такой же обычай существовал в с. Суворово. Как отмечает Н. Колев, бытует также обычай зарывать кровь в землю. Все эти обряды связаны с запретом наступать на пролитую кровь жертвенного ягненка⁸.

Кровью жертвенного животного также принято мазать лоб, щеки и подбородок детей “на здоровье” (болг. “на здраве”, гагауз.

“саалыкчин”). В отдельных случаях кровью вычерчивают кресты на лбах детей и/или на косяках дверей, что перекликается с ветхозаветными сюжетами и имеет значение заместительной жертвы за грех (такое значение *курбан*, древнесемитское по происхождению слово, имеет в иудаизме исламе).

Из туши жертвенного животного делают обязательное на этот праздник блюдо, которое также называется *курбан*. В разных субэтнических группах его готовят по-разному. В одном случае тушу запекают с булгуром (дробленной пшеницей) или рисом и приправами в печке. В большую традиционную сковороду (гаг. *сипи, тава*, болг. *тава* и другие названия) выкладывают булгур, желательно изготовленный из яровой пшеницы — арнаута, заливают его водой, сверху выкладывают нарезанное крупными кусками и смазанное приправами мясо ягненка, либо кладут с крупой всю тушу (иногда полтуши) целиком и в этом случае обязательно с головой, а затем накрывают все блюдо брюшной пленкой барана (болг. *було*, гаг. *ципа, прапур, сальник*, последнее название распространено среди русского и украинского населения Южной Бессарабии), реже — листом раскатанного теста (гаг. *фила*) и пекут в печке. Среди болгар с. Жовтневого *було* натягивается, начиная с головы ягненка, что объясняется тем, чтобы он “не видел, что с ним будут делать”. Во всех остальных населенных пунктах, по имеющимся материалам, жители предлагают более прозаичное объяснение накрыванию блюда пленкой или листом теста: “Чтобы не подгорело, а пеклось в собственном соку”. Скорее всего, сообщение жителей села Жовтневое относится к позднейшей народной этимологии, которая носит единичный характер.

Этот вариант распространен среди гагаузов и болгар юга Молдовы (с. Гаваноаса, Карболия (колония с. Чишмикий), Колибаш, Московей, Урсоая (также колония с. Городнее), Чишмикий, пгт Вулканешты) и большей части Болградского р-на (с. Виноградовка, Дмитровка, Жовтневое, Котловина, Криничное, Новые Троицы, Городнее). Гагаузы с. Виноградовка вообще определяют слово *курбан* следующим образом: “*Кузу локмасы булгурлан*” (мясо ягненка с булгуром). Болгары сел Южной Бессарабии к востоку и северо-востоку от указанного региона, насколько позволяет судить собранный автором материал, называют *курбаном* варенную баранину с бульоном, либо только с приправами, либо также и с другими компонентами, которые обычно кладутся в суп. Иногда подобное блюдо готовят из внутренностей

ягненка. Необходимо отметить, что в этих селах *курбан* ассоциируется также с поминально-погребальными обрядами. Вместе с тем, в одном и том же селе *курбан* как блюдо может пониматься по-разному. Например, в с. Огородное существует второй вариант приготовления: баранину тушат с приправами без крупы, а в с. Кирнички часть жителей называли *курбаном* варенную баранину, а другие — мясо, запеченное с булгуром. Очевидно, не существует единого стандартного для всех болгар и гагаузов блюда под названием *курбан*, как и не может быть универсальной рецептуры другого болгарского и гагаузского блюда — *манджа*.

Трапеза совершилась раньше либо на природе за селом (с. Криничное до 40-х гг.), либо в церковной ограде (болг. *курбан в черква*, гагауз. *клисянин курбаны*), либо прямо на улице перед домами вдоль заборов (с. Жовтневое, после 40-х гг. — с. Криничное, пгт. Вулканешты и другие). Скатерти расстилались, как правило, прямо на земле; в последнем случае за одним таким “столом” рассаживалась вся *маала* (основная территориальная единица во многих селах Южной Бессарабии, например, в с. Криничном, приблизительно 7-15 семей). Перед трапезой читали молитву, обычно “Отче наш”, читал самый старший или самый сведущий в подобных вопросах, в церкви молитву и каждение совершал священник. В 20-е — 30-е гг. в пгт. Вулканешты священник обходил накрытые “столы”, совершая каждение и молитву, люди давали ему по одной задней ножке ягненка от каждого “стола”. В других, преимущественно болгарских, селах священнику давали высокий домашний хлеб. Обрядовый хлеб на Гергьевден болгары сверху украшали, чаще всего, крестом, либо орнаментальными мотивами, напоминающими крест. У болгар с. Жовтневое каждение перед пиршеством совершал кто-либо из присутствующих с помощью кандиле.

В ряде сел считается обязательным закончить всю запеченную баранину к концу праздника, т.е. к вечеру 23 апреля. Повсеместно распространен обычай угощать этим блюдом соседей по *маале* или улице. Принято относить и угощать этим блюдом тех, кто не смог принять участие в общей трапезе (беднякам, больным, старикам и т.д.)

Ягненка режут далеко не в каждой семье, обязательно — все Георгии, а также семьи, предварительно назначившие *курбан* на Гергьевден (Едерлез), например, иногда к этому дню приурочивают *курбан* молодожены еще во время венчания, иногда на этот праздник обещают совершить жертвоприношение родители заболевших детей

в случае их выздоровления. Чаще всего, *курбан* совершается по предварительной договоренности глав семей одной маалы в определенной очередности.

Важным для понимания места данного праздника в календарной обрядности представляется обычай взвешиваться, который отражает понимание дня св. Георгия как важной вехи в жизни человека. Также интересен обычай сажать цветок “на здорове”. В этот же день устраивается гуляние, рассматривается обязательным атрибутом праздника катание на качелях, что также делается “на здорове”. В некоторых селах (например, в с. Криничное) исполняется песня о Драганке (Грозданке), в которую, когда она каталась на качелях на Гергьевден, влюбилось Солнце и взяло ее к себе. Этот поэтический сюжет восходит к лучшим образцам античной и славянской мифологии и героического эпоса, воспевая весну, юность, красоту и любовь.

Гергьевден (Едерлез) относится не только к важнейшим скотоводческим, но и не менее значительным земледельческим праздникам. Н. Колев считает, что в тех населенных пунктах, где земледелие играет более значительную роль, чем скотоводство, жертвоприношению ягненка уделяется меньшее значение, чем обрядам “на здорове” и гаданиям⁹. С этим мнением можно согласиться, и, более того, указать на обряды, прямо связанные с земледелием. Именно на день св. Георгия прнятоходить в поле и впервые в году оценивать будущий урожай: если пшеница (возможно, рожь, ячмень) взошла хотя бы на ширину ладони (10-15 см), то урожай будет хорошим, если она не достигла этого уровня, то “вся надежда на Константина и Ляну (день свв. Константина и Елены отмечается 21 мая; именно в этот день, болг. и гаг. Константин-Ляна, принято второй раз ходить в поле, чтобы наблюдать степень роста и зрелости указанных зерновых культур).

Обрядность дня св. Димитрия гораздо беднее по сравнению с обрядами и обычаями описанного выше праздника. Димитровден (Касым) прочно ассоциируется у болгар и гагаузов с окончанием выпаса скота в отаре, переводом его на зимнее, стойловое содержание и расчетом с пастухами. Если погодные условия позволяют, то договор с пастухами продлевается на определенный срок продолжают выпасать в отаре.

Во многих болгарских и гагаузских селах на этот праздник *курбан* обязателен. В начале XX в. это предписание считалось обязательным повсеместно среди колонистов из Болгарии.

На *курбан*, как правило, режут баранов весеннего окота. *Курбан* в церковной ограде устраивается в тех селах, где Димитровден (Касым) является храмовым праздником села (например, в с. Дмитровка, Болградский р-н). Мясом жертвенных баранов и вином принято угождать пастухов. В этот день многие хозяева скота воздерживаются от чрезмерного употребления вина, "чтобы не поссориться с пастухами из-за расчета". В тех случаях, когда жертвоприношение на Димитровден (Касым) не совершается, ритуальным блюдом считается *кавырма* (*каурма*).

Этот праздник считается временем окончания сельскохозяйственных работ. От него болгары и гагаузы ведут отсчет дней до весны. Время от этого дня до Харлампи (Харлампиевден, гаг. Арапамабу — день сщмч. Харлампия, 23 февраля по новому стилю) — 110 дней (фактически 108) — составляет единственный в году период отдыха крестьянина. Зачастую крестьянам легче сказать на каком по счету дне от Димитровден отмечается тот или иной зимний праздник, чем назвать его точную календарную дату. Середина этого периода приходится на Игнажден (2 января, 55-й день от дня св. Дмитрия), который также представляет собой удобную точку отсчета. После Харлампи (Арапамабу) крестьяне начинают активно готовиться к весенним сельскохозяйственным работам.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Здесь и далее буквой ю передается гласный переднеязычный губной закрытый звук гагаузского языка, сходный с гласным звуком в французском слове *dus*, или в немецком *für*.

² Здесь и далее буквой ё передается гласный переднеязычный губной открытый звук гагаузского языка, сходный с гласным звуком в французском слове *deux*, или в немецком *Köln*, а буквой я - гласный заднеязычный негубной открытый звук [a] после мягких согласных, приобретших мягкость в силу особенностей фонетики некоторых тюркских языков, ассимилирующих переднеязычные гласные в заднеязычные. См. Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1969.

³ Этнография на България./ Отг. ред. С.Генчев. Т.З. Духовна культура. София, 1985. С.122-124; Вакарелски Х. Этнография на България. София, 1977. С.508-509.

⁴ Дыханов В.Я. Основные праздники календарного обрядового комплекса болгар и гагаузов Украины. 1. Гергьевден (Идерлес) и

Димитровден (Касым): Генезис и семантика образов.// Записки историчного факультету. Вип.5. С.58-64.

⁵ Здесь и далее даты даются по старому стилю, ввиду их привязки к юлианскому календарю, принятому в православной церкви.

⁶ Аверинцев С. С. Георгий Победоносец.// Мифологический словарь. М., 1990. С.145.

⁷ Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С.760.

⁸ Колев Н. Календарни празници и обичаи у българите в Бесарабия и Южна Русия.// Българите в Северното Причерноморие. Изследования и материали. Т.2. С.145.

⁹ Там же.

Ю.І.СУРАЙ

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА В ІСТОРІЇ УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ (до 275-річчя з дня народження)

Перші оцінки особи і творчої спадщини славетного українського мислителя, визначення його місця в історії української і світової культури були зроблені більш, ніж через двадцять років після його смерті¹. Потім протягом тривалого часу філософія Г. Сковороди не була предметом аналізу вітчизняних і зарубіжних фахівців. Значною мірою це пояснювалось і тим, що лише окремі філософські і художні твори Григорія Сковороди були надруковані, а решта поширювались в рукописних копіях. І лише в кінці XIX століття, в зв'язку із 100-річчям з дня смерті філософа, по ініціативі Д.І.Баталія здійснюється наукове видання творів Г.С.Сковороди². На початку ХХ століття появляються публікації О.Я.Єфименко, В.Ф.Ерна, М.І.Петрова та ін. Після революції 1917-1920 рр. побачили світ більше двадцяти праць, присвячених Г. Сковороді, серед них М.Ф.Сумцова, Г.Г.Шпета, П.М.Лодижинського, М.І.Яворського, Д.І.Багалія та ін. Цей період завершує всебічне дослідження Дм.Чижевського “Філософія Г.С.Сковороди”, видане у Варшаві в 1934 р.³

Потім довгий час спадщина видатного філософа майже не досліджувалась, і лише в період хрущовської “відлиги” вийшло в світ зібрання творів Г. Сковороди та ряд авторських робіт про його творчість.

Пробудження інтересу до творчості мислителя спостерігається в 90-і роки, після проголошення незалежності України. В першу чергу слід назвати публікацію збірника наукових праць, присвяченого 270-річчю народження Г.С.Сковороди, нарисів з філософії Г. Сковороди Л.Ушkalova і О.Марченка та ін.⁴

Однак для більшості Г. Сковорода ще й тепер є загадкою, а його спадщина маловідомою. Тому актуальним завданням є дослідження його місця в історії української культури, історична оцінка філософа.

Як оцінювали творчість Григорія Сковороди провідні діячі української культури? Для Т.Г.Шевченка головне в творчості Сковороди - його народність. Порівнюючи його з Р.Бернсоном, який, за визначенням Тараса Григоровича, “усе-таки поет народний і великий”, Шевченко писав: “І наш Сковорода таким би був, якби його не збила з пливу латинь, а потім московщина”⁵. Ще будучи підлітком, Тарас Шевченко інтуїтивно відчував органічний зв’язок спадщини Г.Сковороди з народною культурою, переписуючи його твори в свій зошит. Не закривали очі на слабі сторони в творчості Г.Сковороди Пантелеймон Куліш, Іван Франко, Михайло Грушевський, інші представники вітчизняної культури і громадсько-політичні діячі. Однак всі вони визначали велич Григорія Сковороди як мислителя і письменника, його неперевершений вклад в історію української культури. Відомий дослідник української філософії Дмитро Чижевський, підкреслюючи генетичний зв’язок Григорія Сковороди з українською культуротворчістю, визнав його “найцікавішою постаттю історії українського духу”⁶.

Історична оцінка спадщини Г.Сковороди потребує розгляду життя і творчості філософа в межах його історичного часу, особливостей духовного життя України в другій половині XVIII століття. В цей період Україна поступово втрачає політичну автономію, зліkvідовуються рештки демократичного ладу, завдаються удари по гідності українського народу. Територіальна роз’єднаність українських земель негативно позначилась на етнічній консолідації українців. Але разом з тим зростає необхідність в самообороні українського народу, відродженню і збагаченню культурних традицій, піднесення духовного життя. Переходійний характер епохи знайшов свій відбиток в творчості Г.Сковороди.

Розглядаючи творчість Г.Сковороди в історичному контексті, її генетичний зв’язок з українською культуротворчістю, варто перш за все звернути увагу на наявність в його творах давньоукраїнських культурних традицій, що почали формуватися в період Київської Русі. В результаті взаємодії християнського і народного світорозуміння в Х-ХII століттях, що знайшло відбиток в пам'ятках письменності, формувалась своєріднаprotoукраїнська ментальність. В той же час для філософії культури Київської Русі була властива “індиферентність по відношенню до абстрактного, відірваного від життя філософствування. Усвідомлення неповноти, недостатності абстрактно-спекулятивного, замкненого на собі, надто професіоналізованого умозріння - досить типова риса

давньоруської ментальності”⁷. Ці риси філософської культури були властиві і для творчості Григорія Сковороди. Не захоплюючись вишуканим “гносеологізмом”, створенням філософської системи, Г.Сковорода йшов шляхом давньоруських мислителів, які приходили до філософських висновків через пошук особистого сенсу життя; осмислювали всезагальне через призму власної долі.

В своїх творах “Наркісс”, “Начальна дверь ко христіанскому добронравіо”, “Разговор дружеский о душевном мире”, “Божественна симфонія” та інших Г.Сковорода зробив спробу систематизувати в єдину етико-філософську концепцію античні і християнські уявлення про людину і її місце у світі. Філософські праці Сковороди і навіть його поетичні твори із “Саду божественних пісень” наповнені посиланнями на Плутарха, Сократа, Платона, Піфагора, Епікура та інших античних авторів. З іншого боку великий вплив на Г.Сковороду мали твори викладачів Києво-Могилянської Академії Ф.Прокоповича, С.Яворського, Г.Кониського та ін. Та незважаючи на всі впливи, етико-філософська концепція Г.Сковороди позначена його власним генієм. Бо, як він писав в своєму “Наркісі”, “кто скоро прилепляється к новому мнению, тот скоро и отпадает. Не будь ветрен. Испытай опасно всякое слово”⁸.

Для Г.Сковороди головне джерело роздумів про етичний, духовний бік людського життя - це Біблія. Чудовий знавець Біблії, він присвятив багато часу трактуванню її текстів, нерідко входячи в конфлікт з церковними ортодоксами. У всіх своїх висловлюваннях він високо оцінює Біблію, тому що “Біблия ничего не говорит, что бы не касалось человека”⁹.

Багато роздумів присвятив Г.Сковорода проблемі людського щастя. В своїй праці “Разговор дружеский о душевном мире” він доказує, що гроші, чини, знатність, земля ще не приносять щастя людині. Потрібно жити у злагоді з природою, добровільно підкорятися Божій волі. “Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите” - вчить філософ¹⁰. Г.Сковорода любив підкреслювати, що кожна людина - це не тільки її розум, скільки її серце. “Глава в человеке всему сердце человеческое. Оно есть самый точный в человеке человек, а прочее все околица...”¹¹ У Сковороди серце - це реальний символ, який є глибинним розумінням сенсу життя на відміну від поверхневого інтелектуального розуміння, це божа іскра в людині. Філософія серця у Г.Сковороди тісно звязана з традиціями української духовності. На особливу “культуру серця”

пізніше звертали увагу Т.Шевченко, М.Гоголь, П.Куліш та інші. Цій проблемі приділяють увагу відомі вчені української діаспори: М.Шлемкевич, Є.Онацький, О.Кульчицький¹².

Цікаво розглянути проблему взаємозв'язку між творчістю Г.Сковороди і українською національною ідеєю. Деякі автори, спираючись на зауваження М.Грушевського про те, що Г.Сковорода “мовчки минав... аномалії сучасного життя політичного, соціального, національного”¹³, підкреслюють індиферентність Сковороди до української ідеї. Це вірно, якщо ми будемо брати лише соціально-політичний вимір проблеми. Дослідник творчості Г.Сковороди К.Сігов висловив слушну думку, що “космополітізм філософа і мандрівника, по суті, криється не у відмові від вітчизни, а у визнанні подвійного громадянства - небесного і земного”¹⁴. До того ж і сам М.Грушевський підкреслював, посилаючись на Ковалинського - друга Г.Сковороди, що Григорій Савич “любив народну мову”, “відчував і ненормальні національні відносини”¹⁵. До цього варто додати, що глибока і щира релігійність Г.Сковороди робила його противником різноманітних революційних шляхів перетворення суспільства, в тому числі штучного прискорення розвитку національно-візвольної ідеї. Це однак не заважало українському філософу мріяти про волю для свого народу. В період фронтального наступу царизму на права українського народу Г.Сковорода написав вірш “Про волю”, в якому оспіував волю як цінність дорожчу “за злато”, а на закінчення додав: “Будь славен вовек, о муже избрание Вольности Отче, герою Богдане!” Звернення до пам’яті гетьмана Б.Хмельницького, що підняв український народ на боротьбу за волю, було мужнім громадянським вчинком в часи Катерини II, свідчило про прихильність Г.Сковороди до української національної ідеї.

В творах Г.Сковороди, його стилі і способі мислення знаходять відбиток світоглядні принципи українського народу, жива душа української культури. Це досягалося глибоким проникненням філософа у внутрішній світ співвітчизників, ототожнення себе з українським народом, який він інколи називав русинським. Про це свідчать його роздуми: “Всяк мусить піznати свій народ і в народі себе. Чи ти рус?.. Будь ним... Чи ти лях? Лях будь. Чи ти німець? Німечествуй. Француз? Францюзуй. Татарин? Татарствуй. Все добре на своєму лиці, і все красно, що чисто, природно, що не є підробкою, не перемішано з чужим по роду”¹⁶. В цьому криється причина унікальної самобутності українського мислителя. Як

справедливо зауважив відомий російський філософ О.Лосєв, Сковорода став провісником своєрідної філософії, а решта філософського набутку в тогочасній Росії “була привозною і неорганічною”¹⁷.

Акумулюючи і розвиваючи кращі риси української духовності, Г.Сковорода поетизує Природу. У Сковороди природа - найвища цінність:

“Здрастуй любий мій спокою! Ти навіки уже мій!

Добре бути нам з тобою: ти для мене, а я твій.

О, діброво! О свободо! Я в тобі почав мудріть.

І в тобі, моя природо, шлях свій хочу закінчить”¹⁸.

Як вважають дослідники української ментальності від І.Нечуя-Левицького до наших сучасників В.Храмової, О.Кульчицького, для української психіки особливо характерна довіра до неньки - природи, що ця довіра “формує архетип колективного українського несвідомого”¹⁹.

Розмірковуючи над проблемами морального самовдосконалення і самопізнання, Г.Сковорода велике місце відводить науці. Він вважав, що сам процес пізнання є джерелом справжньої насолоди і морального задоволення, є тим шляхом, на якому людина розкриває таємниці природи з метою їх розумного використання. В листі до свого друга М.Ковалинського він писав: “Хто думає про науку, той любить її, а хто її любить, той ніколи не перестає учитись, хоча б зовні він і здавався бездіяльним”²⁰.

Цікаво трактує філософ такі поняття, як “вченість” і “мудрість”. “Вченість”, за Сковородою, це категорія кількісного порядку, “мудрість” - якісного. Перша не має морального джерела, чужа емоціям, людським почуттям; друга - тісно пов’язана з душевним здоров’ям, радістю серця. З неприхованою іронією писав Г.Сковорода про удавану вченість: “Нерозумну бундючливість зустрічають по зовнішності, випроваджують по сміху... Немає смішнішого, як розумний вигляд з порожнім нутром, і немає нічого веселішого, як смішне обличчя з прихованою поважністю”²¹.

Подібні міркування закріплювали за Г.Сковородою славу народного мудреця, але несхвалено сприймалися багатьма освіченими сучасниками та дослідниками його творчості. Йому закидали відсутність “філософської системи”, “вертоградство”, “спрошеність й заперечення традиційної європейської культури” тощо²².

Подібні оцінки справедливо пояснюються “байдужістю і незнанням того народу, з якого вийшов Сковорода”²³; а також надмірним символізмом і алегоризмом філософської думки Г.Сковороди. З іншого боку, ті діячі української культури, які намагались репрезентувати інтереси і волю українського народу, вважали спадщину Григорія Сковороди скарбницею української народної мудрості. В історії світової культури небагато імен філософів, яким би присвятили вірші більшість національних поетів. Григорій Савич Сковорода належить до таких мислителів. Йому присвятили поеми, оди, сонети, роздуми Пантелеїмон Куліш, Павло Тичина, Юрій Клен, Борис Олійник, Іван Драч та багато інших відомих поетів України²⁴. Повага і любов до спадщини Григорія Сковороди, його романтичного життєвого шляху і способу життя надихала на творчість не лише поетів, а й художників, скульпторів. Пам'ятники славетному любомудру почали зводитись з 1918 року. Сьогодні вони стоять в Москві, Києві, Харкові, Лохвиці та інших місцях²⁵.

Відомий український неокласик 20-х років, а потім один із найвидатніших поетів української еміграції Юрій Клен написав сонет “Сковорода”, в якому розкриває прагнення філософа віднайти гармонію між людиною і всесвітом шляхом духовного самовдосконалення:

“Піти, піти без цілі і мети...
Вбирати в себе вітер і простори,
І ліс, і лан, і небо неозоре.
Душі лише співати: “Цвіти, цвіти!”
Аж власний світ у ній почне рости,
В якому води, чисті і прозорі.
Прекрасний шлях ясної самоти.
Іти у сніг і вітер, в дощ і хуту
І мудрості вином розвести тугу,
Бо, може, це нам вічний заповіт,
Оці мандрівки дальні і безкраї,
І, може, іншого шляху немає,
Щоб з хаосу душі створити світ”²⁶.

Наш сучасник, поет, який надзвичайно чутливий до традицій, до проблеми їх збереження, Борис Олійник в поемі “Сковорода і світ”, написаній до 250-річчя від дня народження Г.С.Сковороди, зумів розкрити образ філософа не лише в контексті його історичного часу, а й в широкому історичному вимірі вітчизняної історії.

По сірих стернях втомлених полів,
В медовій тиші зрілого поліття
Гарбою за покорою волів
Рипіло вісімнадцяте століття.
Уже пороги вкрила сивина:
Пішли універсали на підметки.
Уже гоноровита старшина
Клейноди обміняла на маєтки
... В оцім спекотнім полудні без руху,
Коли в криницях позіха вода,
Розсунувши плечем малі Чорнухи
В будучину ішов Сковорода.

Б.Олійник показав значення Сковороди для оздоровлення духовного життя суспільства, який “вчив нашадків: поклоняйтесь небу, по наших... славних вивіряйте путь...” підкреслив відчуття “срідності” Сковороди зі своїм народом: “Це мій народ. Покіль він живе і сіє - я говорю. В устах його душа”²⁷.

Таким чином, спадщина Г.С.Сковороди - це поле науково-дослідної діяльності не лише для філософа, а і для історика, літературознавця, етнографа, всіх, хто досліджує історію української культури, генезу українського духу або розробляє нові напрямки гуманітарних наук синтетичного характеру.

ПРИМІТКИ:

¹ Гес де Кальве Г., Вернет И. Сковорода, украинский философ./ / Украинский вестник.-Харьков,1817.-№4; Снегирев И.М. Украинский философ Григорий Савич Сковорода.// Отечественные записки.-1823.-№42.43.

² Сочинения Григория Савича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д.И.Багалеем. Юбилейное издание (1794-1894).-Харьков,1894.

³ Ефименко А.Я. Философ из народа: Личность Г.С.Сковороды как мыслителя.// Ефименко А. Южная Русь.-СПб.,1905.-Т.2; Эрн В. Григорий Савич Сковорода: Его жизнь и учение.-М.,1912; Сумцов М.Ф. Сковорода і Ерн.// Літ.-наук. вісник.-1918.-Т.69.-Кн.1; Чижевський Д. Філософія Сковороди.-Варшава,1934.

⁴ Сковорода Григорій, дослідження, розвідки, матеріали.-К.,1992; Ушkalов Л.В., Марченко О.М. Нариси з філософії Григорія Сковороди.-Харків,1993 та інші.

- ⁵ Шевченко Т. Повне зібрання творів в 10-ти томах.-Т.1.-К.,1951.-С.375.
- ⁶ Чижевський Д. Філософія Г.С.Сковороди// Сковорода Григорій, дослідження, розвідки, матеріали.-К.,1992.-С.237.
- ⁷ Горський В.С. Нариси з історії філософської культури Київської Русі.-К.,1993.-С.5.
- ⁸ Сочинения Григория Савича Сковороды, собранные и редактированные проф. Д.И.Багалеем. Юбилейное издание (1794-1894).-Харьков,1894.-С.7.
- ⁹ Сковорода Г. Сочинения в 2-х томах.-Т.2.-М.,1973.-С.386.
- ¹⁰ Сочинения Григория Савича Сковороды...-С.98.
- ¹¹ Там само.-С.104.
- ¹² Українська душа.-К.,1992.-С.14-17,39,57.
- ¹³ Грушевський М. З історії релігійної думки на Україні.-К.,1992.-С.126.
- ¹⁴ Сковорода Григорій, дослідження, розвідки, матеріали.-К.,1992.-С.26.
- ¹⁵ Грушевський М. Вказана праця.-С.126-127.
- ¹⁶ Сковорода Григорій. Сад пісень. Вибрані твори.-К.,1983.-С.19.
- ¹⁷ Лосев А.Ф. Русская философия// Страсть к диалектике.-М.,1990.-С.84.
- ¹⁸ Сковорода Григорій. Сад пісень. Вибрані твори.-К.,1983.-С.25.
- ¹⁹ Українська душа.-К.,1992.-С.15.
- ²⁰ Сковорода Григорій. Сад пісень...-С.147.
- ²¹ Там само.-С.79.
- ²² Сковорода Григорій, дослідження, розвідки, матеріали.-К.,1992.-С.153-154.
- ²³ Там само.-С.155-156.
- ²⁴ Див.: Куліш Пантелеймон. Твори в двох томах.-Т.1.-К.,1989; Тичина Павло. Із щоденниковоих записів.-К.,1981.-С.50,60,73,74,96 та ін.; Клен Юрій. Вибране.-К.,1991.-С.54-55; Олійник Борис. Істина.-К.,1976.-С.95-101; Драч І., Кримський С., Попович М. Григорій Сковорода.-К.,1984.
- ²⁵ Див.: Степовик Дмитро. Скарби України.-К.,1990.-С.173-178.
- ²⁶ Клен Ю. Вибране.-К.,1991.-С.54.
- ²⁷ Олійник Б. Істина. Вибрані поезії. Поеми.-К.,1976.-С.95-99.

ВВІЗ ОБЛАДНАННЯ, ІНСТРУМЕНТІВ І КОМПЛЕКТУЮЧИХ ДЕТАЛЕЙ ДЛЯ ПРОМИСЛОВОСТІ ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ В ДОРЕФОРМЕНІЙ ПЕРІОД

На розвиток промисловості краю постійний вплив здійснювало невинне розширення зв'язків з іншими районами держави, можливість придбати в них одні і збувати інші товари. З кінця XVIII ст. відкрилися можливості довозити з промислово-розвинених районів на Південь України різноманітне обладнання, інструменти та деякі види сировини.

Постачальником всього цього для державних підприємств виступали перш за все належні казні підприємства переважно в Центральному промисловому районі та на Уралі. Найбільша увага приділялась постачанню тих підприємств на півдні України, які працювали на потреби Чорноморського флоту та армії. В 1785 р. Г.Потьомкін запитував Чорноморське адміралтейське правління про прибуття до Херсонського адміралтейства інструментів, які були відправлені з Москви і Петербурга. Із Дубровіно в Білорусії у зв'язку з переміщенням сукняної мануфактури в Катеринослав були відправлені верстати та інструменти¹. Підприємства Миколаївського адміралтейства з 1824 р. отримували верстати для обробки металів з Іжорського заводу².

Одночасно і державні підприємства змушені були вдаватись до купівлі верстатів, машин та інструментів. В 1812 р. міністр внутрішніх справ рекомендував для придбання верстатів для казенної Богоявленської сукняної мануфактури звернутись до підприємців у Петербурзі чи Тамбові³. На початку 30-х років на цю мануфактуру надійшла парова машина з заводу Берда у Петербурзі⁴.

У квітні 1855 р. на Керчинському механічному заводі почали працювати парова машина високого тиску і верстати, які було куплено на підприємстві герцога Лейхтенбергського⁵.

Шляхом купівлі в Центрально-промисловому і Північно-західному районах Миколаївське адміралтейство отримувало деякі парові машини, які встановлювались на військових суднах. Берд, завод якого виробляв парові машини і для суден, в 1820 р. повідомляв, що така машина його заводу встановлена на збудованому в Миколаїві пароплаві⁶. Парові машини з цього заводу

використовувались і на деяких казенних суднах, які не входили до складу військового флоту, а здійснювали перевезення пошти, пасажирів і вантажів. В 1828 р. в Миколаєві було завершено будівництво пароплава “Одесса”, на якому була встановлена машина з заводу Берда⁷. Парова машина з Петербургу була виписана і для пароплава “Наследник”, який було збудовано в Миколаєві в 1833 р. для Одеського будівельного комітету. Для цього ж пароплава на заводі Берда було виготовлено 3 вали⁸. Перед Кримською війною три парові машини для казенних суден на Чорному морі закупили на заводах Мальцева в Калузькій губернії⁹.

Початок промислового перевороту на Півдні України ознаменувався в останні дореформенні десятиріччя впровадженням парових машин на деяких підприємствах, перш за все борошномельних і механічних.

Розгортання промислового перевороту в Південній Україні наштовхувалось на великі труднощі. Крім загальних для всієї країни перешкод в його розгортанні, які були обумовлені головним чином пануванням в ній відсталих виробничих відносин, були і породжені місцевими умовами труднощі. В кінці 30-х років автор одного з описів стану промисловості на півдні України твердив, що недостача прісної води і надзвичайна дорожнеча палива роблять майже неможливим заснування великих мануфактурних закладів, особливо з паровим виробництвом¹⁰. Негативно впливали на розгортання промислового перевороту і невелика кількість механічних підприємств в регіоні та його віддаленість від тих районів, де такі підприємства працювали більш успішно. І все ж парові машини з'являються і на приватних підприємствах Південної України, з кінця 40-х років їх кількість неухильно зростала. Поряд з імпортними використовувались і машини, які виготовлялись в різних районах країни. Парова машина в 22 к.с. на млині купчихи Шевченко, який було побудовано в Миколаєві в 1857 р., була виготовлена на підприємстві Яхненка і Семиренка в Київській губернії¹¹.

Ввозились до Південної України деталі для машин, різні апарати виробничого призначення. В Ардатовському повіті Нижньогородської губернії на залізних і чавуноливарних заводах Щепелєва продукція включала і “різні частини для машин.” Продукція цих заводів надходила до Миколаєва для Чорноморського адміралтейства¹². На початку 40-х років в Головному статистичному комітеті Новоросійського краю

відзначалось, що вантаж суден на Дніпрі складався переважно з лісних виробів і господарських знарядь, які довозились із внутрішніх губерній¹³. Дешо пізніше серед районів збути продукції Київського чавунного і міднеплавильного заводу, в тому числі апаратів для сукняних мануфактур, називалась і Херсонська губернія¹⁴. Обладнання для сукняних мануфактур ввозилось також інколи з Центрального промислового району. Власник такої мануфактури в Таврійській губернії Классен придбав стригальну машину в Москві¹⁵.

Машини і котли в кінці 50-х років привозили на південь України із Київської губернії чумаки¹⁶.

На багаточисельних млинах Південної України використовувались привіznі жорна, оскільки виготовлені з місцевого каменю були низької якості. Привіznі жорна на півдні України називали чигиринськими і подільськими. Ці назви свідчать про те, з яких місцевостей жорна переважно довозились. Автор опису Київської губернії на початку 50-х років відзначав, що чигиринські жорна відправлялись у Херсон, Одесу, Катеринослав, Кишинів, губернії: Подільську, Волинську та інші¹⁷. Чигиринські жорна могли попадати на південь України і через торгові центри інших губерній. В 50-х роках автори опису Чернігівської губернії вказували на постійний сплав жорен в порти нижньої течії Дніпра¹⁸.

Для розгортання риболовного промислу в регіоні велике значення мав ввіз неводів, сіток або ниток для їх виготовлення. А.О.Скальковський писав, що риболовні снасті, сітки і нитки на територію краю привозяться переважно з Рязанської і Саратовської губерній¹⁹. Ці ж губернії як постачальників на Херсонщину неводів, великих сіток і ниток для їх виготовлення назвав і А.Шмідт²⁰. В дійсності район, з якого надходили ці товари, був більш широким. Автори опису м. Остера Чернігівської губернії в кінці 50-х на початку 60-х років повідомляли, що розповсюдженім заняттям жителів є в'язання риболовних снастей - неводів, які скуповуються купцями для збути в донських станицях і містах узбережжя Азовського моря.

Із різних районів країни надходила частина інструментів, які використовувались робітниками на підприємствах, ремісниками, дрібними товаровиробниками.

В середині 40-х років один із співробітників Головного статистичного Комітету Новоросійського краю, розглядаючи питання про привезені в Катеринославську губернію товари із

Москви, Казані, Курська, Харкова та інших міст, назвав і предмети для "...ремісничої промисловості ... необхідні"²¹.

Ввозились в край і деякі вироби, які в готовому вигляді чи після невеликої доробки використовувались на суднобудівних підприємствах. Не пізніше кінця 40-х років встановив зв'язки з Чорноморським адміралтейством і Миколаївським морським арсеналом Бенкендорф, власник Володимирського чавуноливарного і машинобудівного заводу в Могилівській губернії. Серед виробів, які поставляв завод, були "металічні вироби для кораблів". Фігурне літво до Миколаєва для Чорноморського адміралтейства поставляли заводи Шепелєва в Нижегородській губернії²².

Необхідна для виготовлення парусів суден і чисельних човнів різних типів парусина також довозилась в порти півдня України. Сучасники, які вивчали розвиток суднобудування в Херсонській губернії в кінці 40-х і в 50-х роках, твердили, що парусина різних сортів надходила з Москви²³. Дещо пізніше автор роботи про приморські місця азовського узбережжя писав, що парусину привозили з Москви через Харків²⁴.

До Південної України привозилось з інших районів країни багато виробів з металів, зокрема корабельні цвяхи та якорі. Перші, як повідомляли автори огляду Херсонської губернії в кінці 40-х років, надходили з Сибіру через Нижній Новгород і Брянськ. Частина цих виробів з Волги перевозилась на Дон (через Качалинську і Дубовку), а потім на суднах в Херсон²⁵. Надходили в край якорі і цвяхи, які вироблялись в деяких повітах Нижньогородської губернії і в самому Нижньому Новгороді²⁶.

До південноукраїнських губерній надходило і багато промислових виробів, які використовувались як деталі для виготовлення засобів гужового транспорту. Ввозились, зокрема, у великій кількості колеса та осі для возів, екіпажів тощо. Ввіз цих комплектуючих деталей у великій кількості по Дніпру із внутрішніх губерній Росії відзначався в огляді Херсонської губернії в кінці 40-х років. Колеса довозились на Херсонщину також на підводах з Київської і Подільської губерній²⁷.

В огляді Київської губернії автор в цей же час писав, що значна частина коліс, ободів і голobelі, які вироблялись у Таращанському повіті, відправлялось в Катеринославську і Херсонську губернії. В останній збувались також колеса з Каневського повіту²⁸. До Таврійської губернії в кінці 40-х років

колеса привозили не лише із сусідньої Катеринославської (серед них була й продукція інших губерній), а й з Харківської і навіть Московської губерній³⁹.

В південноукраїнські губернії з районів багатих лісами ввозились деякі заготовки для різних будинків та інших приміщень. По Дніпру на барках і плотах, які прибували з Київської, Черніговської, Мінської, Могильовської і Орловської губерній привозились на південь України крокви, лати та віконні рами. Останні надходили також в нижню течію Дону (звідки вони розвозились в деякі райони краю) з великої території Росії, яка мала зв'язки з Волгою. Крокви, лати і віконні рами по Дністру і гужовим транспортом привозились на південь України з Північної Бессарабії. У невеликій кількості крокви і лати надходили в південнозахідну частину краю по Пруту і Дністру з Буковини⁴⁰.

Ввіз різноманітного обладнання, інструментів і комплектуючих деталей сприяв підвищенню технічної озброєності багатьох підприємств, розгортанню промислового перевороту в промисловості і водному транспорті. Все це було однією з передумов зростання промислового виробництва, конкурентноздатності окремих підприємств, які виходили на провідні позиції у своїй галузі, а їх власники вливались в елітарну групу підприємців.

Ввіз обладнання, інструментів та комплектуючих деталей зміцнював зв'язки Південної України з іншими районами країни, що поряд з ввозом сировини з них та збутом деякої частини промислової продукції на їх ринках зміцнювало економічну єдність українських земель.

Одночасно регіональний ринок все тісніше вписувався в систему всеросійського ринку. А це також обумовлювало поглиблення ринкових відносин на півдні України, що було одним з важливих факторів подальшого зростання продуктивних сил в регіоні.

ПРИМІТКИ:

¹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 г.г.-М., 1959.-С.174, 234.

² Выборный П. Имени 61 коммунара. - Одесса, 1970.-С.32.

³ Російський державний історичний архів (далі РДІА), ф.13, оп.3, спр.643, арк. 1-3.

⁴ Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма. 1825-1860.- М.,1981.- С.152.

- ⁵ Зародження робітничого класу на Україні. Середина XVIII ст. - 1861 р.- К.,1968.-С.148.
- ⁶ Шубин И.Д. Волга і волжское судоходство.-М.,1927.-С.398.
- ⁷ Яковлев И.И. Корабли и верфи.- Л., 1973.- С.121.
- ⁸ Державний архів Одеської області (далі ДАОО), ф.1, оп.191, спр.91, арк. 51,82, 226.
- ⁹ Обзор различных отраслей мануфактурной промышленности в России.-Т.1.-СПб.,1862.-С.18.
- ¹⁰ ДАОО, ф.270, оп.1. спр.17. арк. 1.
- ¹¹ Державний архів Миколаївської області (далі ДАМО), ф.230, оп.1, спр.2511, арк.39-40.
- ¹² Военно-статистическое обозрение Российской империи.-Т.4.-Ч.4.- Нижегородская губерния.- СПб.1852.-С.69.
- ¹³ ДАОО,-ф.3, оп.1, спр.33, арк.1.
- ¹⁴ Военно-статистическое обозрение Российской империи.-Т.10.-Ч.1.-Киевская губерния.-СПб,1848.-С.159.
- ¹⁵ Путевые заметки при объезде Днепровского и Мелитопольского уездов в 1835г. // Листки Общества сельского хозяйства Южной России на 1839.-№3.-С.190.
- ¹⁶ Слабеєв І.С. З історії первісного нагромадження капіталу на Україні (чумацький промисел і його роль у соціально-економічному розвитку України XVIII - першої половини XIXст.).-К., 1964.-С.56.
- ¹⁷ Фундуклей И. Статистическое описание Киевской губернии.-Ч.3.- СПб, 1852.-С.284.
- ¹⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи.-Т.12.- Черниговская губерния.-СПб,1851.-С.27.
- ¹⁹ Скальковский А.А. Опыт статистического описания Новороссийского края.-Ч.2.-Одесса, 1853.-С.417.
- ²⁰ Материалы для географии и статистики России. Т.24.Херсонская губерния.-Ч.2. -Одесса, 1853 - С.417.
- ²¹ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-1862 г.г.-Ч.2.-СПб,1863.-XLIV-Черниговская губерния. - С.30; ДАОО, ф.3, - оп.1, - спр.32, арк.5.
- ²² Романовский Н.Т. Развитие мануфактурной промышленности в Белоруссии (вторая половина XVIII- первая половина XIX в.)- Минск,1966.-С.339; Военно-статистическое обозрение Российской империи. -Т.4.- Ч.1.- Нижегородская губерния. - С.69.
- ²³ Там само.-Т.XI.-Ч.1.-Херсонская губерния.-С.138; Материалы для географии и статистики России.-Т.24.-Херсонская губерния.-Ч.1.- С.316.

²⁴ Азовське море с его приморскими и портовыми городами, их жителями, промыслами и торговлей внутри и вне России.-СПб, 1855.- С.64.

²⁵ Военно-статистическое обозрение Российской империи.-Т.II.-Ч.1.-Херсонская губерния.- С.138.

²⁶ Там само. -Т.IV.- Ч.1.- Нижегородская губерния. - С.65-66.

²⁷ Там само. - Т.XI.- Ч.1.- Херсонская губерния. - С.36,171.

²⁸ Там само. - Т.X. - Ч.1. - Киевская губерния. - С.104,199.

²⁹ Там само. -Т.XI. - Ч.2. -Таврийская губерния. - С.183.

³⁰ Яковлев Ф.К. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. - СПб,1869. - С.98 ; Материалы для географии и статистики России. Херсонская губерния -Т.24. - Ч.2. - С.534-540,548; Памятная книжка Бессарабской области на 1862г. - Кишинев,1862. - С.183; Военно-статистическое обозрение Российской империи. - Т.XI. - Ч.3. -Бессарабская область.- СПб.,1849. - С.51.

Н.М.ДІАНОВА

ДИНАМІКА ЧИСЕЛЬНОСТІ МІСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ В К. XVIII-І-ПОЛ. XIX СТОЛІТТЯ

Після приєднання до Російської імперії у кінці XVIII століття Північного Причорномор'я, виникла нагальна потреба у його заселенні та освоєнні. Основною ознакою цього процесу стало заснування та швидкий розквіт нових міст. Поява їх носила не лише стихійний характер, але й була наслідком державного плану, який передбачав їх військово-адміністративну та торгівельну необхідність. До цього часу на території Запоріжжя міст взагалі не було. Лише в більш південних регіонах єдиним містом був Ростов, який знаходився у досить жалюгідному стані. Азов і Таганрог до 1769 року взагалі були розрушені і залишені мешканцями. Та вже після I-ої російсько-турецької війни (1768-1774 рр.) починається їх відбудова і вже в 80-ті роки ці міста приблизились до рівня економічно-розвинутих. Поруч із розбудовою старих з'явились і нові міста. За короткий відрізок часу: з 1775 по 1782 роки в Причорномор'ї їх стало більше 10¹. І хоч спочатку більшість з них носила військовий характер і свою появою завдячувала фортецям чи оборонним лініям, уряд сприяв і будівництву адміністративних

та торгово-економічних центрів. Таким чином всі новопобудовані міста можна умовно розбити на 3 групи: адміністративні центри, найбільші з яких: Катеринослав, Новомосковськ, Павлоград, Кременчуг, Вознесенськ; торговельні міста - Одеса, Таганрог, Євпаторія, Феодосія; воєнні - Бахмут, Олександрівськ, Очаків, Єлізаветград, Керч; промислово-торгові - Херсон, Нахічевань, Маріуполь, Нікополь тощо².

Протягом I-ої половини XIX століття спостерігається швидке зростання міст в цілому і на 1859 рік їх чисельність становить 52³. Уряд в значній мірі сприяв їх заселенню. Переселенці заохочувались цілим рядом пільг, які приваблювали як населення імперії, так і іноземних колоністів⁴. П.Херліхі стверджує, що збіглих селян-кріпаків не повертали їх панам, якщо вони поселялись на південноукраїнських землях⁵. Шукачів крашої долі вабили перш за все причорноморські порти, де вони легко могли знайти собі роботу. Швидке зростання населення можна спостерігати на прикладі ряду міст, зокрема Херсону. О.І.Дружиніна звертає увагу на той факт, що в 1782 році там проживало близько 10 тисяч чоловік, які приймали участь у будівництві міста, а вже на 1787 рік ця кількість збільшилась більш ніж вдвічі⁶. Цієї ж думки дотримується І.А.Скальковський, посилаючись на архівні та документальні дані⁷. Він звертає увагу, що населення міста було досить строкатим і крім українців та росіян сюди прибували іноземні колоністи: корсиканці, італійці, французи, австрійці тощо. Вже в 1784 році були закінчені роботи по створенню Чорноморського флоту, який складався з 12 лінійних кораблів 17 фрегатів. А протягом 1779-1826 років в місті побудовано 152 судна. Слід відзначити і розвиток торгівлі, зокрема хлібом. Так в 1792 році з Херсону за кордон відправлено 5 тисяч 338 пудів пшениці і муки, а через рік ця цифра зростає до 21 831 пуда⁸.

В 90-ті роки сталися значні зміни в соціально-економічному розвитку міста й зросла його роль як економічного центру.

Ще одним прикладом досить швидкого заселення може слугувати Миколаїв. В рік його заснування (1789) тут працювали 2,5 тисяч чоловік. Основною запорукою розвитку стало судобудівництво і торгівля. В 1791 році в місті, крім солдат і робітників, працюючих в судобудівництві, проживало 147 жителів, які мали 26 будинків. А вже через рік тут вже були: церква, магістрат, адміралтейство, училище, 158 будинків, 209 мазанок, 61 землянка. Постійно проживали тут 1 566 чоловік і тимчасово - 1 734⁹. А в 90-

ті роки Миколаїв стає центром судобудівництва і сюди з Херсону переселяються 5 тисяч майстрівих 13 тисяч членів їх сімей¹⁰. З цього часу починається поступовий розквіт міста.

Досліджаючи історію Катеринослава, Д.І. Яворницький звернув увагу на ряд цікавих особливостей¹¹. Граф Потьомкін планував його саме так, щоб воно стало найпомпезнішим містом Новоросії, що в свою чергу викликало іронію у французького посла - графа Сегюра. Підстави для такого пессимізму звичайно були. За відсутністю мосту через Дніпро протягом 7 років місто було взагалі малодоступним. Проте не зважаючи на всі негаразди, воно починає успішно розвивати свій економічний потенціал, що сприяє формуванню ринку робочої сили. В.Борисенко зазначає, що кількість робітників у Катеринославському намісництві протягом 1774-1789 років збільшилась у 15 разів, тоді як в Ужгороді за 1764-1855 роки лише у 4,5 разів¹². Замість тимчасового наймитування почався масовий відхід збіднілого люду на тривалі заробітки. І вже в 1800 році населення Катеринослава становило 2 634 чоловіка, не враховуючи більше 2 тисяч робітників суконної мануфактури¹³.

Та справжнім феноменом став розвиток чорноморського порту Одеси. Через рік після заснування (1795), його населення складало 2 349 чоловік, а в 1797 році воно збільшилось до 3 153 чоловік¹⁴. Це пояснюється зокрема і тим, що активна зовнішня торгівля приваблювала в місто вихідців з різних регіонів Російської імперії, в тому числі і збіглих кріпосних селян. Крім цього, російський уряд гостинно запрошуав на південно-українські землі іноземних колоністів для скорішого їх освоєння. Тож уже в кінці XVIII століття біля 3-х тисяч селян-втікачів стали вільними жителями міста, а близько третини всього населення становили іноземці та мешканці без паспортів, що означало незаконний характер проживання¹⁵. Не дивно, що в місті протягом літа і осені знаходилась значна кількість некваліфікованих робітників, яких вабила високооплачувана робота в порту. Так, в 1815-1820 роках за перевезення товарів із порту на склад візник отримував 5-6 крб. в день, що більш ніж в 4 рази перевищувало звичайний щоденний заробіток¹⁶.

На початку XIX століття до Одеси переселилась і значна частина багатих купців, які заснували тут торгові дома і займались торгівлею хлібом. В місті розвивалась промисловість, яка потребувала робочої сили. Тож на 1803 рік кількість населення в місті зросла майже втричі і становила 9 тисяч чоловік¹⁷.

Слід зазначити, що в 1-й половині XIX століття відсоток міського населення від загальної його кількості на Україні як і в Росії був все ж низьким. Розвиток міст гальмувався рядом факторів. Це, перш за все, існування кріпосного права, обмежена кількість великих мануфактур, слабкий розвиток купецької промисловості тощо. Але на Півдні України спостерігається досить високий рівень урбанізації, перш за все за рахунок великих портових міст - Одеси, Миколаєва, Херсону.

Прослідкувати зростання міського населення у зазначеній період можна аналізуючи статистичні дані.

ДИНАМІКА ЧИСЕЛЬНОСТІ МІСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ ПІВДЕННОЇ УКРАЇНИ у 1835 - 1840 рр. XIX століття¹⁸

Губерній	1835 рік				1840 рік			
	Нас. (тис. чол.)	Кіль кість міст	Місь ке нас. (тис. чол.)	% мі сько го нас.	Нас. (тис. чол.)	Кіль кість міст	Місь ке нас. (тис. чол.)	% мі сько го нас.
1) Катерино-славська	777,4	7	43	5,5	870,1	9	55,7	6,4
2) Херсонська	822,8	9	122	14,8	842,4	12	149	17,7
3) Таврійська	521	15	69,8	13,3	572,2	12	121,4	21,2
Усього:	2121,2	31	234,8	11,2	2284,7	33	326,1	15,1

*Складено на основі даних: Ведомости о народонаселении по 8-ой народной переписи; статистическая таблица о состоянии городов Российской Империи - Санкт-Петербург, 1840.

Протягом 5-ти років міське населення Південної України збільшилось на 913 тисяч чоловік, причому найбільш швидкий зрост спостерігається у Таврійській та Херсонській губерніях. Якщо в середньому по Україні відсоток місткого населення становив 8,7%, то в південно-українських містах він досяг 15%. Причому найбільшими містами за чисельністю населення на 1840 рік були: Одеса - 60 тисяч чоловік, Севастополь - 41 тисяча чоловік, Миколаїв - 28,7 тисяч чоловік та Херсон - 22 тисячі. Для порівняння: чисельність населення найбільших міст Росії становила: Петербургу

- 470 тисяч чоловік., Москви - 349 тисяч, Риги - 60 тисяч, Тули - 51,7 тисяч, Астрахані - 46 тисяч чоловік¹⁹.

На середину XIX століття продовжується тенденція до зростання міського населення. За даними 9-ої народної ревізії, його кількість збільшилась до 442,3 тисяч чоловік, що становило близько 14%²⁰. Найбільш густонаселеним містом залишається Одеса (104 тисячі чоловік), яка посідала 3-те місце по кількості міського населення²¹.

Слід зазначити, що на Півдні України успішно розвивались не лише великі міста, але й цілий ряд містечок. Прикладом може слугувати містечко Нікополь Катеринославської губернії, де формувався ринок робочої сили. У 1860 році його населення складало 7 329 чоловік, в тому числі 1 256 міщан та 716 купців. Воно займалось, в основному, торгівлею та ремеслами²².

Важливим стратегічним та торгівельним центром було містечко Каховка Херсонської губернії з населенням більше 7 тисяч чоловік²³.

Звертає на себе увагу той факт, що більшість міст мала досить низький благоустрій і недостатньо розвинуту промисловість. Але розширення їх функцій обумовило зростання економічного потенціалу. А значне збільшення чисельності міського населення протягом 1-ої половини XIX ст. сприяло перетворенню міст у промислові, адміністративні та культурні центри.

ПРИМІТКИ:

¹ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775-1800 гг. - М, 1959. - С.77.

² Тимофеенко В.И. Города Северного Причерноморья во 2-ой половине XVIII века - К. - 1984. - С.32-33.

³ ДАОО, ф.3. - оп.І, спр.50, арк.79.

⁴ ПС 3-Т.XVI - №12 099.

⁵ Herlihy P. Odessa : A histori. 1794 - 1914 - Harvard Ukrainian Research Institute/ 1986 - P.15.

⁶ Дружинина Е.И. Северное... - С.174.

⁷ Скальковский А. Херсон с1774 до 1794 года - С-П., 1836. - С.25.

⁸ Там же. - С.31.

⁹ ЗООИД. - 1850. - Т.2. - С.747.

¹⁰ Тимофеенко В.И. Города Северного... - С.140.

¹¹ Яворницкий Д.И. История города Екатеринослава. - Дніпропетровськ - 1989. - С.87.

¹² Борисенко В.І. Курс української історії. - К., 1996. - С.334.

- ¹³ Історія міст і сіл УРСР. Дніпропетровська обл. - К. 1972. - С.64.
- ¹⁴ Смолянинов К. История Одессы. - Од. - 1853. - С.284.
- ¹⁵ Herlini P. Odessa : A history... - Р.15.
- ¹⁶ Ципперштейн С. Евреи Одессы. История культуры, 1794-1881. - М., 1995. - С.36.
- ¹⁷ Історія міст і сіл УРСР. Одеська обл. - К., - С.86.
- ¹⁸ ДАОО ФЗ, оп.1, спр.50, арк. 66-68. Статистические таблицы о состоянии городов Российской Империи, составленные в статистическом отделении Совета Министерства Внутренних дел.- С-П, 1840. - С.12-13; 52-53; 67.
- ¹⁹ Мельник Л.Г. Міста України за всеросійським переписом 1840 року// УІЖ - 1889. - №12. - С.51, 52.
- ²⁰ ДАОО. - ФЗ, оп.1, спр.76., арк.20-30, 43-48; 18, 69; 1-16.
- ²¹ Історія міст і сіл УРСР. Одеська обл. - К. - 1972, С.86.
- ²² Чирков А. Містечко Никополь /Статист. описание/. - Листок РОПІТ - 1860. - С.380.

Т.Г.ГОНЧАРУК

**ОДЕСЬКЕ ПОРТО-ФРАНКО (1819 - 1859 рр.)
ТА ЙОГО ВПЛИВ НА ЕКОНОМІКУ УКРАЇНИ.
(ВИВЧЕННЯ ПРОБЛЕМИ В ЛІТЕРАТУРІ XIX ст.
ТА ІСТОРІОГРАФІЇ).**

Одеське порто-франко (1819-1859 рр.) безперечно є важливим явищем економічної історії України минулого століття. Оцінки істориками його значення були пов'язані з полемікою, яку вели навколо режиму “вільної торгівлі” його сучасники.

Супротивники порто-франко почали висловлювати свої думки в літературі майже відразу після його проголошення. Перекладач відомої праці Г.Сікара М.Трегубов вважав, що замість режиму порто-франко в усій Одесі слід зробити так, “чтоб во всех портах на Черном и Азовском море одни биржевые амбары были сделаны порто-франко”, бо це було зручнішим для митного нагляду й пересування населення. Автор взагалі вважав недоцільним використовувати Одеський порт для зовнішньої торгівлі, бо в ньому не зручно було проводити митний контроль¹.

Вже в 1832 році членам Одеського відділення комерційної ради довелося писати відповідь супротивникам порто-франко.

Головними її положеннями були: збільшення завдяки порто-франко місцевих капіталів (бо купці не сплачували мита); поширення експорту хліба завдяки посиленню імпорту; поява нових видів експорту (сало, шкіри, віск), що сприяло розвитку сільського і промислового виробництва; збільшення кредиту міста за кордоном та кількості суден, що приходили в порт, (вартість фрахту таким чином зменшувалась); залучення іноземних капіталів; сприяння транзитній торгівлі, розбудові міста й порту; захист країни від епідемій тощо.

Позитивно оцінювали порто-франко А.Скальковський, К.Смольянінов й інші історики міста й краю середини XIX ст. М.Вольський підкреслював, що порто-франко залучало необхідні для експорту іноземні капітали. Автор історичного нарису торгівлі в Записках Товариства сільського господарства Південної Росії, як і А.Скальковський значною втратою вважав обмеження порто-франко 1822 року: "от того торговля Одессы заметно уменьшилась и многие купцы обанкротились"².

Головні аргументи супротивників порто-франко досить повно були представлені у працях Г. Неболсіним. Відомий економіст вважав, що режим вільної торгівлі з його огорожею та митницями навколо Одеси заважав зв'язкам цього міста з внутрішнім ринком імперії ("Черта порто-франко, в коєй заключается весь город Одесса, поставляя сей важный для внешней и внутренней торговли порт в положение заграничного места, разрывая внутренние связи онога с Россиею") і оскільки Одеса не була зручним портом для транзитної торгівлі, від порто-франко вигравали лише мешканці міста. "Контрабанда, из Одессы во внутрь империи, уменьшает потребление русских мануфактурных товаров", - зазначав Г.Неболсін. Г.Неболсін заперечував тезу, що безмитний імпорт сприяв експорту хліба, бо "вывоз... через Одессу поддерживается необходимой потребностью иностранцев, и, следовательно, не может зависеть от перемен в требовании иностранных товаров для России" (проте експорт залежав також від купівельної спроможності споживача, яка збільшувалася, коли за хліб можна було сплачувати товаром), те що порто-франко залучало в Одесу іноземні капітали. (За Г. Неболсіним, на відміну від купців-експортерів хліба іноземці, які займались імпортом, лише вивозили з Одеси значні капітали), сприяло розвитку Одеси, як міста й порту, захисту країни від епідемій, тощо. Обмеження порто-франко 1822 року російський економіст вважав несуттєвим³.

О. Антонов критикував порто-франко здебільшого за зменшення продажу російських мануфактурних виробів в Одесі і навколо неї ("для нас кажется напрасным, выпускать деньги за границу за товары, которые мы сами имеем в избытке"). О. Антонов вказував на великі обсяги контрабанди, втрати внутрішньої торгівлі та деяких видів російського імпорту, (чайної торгівлі з Китаєм), порушення економічної єдності держави⁴.

Після скасування Одеського порто-франко обговорення його наслідків в літературі не припинилось. К. Медзиховський доводив безпідставність аргументів, що висловлювали у захист порто-франко одеські купці у 1832 р. На його думку, режим не сприяв посиленню одеської торгівлі (вона зростала й до його проголошення і після скасування) і загалом не здійснив жодної з чотирьох цілей, які ставилися перед порто-франко у світі (сприяння транзиту, розвитку промисловості, вітчизняного мореплавства та суднобудування, встановленню прямих контактів з країнами-виробниками та імпортерами). Головним негативним наслідком порто-франко дослідник вважав втрати російських митниць і зазначав, що порто-франко, явище здебільшого середньовічне, в XIX ст. було анахронізмом⁵. З останнім був згоден і словник Броঁгауза та Ефрома: "судьба порто-франко в XIX в. объясняется развитием средств, которые делают возможным достижение цели при условиях менее обременительных для народно-хозяйственной жизни" (Т.47. С. 112).

З іншого боку, деякі дослідники історії Одеси були схильні ідеалізувати порто-франко. О. Кірпічников, О. Маркевич, М. Федоров, автори видання "Одесса 1794-1894" та ін. вважали, що успіхи Одеси першої половині XIX ст. були в значній мірі, або виключно, обумовлені порто-франко. Такі тенденції виходили з праць захисників режиму вільної торгівлі (А. Скальковський напередодні скасування порто-франко писав: "каковы были от того последствия для Одессы видим мы в цветущем благосостоянии города"), і навіть декого з їх опонентів (О. Шмідт вважав, що Одеса мусила занепасті після Наполеонівських війн, "но исключительное право порто-франко содействовало ее развитию за счет других городов Черного моря")⁶. Інші дослідники історії Одеси (С. Берштейн, С. Плаксін) не надавали порто-франко великого значення, а Д. Атлас зазначала лише його вплив на культурне життя (так зване "духовне порто-франко")⁷.

Нові підходи до вивчення Одеського порто-франко з'явились в українській історіографії 1920-х - середині 30-х рр. Характерним

було те, що історики на відміну від своїх попередників, як правило, не давали однозначної оцінки цьому явищу. О. Оглоблин, грунтовно вивчаючи це питання, зазначав: "porto-франко сприяло нагромадженню капіталу в Одесі, збільшувало товарний обіг в інтересах як імпорту, так і експорту...зміцнювало закордонну торгівлю України...porto-франко спричинилось до зростання Одеси як промислового й культурного центру. Заробітна платня через це збільшувалася. Реальний заробіток тут був вищий, ніж в Англії, або в будь-якій іншій Європейській країні...". Місцевий споживач отримував дешевий імпорт ("...український дідич мав право гадати,... міг дістати в Одесі або з Одеси усе потрібне йому і то доброго гатунку"), а економіка України могла, на думку історика, відмовитись від деяких примусових зв'язків з Росією й розвивати стосунки з Заходом. Це було особливо важливим після впровадження в імперії протекціоністської системи. ("porto-франко то була тільки маленька квартирка в величезному мурі заборончої системи", - писав він, - "звичайно вельми вабило закрити й це"). Відомий вислів Г. Неболсіна щодо порто-франко: "должно применять часть государства к целому, а не целое к частям", О. Оглоблин коментував: "...інтереси української «частки» мусили поступитися інтересам московського цілого". О. Оглоблин вважав значними обмеження порто-франко 1822 року.

Серед негативних наслідків О. Оглоблин називав те, що порто-франко поширюючи торговлю морем з Англією, "створювало серйозну противагу німецькій, а згодом польській промисловій експансії на Україні (Правобережній) й на Чорноморщині.." (це ніби добре розумів царський уряд, посилюючи протистояння між західними країнами він зберігав таким чином свій економічний вплив на Україні). Порто-франко шкодило розвитку української промисловості, коли російська, за великою відстанню, страждала не так. Тому, на думку О. Оглоблина, російський уряд, впроваджуючи режим порто-франко, сприяв утриманню України, як аграрної країни. За О. Оглобліним порто-франко перетворювало українську економіку на "буферну територію" і зберігало її на наступний період, як ринок збути російської промисловості. Проте загальний вплив порто-франко на економіку України О. Оглоблин вважав позитивним⁸.

I. Бровер розглядав порто-франко в плані вирішення головнішої проблеми українського господарства - нестачі вільних капіталів. Порто-франко, зазначав він, мало велике значення "не

тільки сприяючи збільшенню тих купецьких капіталів, що вже брали участь у місцевому обігові, а й притягуючи нові, здебільшого чужоземні, капітали". Проте порто-франко, за І. Бровером, не дуже сприяло збільшенню капіталів українських дідичів⁹.

М. Слабченко вказував лише на позитивне значення порто-франко для українського господарства. Така оцінка, напевно, була обумовлена деякою ідеалізацією товарообміну між Україною та європейськими державами, яка була притаманна поглядам цього історика. Економіст Д. Бованенко оцінював одеське порто-франко цілком негативно, бо воно сприяло закріпленню за українським господарством ролі колонії для розвинутих країн Європи. Схожу на концепцію «буферної економіки» О. Оглоблина оцінку одеського порто-франко давав Т. Слабченко. "Забезпечений збут сільсько-господарчих продуктів, - писав він, - не міг стимулювати України й на перехід до індустріального розвитку. Вона могла зі сторони, з Заходу дістати... всі інші речі. ...порто-франко затримувало дідичів на лінії хліборобства". Т. Слабченко, вважав вплив режиму порто-франко на економіку України негативним¹⁰.

В післявоєнні роки серед істориків, що оцінювали функціонування режиму "вільної торгівлі" лише негативно слід відзначити В. Золотова, який фактично повторив концепцію супротивників порто-франко ХІХ ст. (Г. Неболсіна та ін.), доповнивши її новими фактами та статистичними даними¹¹. Часто дослідники зазначали як позитивні, так і негативні моменти порто-франко. Так, В. Голобуцький писав: "Одеське порто-франко мало певне значення для пожвавлення економічного розвитку Південної України, але в цілому існування його мало негативні наслідки". Серед останніх історик зазначав обсяги контрабанди, що "йшли в далекі кутки України і Росії", "перешкоди для промислового розвитку як самої Одеси, так і для південних регіонів України". Схожими були і висновки І. Гуржія¹².

"Считая важным общественное разделение труда, - писала О. Дружинина, - которое сложилось между промышленно развитыми губерниями и Южными и Юго-Восточными регионами нельзя не признать положительной роли порто-франко". Це твердження практично повторює концепцію "буферної економіки" О. Оглоблина, хоча і з протилежною оцінкою. Н. Полонська-Василенко (так само, як до того О. Оглоблін) вважала вислів Г. Неболсіна про інтереси "частини" та "цілого" головним принципом економічної політики Росії стосовно інтересів України: "цей принцип, червоною

ниткою проходить через всю історію господарства України". Тому, посягання урядовців на права Одеського порто-франко розглядалися дослідницею, як посягання на українські інтереси¹³.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Трегубов Н. Предисловие к "Письмам об Одессе" Г. Сикара // Дух журналов.- 1818. -Ч. 30. -С. 207, 217
- ² Вольский М. Очерк истории хлебной торговли Новороссийского края с древнейших времен до 1852 года. -Одеса, 1854; Исторический очерк торговли Черного и Азовского морей // Записки общества сельского хозяйства Южной России. - 1841.- С.74; Симонович. О порто-франко вообще //Одесский вестник. -1833; -№ 40, 41, 43.
- ³ Неболсин Г. Статистические записки о внешней торговле России.- СПб.,1835.-Ч.1.-С.47,64-66; Неболсин Г. Статистическое обозрение внешней торговли России. -Т. 1. -С. 385-389.
- ⁴ Антонов О. Несколько мыслей о порто-франко в Одессе и товарных депо в Тифлисе, Одессе, Варшаве. -М., 1848. -С.7-12.
- ⁵ Медзыховский К. О свободных гаванях. -СПб., 1910.- С.37-40.
- ⁶ Скальковский А. Торговля и торговая промышленность в Новороссийском крае. //Журнал министерства внутренних дел.- 1850.-Ч.29.-С.47; Шмидт А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Херсонская губерния. -СПб.,1862. -С. 107.
- ⁷ Атлас Д. Старая Одесса ее друзья и недруги.- Одесса., 1992.-С.45.
- ⁸ Оглоблін О. Одеське порто-франко //Наукові записки Київського інституту народного господарства.-1928.-Т.10.-С.42,44,45,47.; Оглоблін О. Нариси з історії капіталізму на Україні.-Харків,1930 С. 97-98,115.
- ⁹ Бровер І. Україна на переломі до промислового капіталізму.- Одеса., 1931.-С.26,63,78,79.
- ¹⁰ Слабченко Т. До історії аграрних криз на Україні в XIX ст. // Записки Одеського наукового при УАН Товариства. Секція соціально-історична.-1928.-Ч.2.-С.63.
- ¹¹ Золотов В.А. Внешняя торговля Южной России в первой половине XIX в.-Ростов-на-Дону, 1963.-С.141,142,149,152.
- ¹² Голобуцький В.О. Економічна історія Української РСР.-К.,1970.- С.194; Гуржій І. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861р.).-К., 1962.-С. 167.
- ¹³ Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800-1825.-М.,1970.-С.1 25; Полонська-Василенко Н. Історія України.-К.,1993.-Т.2.-С.384.

**АДМІНІСТРАТИВНИЙ УСТРІЙ ТА УПРАВЛІННЯ
ДУНАЙСЬКОГО КОЗАЦЬКОГО ВІЙСЬКА.
1828-1868 рр.**

Після приєднання у 1812 році Бессарабії до Російської імперії, уряд зацікавлений в скорішому заселенні і економічному освоєнні регіону, потребуючи збільшення військових контингентів в прикордонній області вирішив створити у Південній Бессарабії козацьке військо, яке отримало назву Дунайського. Проте, не лише уряду належала ініціатива його створення. Документи дозволяють твердити, що українське козацтво, яке залишилось в краї після 1812 року (колишні козаки Усть-Дунайського Буджацького і Чорноморського військ, задунайські запорожці) відразу почали домагатися створення в Придунав'ї козацького війська. Ця боротьба тривала понад двадцять років, незважаючи на рішучі відмови місцевої адміністрації.

14 червня 1828 року загальне керівництво з організації Дунайських козацьких полків було доручено новоросійському і бессарабському генерал-губернатору М.С.Воронцову. Безпосередньо формування було покладено на предводителя дворянства Херсонської губернії полковника С.П.Челобітчика.

Джерелами формування були різні в становому і соціальному відношенні категорії населення: колишні усть-дунайські буджацькі козаки, задунайські запорожці, волонтери з Балканських країн (які брали участь в російсько-турецьких війнах кінця XVIII- початку XIX ст. на боці Росії), відставні солдати, державні селяни, представники збіднілих дворянсько-офіцерських кіл і навіть, поміщицькі і державні селяни-втікачі.

Дунайське військо було оселене в Акерманському повіті і складалось з 10 станиць і хуторів (тепер у Білгород-Дністровському, Саратському, Татарбунарському районах Одеської області і районі Штефан Воде, Молдова).

В червні 1828 року, з прийняттям рішення про формування Дунайських козацьких полків цар Микола I розпорядився, що служилі козаки та їх діти відраховуються від “земства” та “передаються” до козацької верстви. Однак, постанова ця не була розповсюджена на родини козаків, які продовжували залишатися на положенні державних селян до 1831 року¹.

Загальне керівництво Дунайськими полками та козацькими станицями здійснював новоросійський та бессарабський генерал-губернатор. Військово-адміністративні справи вирішувались разом з козацьким відділом Головного штабу. Питання місцевого устрою та управління на етапі формування уточнені не були. На цей час діяло Положення про Донське козацьке військо з врахуванням пропозицій, сформульованих полковником С.П.Челобітчиковим. В кінці грудня 1828 року він подав новоросійському та бессарабському губернатору проект тимчасового положення про устрій та управління військом.

Передбачалось всіх зарахованих до козацьких полків переселити з різних районів Бессарабії та Херсонської губернії в Акерманський повіт. Селища, що заселені козаками назвати "військовими козацькими станицями". Начальника війська призначати урядом. Сформувати військову канцелярію та створити станичні правління². Хоча цей проект не був затверджений, але практично діяв за своєю основою до 1836 року.

Наступні начальники Дунайського війська неоднаразово намагалися скласти новий проект. Так, за часів військового старшини І.Ф.Герко управління військом складалося з командуючого та Військової канцелярії. В жовтні 1833 року осавул М.Немчиков склав проект за яким загальне керівництво належало новоросійському та бессарабському генерал-губернатору, усі справи місцевого порядку вирішував "правитель" війська. Засновувалось Військове правління. Канцелярія поділялась на військову, цивільну та господарську частини. Устрій та управління Дунайським військом мали узагальнюватися з "порядками" інших козацьких військ³.Проект також не був запроваджений до життя.

У 1836 році на чолі Дунайського війська став генерал-майор С.Т.Василевський . З затвердженням його на цій посаді почалося закладення та оформлення всіх головних установ управління, переважна більшість яких проіснувала майже до ліквідації війська. Начальник війська об'єднував військові, поліцейські та економічні функції. Була запроваджена тимчасова Військово-судова комісія, що розглядала військові зловживання та порушення, справи іншого характеру вирішували місцеві повітові судові органи. Керування станицями Василевський спочатку доручив старшинам, за поліцейською та економічною діяльністю яких наглядав спеціально призначений офіцер⁴. Згодом, у 1839 році, керування станицями доручалося станичним правлінням на чолі зі станичним отаманом чи старостою. Усі вони обирались на три роки.

Цей устрій та управління зберігались до середини 40-х років XIX ст.

На початку 1836 року за пропозицією новоросійського та бессарабського генерал-губернатора в м.Акермані була створена тимчасова Комісія. Вона повинна була розробити проект Положення про управління та устрій Дунайського козацького війська. На чолі комісії був генерал-майор С.Т. Василевський⁵.

Влітку того ж року, проект Положення з призначеними штатами та додатками був поданий на розгляд графу М.С.Воронцову. За цим проектом управління Дунайського війська зовсім відрізнялось від його попереднього устрою, а також управління в Донському війську⁶.

До проекту були внесені також зміни та доповнення відділом Іррегулярних військ і заключний варіант був переданий до Військової Ради на затвердження⁷.

Крім загального Положення Дунайське козацьке військо мало ще положення про управління військом. Воно містило всі позиції що і в загальному Положенні, але більш детально регламентувало внутрішні дії наказного отамана, Військового та станичних правлінь, інших установ, глибше розяснювало їх обов'язки та права⁸.

13 грудня 1844 року царем Миколою I було затверджено “Положение о Дунайском казачьем войске”⁹. З його прийняттям завершився перший етап становлення системи адміністративного управління військом і почався другий, що продовжувався до ліквідації війська в грудні 1868 року. У випадках, непередбачених цим “Положенням” в дію вступало Положення про Донське військо.

Дунайське військо було частиною іррегулярних сил Російської імперії. Головне управління ним, згідно “Положенню” здійснювалося на правах командира окремого корпусу мирного часу за посадою новоросійський та бессарабський генерал-губернатор. У військово-адміністративному відношенні військо підпорядковувалося Департаменту Військових поселень Військового міністерства та кураторству козацького відділу Головного штабу.

Безпосереднє керівництво військом здійснювалося наказний отаман через Військове правління. Він мав права бригадного командира. Наказний отаман призначався та звільнявся наказом уряду, однак права прямого звернення до нього не мав. Він відповідав за всі сторони життя війська.

Згідно з “Положенням” наказний отаман стояв на чолі Військового правління. Воно складалося зі старшої особи, двох асесорів (один з них скарбник).

Військове правління здійснювало керування усіма сторонами життя у війську. Воно стежило за виконанням законів, порядків, добробутом та безпекою осіб, майна тощо. У військовому правлінні було дві експедиції: військова та цивільна. На чолі кожної стояв асесор. Асесор військової експедиції стежив за виконанням наказів і військового відомства, переліком служилих і звільнених козаків та офіцерів, розподілом на польову, внутрішню служби, строками служби. Асесор цивільної експедиції наглядав за господарськими, економічними, поліцейськими справами і справами внутрішнього управління. Військова і цивільна експедиції складались кожна з двох столів. На чолі їх стояли столонаочальники. У складі Військового правління діяла Канцелярія.

Секретар призначав столонаочальників та керував усіма чинами канцелярії, що відповідала за діловодство.

Члени військового правління не змінювались по декілька років.

Наказний отаман та Військове правління для ознаки своєї влади отримували печатку.

При Військовому правлінні працювала Комісія військового суду. Це не був постійно діючий орган. Комісія збиралась у випадку необхідності, за розпорядженням наказного отамана. Вона складалась з презуза, трьох асесорів, аудитора та писаря. Комісія розглядала справи, що торкалися службових та позаслужбових порушень військових чинів. Про стан справ вона доповідала Правлінню. Інші справи - цивільного та карного характеру - розглядалися місцевими повітовими судовими органами за присутністю представника від війська.

Військове правління одержувало платню від казни, доти доки військо спроможне буде взяти виплати на себе.

Центр управління військом повинен був розміщуватись в ст. Волонтирівка. Однак, у зв'язку з тим, що в ній не було необхідних приміщень, воно знаходилось в м.Акерман, а після придбання ст.Миколаївки-Новоросійської перейшло до цієї станиці.

Військовому правлінню також підпорядкувались військовий шпиталь, військове училище та станичні правління, що здійснювали управління на місцях.

Станичні правління обирались населенням станиці на три роки і затверджувались Військовим правлінням. Станичне правління

складалося зі станичного отамана, двох суддів, писаря та фельдшера. В деякі станиці за розпорядженням наказного отамана призначалися станичні пристави, котрі виконували поліцейські функції. Станичні правління були органами виконавчої влади. Ім підпорядковувалось все населення станиці, незважаючи на посаду та звання. Вони здійснювали управління в приписаних до станиць хуторах. З цією метою при станичних правліннях вводились посади хуторських приказників. Станичні правління запроваджувались у 8 станицях.

Для підтвердження законності своєї влади отаману кожної станиці надавалася станична насека (булава) та печатка. В загальних примітках до Положення вказувалось, що насека (булава) була запозичена із “старовинних козацьких звичаїв”, і тепер вводиться як ознака, що зобов’язує людей поважати суд та порядок¹⁰.

До обов’язків станичних правлінь входила охорона станичного майна та кордонів, благоустрій, справне утримання іменних та чергових списків та щорічні звіти про стан станиць. Платню станичне правління одержувало зі станичних надходжень, в залежності від кількості служилих козаків у станиці.

У вересні 1858 року це станичне управління було змінене.

Станичні правління зберігалися лише в чотирьох станицях війська. Інші станиці приєднувалися в управлінні до них. Склад станичних правлінь залишився не зміненим. В приєднаних станицях та хуторах запроваджувались приказний і суддя з декількома десятськими, котрі мали поліцейські функції та підпорядковувались відповідним станичним правлінням¹¹. Надалі змін в управлінні не відбувалось.

11 липня 1856 року в зв’язку з відходом від Росії при дунайської частини Бессарабії Дунайське козацьке військо було перейменовано в Новоросійське.

У 1859 році в зв’язку зі змінами щодо управління в козацьких військах імперії уряд наказав скласти нові Положення. Для цього при новоросійському та бессарабському генерал-губернаторові була сформована Комісія під керівництвом наказного отамана Новоросійського війська генерал-майора І.Є.Гангардта.

Нове Положення про Новоросійське військо було складене вже в січні 1860 року. І.Є.Гангардт вважав, що “для спрощення бюрократичних форм, успіху адміністрації і скорочення витрат по управлінню слід замінити Військове правління на просте Військове

Чергування. Військо ж одержить економію в 1500 крб. на рік на “необхідні потреби”. За проектом безпосереднє управління здійснювало наказний отаман, але не через Військове правління, а через Військове чергування. Воно складалось із чергового штабофіцера, військового контролера, скарбника, чиновника особливих доручень, писарів, землеміра, ветеринара. Канцелярія Військового чергування формувалась з трьох відділів: військового, судово-поліцейського та виконавчого, господарського. При чергуванні започатковувалась Комісія Військового суду. В управлінні залишалися станичні правління¹². Проект не був затверджений.

На протязі 60-70-х років XIX ст. в Російській імперії проводилася військова реформа та реорганізація іррегулярних військ. Внаслідок цього Військове міністерство знов повинно було переглянути Положення усіх козацьких військ. Одним з наслідків стала ліквідація Новоросійського війська.

Питання про ліквідацію Новоросійського козацького війська внаслідок недостатньої кількості землі було підняте ще в 1861 році, але воно не розглядалось у зв'язку з повстанням у Польщі в 1861-1863 рр. Через декілька років, а саме в 1866, командуючий військами Одеського військового округу генерал-ад'ютант П.Є. Коцебу повідомляв Військове міністерство про те, що Новоросійське військо за малочисельністю служилого складу не може виконувати свої обов'язки (виставляє один полк замість двох) і краще буде військо розпустити¹³.

Поданий ним проект “Положення про ліквідацію Новоросійського війська” доповнювався та виправлявся біля двох років, і у грудні 1868 року, він був затверджений урядом¹⁴.

“Положення” складалося з трьох розділів. В них роз'яснювалися особисті права та обов'язки офіцерів і козаків війська, їх господарське влаштування, стан військових установ та майна після розформування війська. Для відведення землі чинам війська при Військовому правлінні була сформована спеціальна Межувальна Комісія.

Заходи, пов'язані з розформуванням війська, повинні бути реалізовані на протязі 1869 року. Військове правління мало розібрати свій архів, справи котрого по військовій частині передавалися до штабу Одеського військового округу, по цивільній - Бессарабських повітових установ, згідно з їх напрямком. 31 грудня 1869 року Військове правління передало акерманському

ісправнику полковнику Арендаренко станиці з населенням та земельними ділянками, і припинило своє існування¹⁵.

Таким чином, Дунайське козацьке військо, як і всі інші козацькі війська створені урядом, було позбавлено самоврядування, а весь його внутрішній устрій, порядок відбування служби і життя чітко регламентувався військовою старшиною та адміністрацією.

ПРИМІТКИ:

¹ Державний архів Одеської області (далі - ДАОО), ф.,1, оп.214, спр.1, ч.1 за 1828 р., арк.258-266; оп.216, спр.8 за 1831 р., арк.85-87.

² Там само, ф.1., оп.214, спр.2 за 1831 р., арк.5-16.

³ Філія Державного архіву Одеської області в м.Ізмаїлі (далі - ФДАОО в Ізмаїлі), ф.755, оп.1, спр.8, арк.34-37.

⁴ Російський Державний військово-історичний архів (далі - РДВІА), ф.4л, оп.139, спр.87, ч.3, арк.11зв.

⁵ РДВІА, ф.4л, оп.138, спр.87, арк.24,112; оп.139, спр.87, ч.2, арк.57зв.

⁶ Там само, оп.138, спр.87, арк.79-82,85.

⁷ РДВІА, ф.4л, оп.138, спр.87, арк.69,113,136-137,141-147,172-174,187.

⁸ Там само, оп.139, спр.87, ч.2, арк.1-59.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. II (далі - ПСЗ.П).-1844.-СПб., 1845.-Т.XIX.-№18526.-С.827-867.

¹⁰ РДВІА, ф.4л, оп.139, спр.87, ч.2, арк.43-43зв.; спр.87, ч.1, арк.5.

¹¹ ПСЗ.П.-1858.-СПб.,1860.-Т.33.-№33530.-Прилож.-С.527.

¹² Центральний державний історичний архів України в м.Києві, ф.245, оп.2, спр.63, арк.1-4,25-26,30,33,44-47.

¹³ Столетие Военного Министерства.-СПб.,1902.-Т.XI.-Ч.1.-С.364-365; Исторический очерк деятельности Военного управления в России.-СПб.,1879.-Т.3.-С.226.

¹⁴ ПСЗ.П.-1868.-СПб., 1869.-Т.XLIII.-№ 46506.

¹⁵ ФДАОО в Ізмаїлі, ф. 755, оп. 1, спр. 204, арк.100,133-135,147-147 зв.

“ОДЕССКИЙ ВЕСТНИК” І ПІВВІКОВИЙ ЮВІЛЕЙ ОДЕСИ

Святкування ювілеїв Одеси, в чому можна було нещодавно переконатись, завжди слушна нагода для краєзнавців активізувати свою наукову діяльність. Офіційне відзначення першого піввікового ювілею міста відбулось у 1844 р.

Якщо не враховувати першого тому “Записок” Одеського товариства історії і старожитностей, який вийшов у 1844 р., то місцеві краєзнавці мали можливість публікувати свої матеріали лише в “Одесском вестнике” - єдиній тоді газеті в місті. У той же час, завдяки тому, що кращі наукові сили міста і регіону співпрацювали з газетою, вона набула ознак наукового видання¹.

Уже з початку свого існування (1827) газета завоювала популярність серед читачів і викликала жвавий інтерес до своїх публікацій. З 1834 по 1857 рр. “Одесский вестник” редактував відомий статистик Олександр Тройницький (1807-1871). Як і в попередній період газета за часів його керівництва продовжувала краєзнавчі публікації і ставала більш змістовою².

В ювілейний, 1844, рік на сторінках “Одесского вестника” з’явилася низка публікацій, які продемонстрували доробок місцевих краєзнавців.

Краєзнавчі публікації того року започаткував уже відомий тоді історик Аполлон Скальковський (1808-1898) статтею “Первый вековой юбилей Новороссийского края”. Він наполягав на тому, що саме у 1844 р. треба святкувати ювілей не лише міста, а всієї Новоросії, як регіону, приєднання якого до Російської імперії розпочалося у 40-х рр. XVIII ст. Дослідник змалював вражуючу картину перетворень, що відбулись у краї протягом століття. А.Скальковський як і в попередніх своїх творах дотримувався думки, що це було здійснено лише завдяки мудрій політиці уряду і діяльності визначних адміністраторів, таких як Потьомкін, Рішельє, Воронцов³.

В день відзначення ювілею А.Скальковський здійснив археографічну публікацію з історії Одеси, так як вважав, “що таку важливу подію варто встановувати пошуками з історії краю”. Дослідник в цей час був захоплений історією козацтва і вирішив пов’язати її з історією міста. Наслідком цього став опублікований документ із Архіву Коша Нової Запорізької Січі - секретний рапорт

військового судді П.Головатого до генерал-губернатора Лівобережної України П.Рум'янцева від 30 червня 1765 р.⁴ В ньому вперше в історичній науці було згадано про побудову турецької фортеці Єні-Дунья. На жаль ця публікація залишилась маловідомою для дослідників. Внаслідок цього висловлювались різні точки зору щодо датування першої згадки про цю фортецю⁵, хоча сам археограф визначив цю дату ще у 1844 році.

Безпосередньо піввіковому ювілею була присвячена стаття редактора газети О.Тройницького “Первое пятидесятилетие Одессы. 1794-1844”, яка відобразила офіційну точку зору на те, що Одесі виповнилося п’ятдесят років. В ній дослідник зробив огляд історії краю до заснування міста, розпочавши її від часів існування давньогрецьких колоній. Слід зазначити, що автор у своїй розвідці спирався на праці А.Скальковського, а також використав документи з історії Одеси, які опублікував ще у 1833 р. на сторінках “Одесского вестника” М.Мурзакевич⁶.

Завдяки праці видатного історика і археолога Миколи Мурзакевича (1803-1883), який приймав активну участь у заснуванні Одеського товариства історії і старожитностей і був його першим секретарем, були опубліковані дві історичні пам’ятки, присвячені історії Одеси. Одна з них - спогади почесного громадянина міста Одеси часів Рішельє Антона Шостака під назвою “Младенчество Одессы”, яка була написана в 1809 р. і потрапила на сторінки видання із бібліотеки Воронцова. У статті містяться відомості про розвиток міста наприкінці XVIII - на початку XIX ст.⁷ Друга - “Любопытная история о начале славного города Одессы” - була написана дійсним статським радником Павлом Левашовим у 1819 р. Її М.Мурзакевич знайшов у бібліотеці Московського університету. У замітці розглядається проблема заснування Одеси, причому автор підкреслює свій особистий внесок у започаткуванні міста. Зокрема він вважає, що історія Одеси розпочалась відтоді, коли він представив Потьомкіну план пристані у Хаджибей із вказівкою на всі вигоди від цього для Росії⁸.

Археографічна традиція, яку започаткували в “Одесском вестнике” М.Мурзакевич і А.Скальковський, закріпилася на сторінках газети і була продовжена іншими дослідниками. Так, невідомий автор із Сімферополя помістив знайдений у селі Велика Знамянка наказ Потьомкіна даний виборному цього населеного пункту Март'яну 3 квітня 1785 р. про переселення жителів одніменного села у Молдові на лівий берег Дніпра⁹. Відзначимо,

що до публікації було додано коментар упорядника, який в дусі того часу підкреслив видатне значення Потьомкіна у розвитку Великої Знамянки.

Як і раніше на шпальтах газети відводилося місце для публікації етнографічних матеріалів. Так, Болеслав Хиждеу опублікував три молдавські легенди, один невідомий автор описав татарське свято в Криму, а другий невідомий автор - молдавський танець під назвою “Джек”¹⁰.

Також практикувалась публікація в “Одесском вестнике” спогадів сучасних подорожувачів (М.Бижимкіанца та М.Полозова по Криму і Б.Хиждеу по Бессарабії)¹¹. Характерною рисою цих спогадів було те, що їх розповідь містила історичний огляд тих місцевостей по яких вони мандрували.

Як і в попередні роки в газеті були опубліковані статистичні матеріали, переважна більшість яких належала редактору. В них О.Тройницький розглядав динаміку торгівлі чорноморських, азовських, дунайських портів, торгівлі на сухопутному кордоні Бессарабії тощо¹². Okреме місце він приділив успіхам торгівлі Одеси за п'ятдесят років її існування, а також відзначив фактори, які сприяли цьому¹³. В статистичній замітці “Об Одесской Крестовоздвиженской ярмарке” зроблено порівняльний аналіз її діяльності за дев'ять років, починаючи від заснування (1835 р.). Увагу читачів звернено на те, що продаж товарів там у 1844 р. був найбільшим порівняно з попередніми роками¹⁴.

П'ятдесятиріччю заснування міста також були присвячені дві статистичні публікації В.Петровського. В статті “Математические заметки касательно народонаселения Одессы” автор розглянув ті головні фактори, які відіграли важливу роль у збільшенні населення міста. Він вказав, що це відбулось внаслідок встановлення порто-франко, а також за рахунок переселенців. В другій статті “О климате Одессы” В.Петровський описав місцевість і подав порівняльну характеристику клімату Одеси за останні роки¹⁵. В газеті також була вміщена замітка невідомого автора про одеське літо, в якій здійснено порівняльний аналіз температури, починаючи від 1834 р.¹⁶

Таким чином в 1844 р. на сторінках “Одесского вестника” було опубліковано кілька десятків краєзнавчих матеріалів. Серед їх авторів варто відзначити таких відомих дослідників, як А.Скальковський, М.Мурзакевич, О.Тройницький. У зв’язку з ювілеєм публіаторська діяльність краєзнавців на сторінках газети, за нашими підрахунками, була вищою, ніж напередодні і після

юїстю. Історичні розірвки на шапках “Одесского вестника” сприяли утвердженню святкування ювілею міста, відраховуючи його початок від 1794 року. Археографічні публікації того року збагатили історичне краєзнавство новими цінними історичними джерелами. Статистичні матеріали, надруковані в газеті, мають важливе значення у вивченні історії краю для сучасних дослідників.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Григорьева Т.Ф. Становление и развитие краеведения в Южной Украине в конце XVIII-первой половине XIX в.//Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики. - К.,1991.- С.85-94.
- ² Ящук П.Й. “Одесский вестник” - одна із перших периферійних газет на Україні (З нагоди 150-річчя заснування). //Журналістика. Питання історії, теорії і практики. - Вип.5. - К.,1978.- С.104-105; Берман Я.З. До столітніх роковин заснування газети “Одесский вестник”(1827-1927). Матеріали для історичного нарису.-К.,1928.- С.16; Федченко П. “Одесский вестник” // Україна.-1968.-№26.-С.22; Гребцова І.С. Пресса южных губерний Украины первой половины XIX в. как источник по истории Новороссийского края// Записки исторического факультета. - Вып.1. - Одесса,1995. - С.170-187; Бондар Г.С. Краєзнавчі матеріали на сторінках “Одесского вестника” в 1827-1833 рр. //Записки історичного факультету. - Вип.5.- Одеса,1997. - С.198-203.
- ³ Скальковский А.А. Первый вековой юбилей Новороссийского края//Одесский вестник.-1844.-1 января.
- ⁵ Його ж. Новый документ для истории г.Одессы// Там само.-23 августа.
- ⁶ Тройницкий А.Г. Первое пятидесятилетие Одессы. 1794-1844.// Там само.
- ⁷ Шостак А.И. Младенчество в Одессе// Там само.-16,20 декабря.
- ⁸ Левашов П.А. Любопытная история о начале славного города Одессы// Там само.-8 ноября.
- ⁹ Наказ Потемкина. - Село Знамянка // Там само.- 5 января.
- ¹⁰ Хиждеу Б. Три молдавские легенды.// Там само. - 12,15,19 апреля; Татарский праздник в Крыму.// Там само. - 17 мая; Джек.// Там само. - 24 июня.
- ¹¹ Два отрывка из путешествия армяно-католического архимандрита Минаса Бижимианца. //Там само.- 8,12 апреля; Полозов М. Монастырь Святого Георгия в Крыму. // Там само.- 21

июня; Його ж. Херсонес Таврический // Там само. - 15 марта; Його ж. Окрестности Бахчисарай // Там само. - 6 декабря; Хиждеу Б. Памятник гетмана Жолкевского в Бессарабии // Там само. - 5 апреля.

¹² Там само. - 1,5,8,12,15,19,29 апреля, 3,10,13 мая, 5 июля, 6,23 сентября.

¹³ Одесская торговля в 1843 году // Там само. - 1,15,19,22,26,29 января, 2 февраля.

¹⁴ Об Одесской Крестовоздвиженской ярмарке // Там само. -14 октября.

¹⁵ Петровский В. Математические заметки касательно народонаселения Одессы// Там само.- 25 ноября; Його ж. О климате Одессы. Там само. - 14 октября.

¹⁶ Там само.- 27 сентября.

**З.В. ПЕРШИНА,
Ю.П. КОНОВАЛОВ**

ДРІБНОТОВАРНІ ПРОМИСЛИ НА МОРСЬКУМУ ТРАНСПОРТІ ЧОРНОМОРСЬКО-АЗОВСЬКОГО БАСЕЙНУ (60-70 рр. XIX ст.)

Проблема генези і утвердження капіталізму в Україні належить до важливих і складних питань у вітчизняній історії XIX ст. Перебуваючи у невід'ємному зв'язку із закономірностями та особливостями процесу модернізації - трансформації традиційного суспільства в індустриальне, вона включає немало складових. Серед них - питання про різні стадії та форми розвитку капіталістичного устрою в тих чи інших галузях економіки.

Характерною рисою народного господарства України на зламі XVIII-XIX ст. було досить широке розповсюдження дрібноторварного виробництва - дрібних, переважно селянських, промислів (землеробських і не землеробських, місцевих і відходних). Вони являли собою своєрідний поживний ґрунт, міцну базу, на котрій постійно і в масовому масштабі розвивалось капіталістичне виробництво. Сильний поштовх цей процес отримав після відміни кріпосного права та в результаті інших реформ 60-70-х рр. XIX ст.

Особливий інтерес представляє еволюція дрібноторварного виробництва перших пореформених десятиліть на морському

транспорті Чорноморсько-Азовського басейну, котрий до того часу був провідним елементом в системі морського транспорту Російської імперії, займав значне місце в розвитку економіки України, і перш за все південних її районів, які були своєрідним аванпостом поступових соціально-економічних процесів в країні.

Дана тема в історичній літературі висвітлена недостатньо. Досліджені монографічного характеру, як і спеціальних статей, в цій галузі до цих пір немає. Між тим, джерельна база, яка є в нашому розпорядженні, дозволяє розпочати в даній статті спробу їх вирішення.

Говорячи про основні тенденції розвитку морського транспорту Чорноморсько-Азовського басейну в перші пореформені десятиліття, слід перш за все констатувати швидке становлення в цій галузі економіки великої машинної індустрії - парового морського флоту.

Так, коли за станом на 1 січня 1858 р. Чорноморсько-Азовський торговий флот мав всього 20 пароплавів (біля 4,1% всіх суден) місткістю 4352,5 ласта (приблизно 16,3% загальної місткості: 1 ласт = 1,9 т.) і силою машин в 1,8 тис. л.с., то на 1 січня 1880 р. торговий флот басейну нараховував 171 пароплавне судно (біля 8% всієї чисельності суден), і силою машин до 12,4 тис. л. с., збільшивши, таким чином, за цей період по чисельності пароплавів більше ніж в 8,5 рази, за їх місткістю в 6,8 рази і за силою двигунів в 6,9 разі¹.

Виробничий ефект механізованого виробництва на морському транспорті був дещо вищим, ніж його удільна вага в структурі флоту. На кінець 70-х років пароплави майже витіснили вітрильні судна із закордонного плавання: в 1875-1878 pp. місткість пароплавів складала 89,2% загальної місткості суден закордонного (далекого) судноплавства. Приблизно в цей же період (1876-1879 pp.) пароплави дали 75,3 місткості всіх суден, що забезпечувало народногосподарські перевезення каботажним способом.

Тим самим, не дивлячись на певні складнощі і протиріччя розвитку матеріально-технічної бази морського транспорту Чорноморсько-Азовського басейну, 60-70-ті роки XIX ст. були важливим, по суті вирішальним етапом технічного перевороту на флоті.

Разом з тим, зі становленням машинної індустрії на флоті в перші пореформені десятиліття спостерігається значне зростання вітрильного флоту, причому переважно за рахунок невеликих суден, що знаходились в основному в руках дрібних судновласників. Якщо

на 1 січня 1858 р. торговий флот Чорного і Азовського морів нараховував 469 вітрильних кораблів загальною місткістю 22,322,5 ласта, то на 1 січня 1880 р. в басейні нараховувалось 1.964 транспортних вітрильних судна загальною місткістю 76.091 ласт. Серед них було до 80% суден тонажем менше 50 ластів кожне. Таким чином, за 1858-1879 рр. вітрильний флот Півдня зрос за кількістю суден майже в 4,2 рази і за їх місткістю в 3,4 рази.

Всього ж за 1861-1880 рр. для Чорноморсько-Азовського торгового флоту побудували 1.414 вітрильних суден загальною місткістю біля 55,9 тис. ластів. Більшість вітрильників, особливо малотонажних, були вітчизняного виробництва (1076 суден або біля 75,1% загального їх числа і 59,5% сумарної місткості). До ведучих типів морехідних вітрильних суден, поширеніших на той час на Азовському і Чорному морях, відносились бриги, шхуни, гулети і мартиги; до суден прибрежного плавання - требаки, дуби і катури.

Основні верфі для спорудження суден вітрильного флоту знаходились в пониззі Дніпра та Дону. Проте є характерна риса: в Херсоні та Ростові-на-Дону, де існували офіційні купецькі верфі мануфактурного типу, спроможні випускати на належному технічному рівні всі типи мореплавних вітрильних суден прибрежного плавання, було побудовано всього 354 судна - 32,9% вітрильників вітчизняного будівництва. Вони були відносно великотонажні: мали 44,8% всієї місткості побудованого вітрильного флоту.

Основна ж кількість малотонажних вітрильників вітчизняної будови (67,1% кількості суден і 55,2% їх місткості) була збудована кустарним способом на невеликих приватних верфях в містечках і селищах Нижнього Дніпра (Олешки, Гола Пристань, Стара і Нова Збур'євки, Борислав, Нікополь та інших), і Нижнього Дону (Азов, станиці Єлизаветинська, Аксайська, Старочеркаська та ін.). В незначній кількості будівництво вітрильників існувало також в Одесі, Миколаєві, Маріуполі, Єйську, Керчі.

К.А. Скальковський в середині 80-х років так характеризував суднобудування в пониззі Дніпра: "Постройка парусных судов производится так называемыми вольными корабельными мастерами-плотниками, которые принадлежат к сословию мещан и вольных матросов, людей большую частью безграмотных, не имеющих никакого понятия о чертежах и разбивках плана и строящих свои суда, руководствуясь одним практическим навыком. Хотя в управлении Херсонской корабельной верфи и находятся чертежи

для строения и вооружения купеческих судов, и штатный корабельный мастер, но не было, кажется, ни одного судна, построенного по чертежам; и к штатному корабельному мастеру обращались не за советами относительно правильной постройки, а для подписи свидетельства, что судно годно к мореходству”².

Інтенсивне збільшення тонажу вітрильників, з однієї сторони, свідчило про все ще збережені можливості для частково ефективного (звичайно, в певних межах) функціонування вітрильного флоту, було результатом певної недостатності розвитку парового флоту, що не міг заповнити усі ніші в комерційних перевезеннях в басейні, особливо в каботажі. Вітрильні судна прибрежного плавання, а частково і морехідні, перш за все використовувались в Північно-Західному районі Чорного моря (між портами і портопунктами пониззя Дніпра і Північного Бугу, Дніпро-Бугського лиману та Одесою) і в Азовському морі між Ростовом, Маріуполем, Бердянськом, Таганрогом і Керчю. В першу чергу це було пов’язано з масовим перевезенням зерна до основних вивозних портів Півдня - Одеси і Таганрогу.

З іншої сторони, зростання вітрильного флоту, особливо малотонажного, було прямим проявом загальної для пореформеної Росії тенденції інтенсивного розвитку дрібнотоварних промислів у місті і на селі. Розповсюдження в Північному Причорномор’ї - Приазов’ї, їх характер, форми і місця розміщення зумовлювалися багатьма факторами, в тому числі історико-економічними, соціальними і природно-географічними.

На розвиток промислових занять сільського населення низки придніпровських повітів Херсонської і Таврійської губерній, південно-західних округів Області Війська Донського великий вплив мало їх “транзитне” положення в пониззі Дніпра і Дону - важливих транспортних артерій країни. Зв’язок через ці водні магістралі з внутрішніми регіонами, близькість даних територій до провідних торгово-промислових і морських портових центрів Півдня - Одеси, Херсону, Таганрогу, Ростову-на-Дону, значне зростання вантажних потоків в силу розширення внутрішнього ринку і зміцнення зв’язків із зовнішніми ринками - все це стимулювало через недостатність ваги залізничного і морського парового транспорту розвиток торгового вітрильного судноплавства, в значній мірі обумовлювало характер промислів місцевого населення.

В багатьох містечках і селищах, розташованих в пониззі Дніпра, на берегах Дніпро-Бузького лиману, в козацких станицях південного Дону, селяни, міщани, козаки займались промисловою діяльністю, пов'язаною з річним і морським рибальством, суднобудуванням, судоремонтом, торговим судноплавством. Саме ці промисли і дані послуги мали тут високий рівень товарообміну, користувались значним попитом на ринку.

Правда, масштаби та рівень розвитку морського судноплавного промислу були далеко не скрізь однакові та співставні. Матеріали показують, що цим видом промислової діяльності в основному займалася значна частина населення Дніпровського повіту Таврійської губернії (повітовий центр - місто Олешки, поселення Олешки, Гола Пристань, Стара і Нова Збур'євки, Козачі Лагери, Прогної, Кардашинка, Кілеглейські хутори та ін.) і так званих "низових" станиць Області Війська Донського (Аксайська, Єлизаветівська, Старочеркаська, Гnilовська Черкаської округи і Новомиколаївська Міуської округи). Придніпровці приписували свої судна переважно до Миколаївського та Одеського портів, а донські промисловці - до Ростовського-на-Дону і Таганрозького³.

"Из всех занятий и промыслов в низовьях Дона судоходство по сложности и багатству занимает первое место", - підкresлював в другій половині 60-х рр. XIX ст. один з перших його дослідників, член Донського обласного статистичного комітету І.Гріван. - Главное занятие этого промысла состоит в перевозе из одного места в другое различных тяжестей, а в особенности зернового хлеба... Навигация каботажных донских судов ежегодно начинается вскоре после взлома льда и продолжается до глубокой осени"⁴.

Вже в першій половині 60-х років до основних промислових занять прибережного населення Дніпровського повіту Таврійської губернії відносились риболовство, візництво (включаючи чумакування) і каботажне судноплавство, річкове і морське. Досить симптоматичну деталь відзначила в той час газета "Таврические губернские ведомости": "...Извоз поддерживает благосостояние поселян, давая им возможность уплачивать вовремя подати, остатками прибыли удовлетворять своим нуждам и покрывать упущения по хозяйству". В цих умовах "многие из чумakov и хуторян продали свое имущество и купили или выстроили новые (каботажные) суда." Чому? "Ежегодная постройка каботажей доказывает, что и при пароходах суда не остаются без работы, следовательно, и без заработка".

А через два десятиріччя Таврійська губернська земська управа, аналізуючи розвиток промислів в поселеннях Дніпровського повіту, розташованих в пониззі Дніпра і на південному березі Дніпро-Бузького лиману, констатувала: “В Покровской волости население занимается главным образом добыванием соли, мореходством и отчасти рыболовством”, в Алешковской волости существуют “очень разнообразные промыслы, между которыми особенно выдаются рыболовство и судоходство”, в Збурьевской волости “из промыслов можно указать на судоходство и разнородные, связанные с ним промыслы и заработка, рыболовство”. І всі ці промислові заняття надають “немалую піддержку здешньому крестьянину”⁶.

Звернемось до матеріалів, що характеризують у досліджуваних нами регіонах основу, на якій виникли і розповсюдились селянські промисли, в тому числі і морський судноплавний.

Вирішальний вплив в цьому плані мали ті процеси, які відбувалися в пореформенному селі: зростання суспільного розподілу праці, підвищення товарності сільськогосподарського виробництва, поглиблення соціального розшарування селянства, недостатня забезпеченість багатьох його прошарків землею, або повне безземелля, обтяжливі платежі і недоймики, посилення податкового пресу. На пошуки “сторонніх заробітків” селян часто змушували погані ґрунти, несприятливий клімат, сильна смугастість відрізків землі в місцях їх розселення і т.п.

В першій половині 80-х років XIX ст. Таврійське губернське земство провело вибіркове обстеження селянських господарств Дніпровського повіту, в тому числі і низки тих поселень, де був широко розповсюджений морський судноплавний промисел (Олешки, Стара Збур'євка, Гола Пристань і ПрогноЯ). Проживали тут в основному колишні державні селяни, значно менше - колишні поміщицькі. За національним складом переважали українці, потім йшли росіяни, білоруси та ін.

Як вказують джерела, приблизно 52,3% селянських дворів цих поселень відносились до числа несіючих, а 36,1% - до числа малосіючих (тобто які сіяли до 10 десятин оранки кожний). Характерно, що всі власно несіючі здавали свою оранку в оренду: в Олешках це 230 з 236 несіючих дворів (в середньому по 3,7 десятини на двір), в старій Збур'євці 106 з 112 дворів (в середньому по 7,2 дес.), а Голої Пристані 173 з 207 дворів (по 7,1 дес.). Таким чином, до 88,4% (тобто майже 9/10 всіх місцевих господарів) не могли отримувати основні засоби до життя від обробки орних земель⁷.

Становище цих селян утруднювалось ще й тим, що вони, як правило, зовсім не мали робочої худоби, або мали 1, рідше 2-3 голови на двір (при цьому мінімально необхідним на півдні вважалося мати 2 пари на господарство).

Зовсім не сприяли заняттю сільським господарством наявність значної кількості піщаних масивів і заболочених місць (наприклад, в Збур'євській волості незручні землі займали до 45% всієї площині, в Голій Пристані - більше 46,6%), надмірна смугастість земельних наділів (так, в Голій Пристані громадська орна земля була нарізана по 2,5 дес. на душу в 3-х місцях: в Олешках - по 1,75 дес. в 4-х місцях; в Старій Збур'євці - по 3,2 дес. в 5-ти місцях). Не випадково в даних умовах заробітки поза своїми господарствами в цих місцях мали представники 69,7% господарств⁸.

Загалом підтверджується висновок, до якого ще в середині 70-х рр. минулого століття прийшов В.І.Чаславський - відомий дослідник відхідних промислів селян пореформеної Росії: "Везде, где хозяйство российского крестьянина не дает ему необходимых средств для существования и уплаты налогов, способом пополнения этого недостатка служат ему промыслы: местные или отхожие... Во многих местах они составляют не подспорье, а главное средство для существования"⁹, - писал он.

Батрацтво на селі не давало необхідних прибутків і селяни шукали заробітку на промислах, в тому числі і на морі. В нашому розпорядженні є дані про заробітну плату моряків і прибутках судновласників каботажного вітрильного флоту в описуваний період і в досліджуваних регіонах (на протязі навігації, яка, як правило, тривала в межах 7-9 місяців).

Наприклад, в пониззі Дніпра місячний заробіток (виключаючи харчування від господаря, а це, як звично, сума 5-10 крб. на людину) складав у боцмана 17-20 крб., рульового 15-17 крб., матросів від 10 до 15 крб. іноді до 25 крб.: матрос-пайщик (див. нижче) міг отримувати за навігацію - в залежності від типу судна - від 100 до 200 крб., "сроковий" (тимчасовий) матрос - від 80 до 100 крб.¹⁰

В пониззі Дону місячна заробітна плата при господарських "харчах" була слідуючою: матрос-“младич” отримував до 10-12 крб., матрос-“старійший” - біля 15-18 крб. (іноді матрос аккордно отримував за всю навігацію від 50 до 80 крб.); боцман - в межах 30 крб. Однак восени, в самий розпал перевезень хліба, зарплата у матросів могла підійматись до 25-30 крб.¹¹

Шкіпера (капітани) каботажних суден (з тих, хто знаходилися на зарплаті), як правило, отримували на місяць не менше 50 крб. В іншому випадку вони наймалися на певний термін - на літо, або на всю навігацію, отримуючи від 200 до 300 крб., іноді до 500 крб.

Чистий прибуток судновласника (власника одного судна) за навігацію коливався в межах 300-500 крб. (в тому числі і в залежності від типу і тонажу судна). За несприятливої фрахтової кон'юнктури він був помітно нижчим, за сприятливої досягав 1000-1500 крб. і більше. Крім того, слід підкреслити, що на протязі 60-70-х рр. динаміка доходів судновласників вітрильного каботажу мала певну тенденцію до пониження. Давалась взнаки конкуренція, і почали жорстока, з боку парового флоту¹².

Як же складалися взаємовідносини між членами дрібнотоварного виробництва в морському торговому судноплавстві? Яка була соціально-економічна природа і організація цих промислів, їх специфіка? Матеріали, що в значній мірі вперше вводяться нами в науковий обіг, свідчать про слідуєчте.

Є всі підстави зафіксувати, з одного боку, зростання значної кількості вільних робочих рук, не зайнятих (у всякому випадку, на постійній основі) в сільськогосподарському виробництві, які жили вільним наймом, із другого - зосередження засобів виробництва і грошових коштів у сільській верхівки і частково - в середніх прошарків села. Чітко простежується спроба прикладти вільні руки одних і капітал інших - до занять морським судноплавним (каботажним) промислом. Саме в цьому процесі і йшло формування нових соціальних прошарків - судових найнятих робітників і підприємців-судновласників.

Досить цікаве свідчення, що відноситься до останніх передреформених років, коли в окремих місцях досліджувані процеси і явища вже пустили досить міцне коріння, залишив О.С.Афанасьев-Чужбинський, відомий український етнограф і письменник, відряджений наприкінці 50-х рр. Морським міністерством Росії в райони нижнього Придніпров'я для їх ретельного обстеження. Він писав: "Алешки в настоящее время замечательны тем, что в них живет большая община вольных матросов, которые больше других собратьев занимаются судоходством и судостроением по причине выгодного положения вблизи Херсонского порта, главного пункта днепровского каботажа. Но не одни вольные матросы, а и прочие жители, т.е. купцы, мещане и крестьяне государственных имуществ имеют перевозные речные и даже морские суда..." За даними

О.Афанасьєва-Чужбинського, в 1859 р. олешківці мали 24 мореплавних судна (шхуни і трибаки): 3 кораблі належали вільним матросам, 16 кораблів - купцям і міщенкам; 5 - державним селянам. І далі автор підкреслював: "Алешковские матросы (вообще как соответственно вольные, так и других сословий) народ ловкий, расторопный, преданный своему делу, стоят значительно выше прочих прибрежных жителей; более или менее развиты, и в домашнем быту разнятся от мещан и крестьян других приречных городов и селений. Близость Херсонского порта, беспрерывные сообщения с Одессой и постоянный, хоть и небольшой заработка - изменив патриархальные обычай крестьян, сгладив некоторые угловатости и мелкого мещанства, - образовали из них какой-то особенный тип, еще не имеющий прочных форм, но обещающий быть своеобразным..."¹³

В першій половині 60-х рр. газета "Таврические губернские ведомости" відзначала: "Все жители селения Казачьи Лагери более промышленники, чем земледельцы". В числе прочих промыслов занимались они и морским каботажным судоходством: "Судохозяев в селении, которые сами ходят на судах, 15 человек, другие же занимаются к ним в работники"¹⁴.

А ось свідчення газети "Одесский вестник", що відноситься до другої половини 70-х рр.: "В Алешках большинство моряков: одни имеют собственные суда, другие служат большей частью на этих судах"¹⁵.

Отже, як свідчать матеріали, в 60-70-х рр. XIX ст. серед селян, міщан і козаків - заможних і, так би мовити, середньої руки, що жили в містах, містечках і поселеннях пониззя Дніпра і Дону, виділились сотні судновласників - господарів мореплавних вітрильних суден каботажного плавання. Відомо, наприклад, що в 1868 р. багаті козаки Черкаської округи володіли 210 морськими вітрильними суднами загальною вартістю більше 912 тис. крб. Якщо в 1862-1863 рр. судновласники Олешок, Голої Пристані, Збур'євки і Козачих Лагерів мали 90 торгових вітрильників вартістю до 180 тис. крб., то на початок 80-х рр. заможні селяни тільки зі Збур'євки і Голої Пристані були господарями більше 100 таких вітрильних суден, оцінених майже в 400 тис. крб.¹⁶

Таким чином, зрозуміло, що заняття морським торговим судноплавством вже на стадії дрібного товарного виробництва вимагало від осіб, що вирішили зайнятися підприємництвом, досить значних початкових капіталовкладень. Свідоцтва про ціни на

будівництво вітрильних каботажних суден - мореплавних і прибережних - підтверджують даний висновок.

Так, на початку 60-х рр. в Чорноморсько-Азовському басейні вітрильні суда коштували: дуб (прибережний, дніпровський) вантажопідйомністю від 1000 до 2700 пуд. в межах 0,5-1 тис. крб., катур (товарооб'ємом 1200-4000 пуд.) від 0,6 до 2 тис. крб.; мартига (4000-5000 пуд.) до 3,5 тис. крб.; гулета (5000-7000 пуд.) від 5 до 6 тис. крб.; шхуна (5000-19000 пуд.) від 3 до 7 тис. крб. На межі 70-80-х рр. ціни на ринку вітрильного суднобудівництва в басейні в цілому не змінилися, лише наблизившись до верхньої їх межі в рамках вказаних вище коливань¹⁷.

Тому широке розповсюдження в середовищі промисловців Чорного і Азовського морів мало "товариське" судновласництво: як правило, два господарі на одно, рідше - декілька суден. Досить часто зустрічались об'єднання трьох і більше судновласників. Господарі дрібних суден здебільшого виступали в якості шкіперів, а шкіпера більших суден часто-густо були пайщиками судновласників.

В цій практиці існували різні своєрідні варіанти судновласництва. Так, в 1873 р. збур'євський селянин М.Соколов був одноосібним власником требаки (місткістю 19 ластів). Ще одним таким же судном (місткістю 21 ласт) володів разом зі своїм земляком В.Жолобовим, який у свою чергу мав шхуну (місткістю 36 ласт) на паях іще з одним селянином.

Збірні дані про характер судноволодіння в масштабах всього басейну відсутні. Проте є локальні свідчення по вітрильним суднам, приписаним до Миколаївського порту (за 1873 р.). Цей матеріал можна вважати досить репрезентативним, тому, що саме до цього порту в основному приписували свої мореплавні вітрильники судновласники нижнього Придніпров'я. За нашими підрахунками, на той період об'єднання з двох судновласників володіли приблизно 41% всіх суден, які належали селянам-судновласникам, а об'єднання трьох і більше господарів - 16% всіх таких суден (не враховуючи власників судноплавних підприємств типу мануфактури, що володіли бригами - великими суднами далекого плавання). На кінець 70-х рр. дані цифри збільшились відповідно до 47% і 20%¹⁸.

Проте потреба судновласників в коштах, природно, не обмежувалась будівництвом суден. Ось примірна розкладка витрат середнього судновласника-промисловика Нижнього Придніпров'я

в середині 70-х - початку 80-х рр.: шхуна місткістю 7000 пуд. і варгістю до 7 тис. крб. за одну навігацію (9 міс.) приносила прибуток в 1600-1700 крб. При цьому витрати господаря складали - заробітна плата екіпажу (5 чол.) біля 500-600 крб., харчування членів команди в межах 280-300 крб., оплата вантажно-розвантажувальних робіт, портових зборів, маклерських послуг і тощо - до 300-320 крб., оснащення судна та дрібний поточний ремонт - 200 крб. Таким чином, разом - у межах 1300-1400 крб. без урахування зимово-весняного ремонту¹⁹. А що робили, якщо судновласник вирішував розширити справу? Ясно, що це було під силу тільки заможним господарям. Йшла концентрація капіталу.

Сотні промислових підприємств, забезпечуючи каботажні перевезення по Чорному і Азовському морях (переважно в Дніпровсько-Бузькому лимані - до Одеси, Таганрозькій затоці - до Таганрогу), через посередників-маклерів, або безпосередньо домовляючись з власниками вантажів, були найтісніше пов'язані з ринками, фрахтовим і товарним. Тим самим для судновласників - представників заможного селянства - був притаманний комерційний, підприємницький характер ведення господарства. Воно базувалося на приватній власності на засоби виробництва і, надаючи послуги ринку, було за своєю суттю, капіталістичним, оскільки - на відміну від простого товарного виробництва, велось, як вже зазначалося, в основному за рахунок найманої праці корабельних робітників, котрі не мали своїх засобів виробництва.

Судновласники в широких масштабах використовували найману працю бідних селян - як своїх односельчан, так і прийшлих, які йшли від рідних місць для занять "відхідними" промислами. Навіть власники дрібних вітрильних суден (з екіпажем 2 чоловіки, окрім шкіпера - як правило самого господаря) не обходились тільки трудом членів своєї сім'ї. Вже в цих підприємствах загальна кількість найнятих робітників на судно перевищувала кількість сімейних. Господарі ж більших суден (з екіпажем 3-5 чол. і більше) і власники кількох суден влаштовували свою діяльність практично повністю за рахунок найманої праці. В результаті промислові заняття каботажним судноплавством вводили селян в бурхливий світ купівлі-продажу робочої сили.

На кожному судні (за виключенням самих дрібних) як правило були шкіпер, боцман (іноді ще рульовий, кухар) і декілька матросів (2-3 і більше). Відносини між судновласниками і екіпажем будувались слідуючим чином.

За одним із варіантів шкіпер (якщо ним не був сам господар) в якості капітана управляв судном, наймав матросів, забезпечував роботу на фрахтовому ринку, відповідаючи за все перед судновласником і портовими властями. Весь екіпаж отримував від господаря заробітну плату - як правило щомісяця. Нерідко шкіпер виступав пайщиком судновласника: він брав судно на всю навігацію за 33%, 50% або навіть 60% валового прибутку. Але в такому випадку всі експлуатаційні витрати (в тому числі і для найому команди) були за його рахунок. Якщо судно належало двом і більше господарям, тоді кожен з них по черзі ходив в море "за головного", будучи одночасно і шкіпером, отримуючи при цьому до 85% валового прибутку і беручи на себе всі витрати.

Крім матросів, які працювали по місячному договору найому, а також "срокових" (які наймалися на який-небудь період, частіше на всю навігацію), нерідко були і матроси-пайщики, тобто судові робітники, які наймалися, виходячи з частки прибутку (звичайно - 1/5, 1/6 або 1/8 прибутку). Такі матроси разом із судновласником і шкіпером складали щось на зразок артілі (такі артілі були особливо розповсюджені в пониззі Дніпра).

Прибуток тут, як правило, розподілявся так: біля 1/2 загального прибутку йшло господарю судна, а інша частина рівномірно ділилася між усіма членами екіпажу, за виключенням шкіпера, який отримував подвійну частку. Коли ж судновласник був одночасно і шкіпером, то він отримував, крім власницької половини прибутку, ще й свою частку як член екіпажу. Така частка загального прибутку називалась пайом, а той, хто її отримував - пайщиком. Якщо, крім пайщиків, на судні були і "срокові" матроси, тоді належні їм пай господар отримував сам, замість чого платив їм зарплату. Ремонт судна відбувався за рахунок власника, а маклерські, портові та інші подібні витрати лягали на загальний валовий прибуток. Проте, як зазначав Ф.Щербина, на межі 70-80-х рр. "это были или разлагавшиеся артельные формы, носившие в более отдаленное время и более совершенный вид, или же такие формы, которым предстояло развиться в более совершенные впоследствии"²⁰.

Практика, між іншим, показувала, що сфера функціонування даної форми оплати праці в морських судноплавних промислах постійно скорочувалась. Часто це відбувалося через зрист використання праці селян-відходників із внутрішніх губерній, що прибували на короткий час на південь у пошуках заробітків. Вони отримували в основному щомісячну платню.

Вершини свого розвитку дрібнотоварне виробництво на морському транспорті Чорноморсько-Азовського басейна досягло наприкінці 70-х рр. XIX ст. В 1876-1879 рр. вітрильні судна складали 24,7% місткості суден, що забезпечували народногосподарські перевезення в каботажі і близько 10% загальної місткості суден, які брали участь у закордонному плаванні. За станом на 1 січня 1880 р. селяни-судновласники тримали в руках, за нашими підрахунками, приблизно 21% вітрильних кораблів Чорноморсько-Азовського торгового флоту, які складали до 13% всього вітрильного тонажу.

Біля 44% вітрильних суден і приблизно 42% місткості вітрильного флоту басейну належали судновласникам-міщенам, що проживали у невеликих містечках і селищах в пониззі Дніпра (Олешки, Каховка, Нікополь, Борислав, Гола Пристань, Збур'євка і т.д.), так і у великих портових містах Півдня - Одесі, Миколаєві, Херсоні, Керчі, Ростові, Таганрозі та ін.²¹

Діяльність промислових підприємств вітрильного флоту сприяла розвитку - і в глибину і ширину - процесу початкового накопичення капіталу в економіці країни.

Проте вже перша половина 80-х рр. позначилася глибокою кризою вітрильного флоту і судноплавства, включаючи і промисли. В умовах розвитку індустріального суспільства дрібнотоварне виробництво, яке характеризувалося перевагою невеликих промислових закладів і господарюванням примітивної ручної техніки, що залишалася практично незмінною на протязі десятиліть, не могло довго витримувати конкуренції великого машинного виробництва - парового суднопластва і відступало на другий план.

ПРИМІТКИ:

¹ Тут і далі підраховано за: Морской сборник.-1859.-№3.-С.217-246; Стат. временник Российской империи.-Серия 2.-Вып.4.-Ч.1. - СПб.,1872.-С.140-151,166; Ежегодник Мин-ва финансов.-Вып.XI. - СПб.,1881.-С.513-515.

² Скальковский К.А.Русский торговый флот и срочное пароходство на Чёрном и Азовском морях.-СПб.,1887.-С.76-77.

³ Державний архів Миколаївської області (ДАМО), ф.239, оп.1, спр.23, арк.38-46; Державний архів Херсонської області (ДАХО), ф.7, оп.1, спр.50, арк.50-149; Державний архів Ростовської області (ДАРО), ф.579, оп.1, арк.26-37зв.; Ежегодник М-ва финансов.-Вып.XI.-С.514-515; Изв. Имп.О-ва для содействия русск. торг. мореплавству. - Вып.VI. - М.,1881. - С.XVII-XVIII; Таврические

губернские ведомости.-1863.-11 травня; Полицейский листок Керч-Еникальского градоначальника.-1877.-22 лютого.

⁴ ДАРО, ф.353, оп.1, спр.146, арк.2.

⁵ Таврические губернские ведомости.-1863.-20 квітня, 11 травня.

⁶ Сборник статистических сведений по Таврической губернии// Изд.: Таврическ. Губернск. Земства.-Вип.ІІ.-Симферополь,1886. - С.11,13,15,40.

⁷ Підраховано за: Сборник статистических сведений по Таврической губернии.-Вип.ІІ.-С.15-16,39-43; Таблицы А,Б,В; Постников В.Е. Южно-русское крестьянское хозяйство.-М..1891.-С.124,135,272.

⁸ Там же.

⁹ Чаславский В.И. Земледельческие отхожие промыслы в связи с переселением крестьян// Сборник государственных знаний.-Т.ІІ.- СПб.,1875.-С.181.

¹⁰ Таврические губернские ведомости. - 1863. - 20 квітня; Новороссийский телеграф. - 1869. - 8 жовтня; 1876. - 28 серпня; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Херсонская губерния/ Сост. Шмидт А. Ч.1.-СПб.,1863.-С.321.

¹¹ ДАРО, ф.353, оп.1, спр.149, арк.11; Материалы для географии и статистики России. Земля Войска Донского.-С.105; Николаевский вестник.-1868.-6 серпня.

¹² Новороссийский телеграф.-1869.-8 жовтня; 1876. - 8 серпня; Русское судоходство. - 1886. - № 5-6. - С. 66; Известия Имп. О-ва для содействия русск. торг. мореходству. - Вып. XIX. - М., 1885 (приложения). - С. 24-25; Материалы для географии и статистики России... Херсонская губерния.- Ч. 1. - С. 320; Вальдемар Х.М. Приглашение обитателей прибрежий... - С. 6.

¹³ Афанасьев-Чужбинский А. Поездка в Южную Россию.-Ч.1: Очерки Днепра.-СПб.,1863.-С.405-410.

¹⁴ Таврические губернские ведомости.-1863.-5 січня; 19 січня.

¹⁵ Одесский вестник.-1877.-1 квітня.

¹⁶ ДАХО, ф.7, оп.1, спр.50, арк.50-149; ДАРО, ф.353, оп.1, спр.148. арк.11; Таврические губернские ведомости.-1863.-20 квітня, 11 травня; Сборник статистических сведений по Таврической губернии.- Вип.11.-С.40.

¹⁷ ДАРО, ф.353, оп.1, спр.148, арк.7-7зв; Русское судоходство. - 1886.-№ 5-6.-С.66; Боголюбов Н. История корабля.-М.,1879-1880.- Т.ІІ.-С.568-572; Яковлев Ф. О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном.-СПб.,1863.-С.43-63, 111-118.

¹⁸ ДАМО, ф.239, оп.1, спр.23, арк.38-46; ДАХО, ф.7, оп.1, спр.50, арк.6-142; Николаевский вестник.-1867.-1 серпня; Новороссийский телеграф.-1869.-8 жовтня.

¹⁹ Русское судоходство.-1886.-№ 5-6.-С.66; Новороссийский телеграф.-1876.-8 авг.

²⁰ Щербина Ф. Очерки южно-русских артелей и общинно-артельных форм.-Одесса,1881.-С.210.

²¹ Підраховано за: Изв. Имп. О-ва для содействия русск. торг. мореходству.-Вип.VI.-М.,1881.-С.125-483.

А.І.МИСЕЧКО

ТОВАРИСТВО “УКРАЇНСЬКА ХАТА” В ОДЕСІ

Діяльність українських культурно-освітніх товариств кінця XIX-початку XX ст. в історичній літературі висвітлена недостатньо. Це зумовлено тим, що українська радянська історіографія негативно оцінювала їх діяльність виходячи з ідеологічних міркувань. За останні роки з'явилася низка праць, які присвячені діяльності “Просвіт”, що виникли в бурені роки першої російської революції 1905-1907 рр. Проте діяльність інших товариств, які з'являлися після закриття “Просвіт” після поразки революції практично не висвітлена. Дослідники, як правило, зосереджуються на українському революційному русі, висвітлюючи перш за все діяльність політичних партій.

Проте український культурно-освітній рух після поразки революції не припинився, він набирає нові форми, і поступово зростав. З'являлися нові українські товариства у Києві “Родина”, в Харкові “Основа”, в Одесі “Українська Хата”, в яких у значній мірі провадилась політична і революційна пропаганда у формі культурно-освітньої роботи.

Нові архівні матеріали дозволяють сьогодні в більшій мірі висвітлити діяльність товариства “Українська Хата” в Одесі. Про це товариство в історичній літературі, або спогадах були лише поодинокі згадки. В останні роки в місцевій пресі з'явилися фрагментарні відомості про товариство краєзнавців Г.Зленка і О.Янчука.

Дана стаття є першою спробою висвітлення заснування та діяльності товариства “Українська Хата” в Одесі, яка надає

можливість більш повно уявити український культурно-освітній і революційний рух напередодні і під час українських визвольних змагань за свою державність першої чверті ХХ ст.

Українське життя м. Одеси на початку ХХ ст. не завершилося із закриттям “Українського товариства “Просвіта” в Одесі” 1 листопада 1909 р. Українська інтелігенція міста спромоглася заснувати 10 лютого 1910 р. “Одеський Український клуб” на зразок “Англійського клубу” для забезпечення розваг і задоволення мешканців міста. Проте діяльність українського клубу, хоча і передбачала літературні та драматичні вечори, читання рефератів, дещо звужувала культурно-освітні потреби українства. Тоді було вирішено заходами членів драматичної секції “Просвіти” організувати музично-драматичну спілку “Українська Хата” в Одесі.

Вироблений статут товариства було затверджено 4. IV. 1911 р. Фундаторами товариства виступили актриса О.Бродніцька (Німченко), В.Фоменко та М.Пілецька-Урбанович.¹

Перші збори “Української Хати” відбулися 25 серпня 1911 р. в “Домі польськім”. Присутніх членів було кілька десятків, які обрали Раду товариства. Головою було обрано О.Бродніцьку, заступником В.Клименка, скарбником І.Пархоменко, писарем М.Коваленка. Членами Ради стали: М.Комаров, К.Шевченко, В.Фоменко, М.Пілецька-Урбанович. Кандидатами до Ради товариства: І.Бондаренко, І.Мілько, І.Дудник.

До ревізійної комісії було обрано: Г.Воропая, П.Росновського, О.Темнокута, кандидатом до неї П.Постельникову.²

З початком осені 1911 р. “Українська Хата” розпочала культурно-освітню роботу. Почалася підготовка до спектаклів та читання рефератів. Перша вистава “Наталка Полтавка” відбулася 15 жовтня 1911 р. в залі польського товариства “Огнісько”. Це сталося завдяки плідній співпраці українського та польського товариств в Одесі на культурно-освітній ниві. У свій час, українське товариство “Просвіта”, неодноразово надавало можливість для проведення різних заходів польському товариству. Поляки неодноразово вітали українців з їх національним святом - роковинами Т.Шевченка.³ Більше того, членами української “Просвіти” та інших українських організацій були і поляки, зокрема Іван (Ян) Міодушевський - один із керівників польської громади в Одесі, засновник першої польської газети в Одесі - *Zycie Polskie* (“Життя польське”)⁴.

Ще одна вистава відбулася наприкінці жовтня. В цей же період було прочитано в товаристві два реферати: “І.Котляревський та його життя” В.Фоменко, та “М.Кропивницький та його творчість” О.Німченко. В цей же період було організовано хор спілки, біля 30-ти чоловік⁵. Спілка почала збирати свою бібліотеку, в якій нараховувались сотні томів книг. Було утворено три відділи: перший - драматичний, другий - музичний і третій - красного письменства.

На 1912 рік товариство “Українська Хата” в Одесі нараховувало 209 членів та передплачувало українські газети київську “Раду” та львівське “Діло”.⁶

В товаристві на українській культурно-освітній ниві працювали люди різні за віком, національністю, статтю, фахом, політичними переконаннями. Тут працювали вчитель А.Вержбицький, історик П.Клепацький, Г.Воропай, агроном О.Гааз, лікарі І.Луценко, І.Липа, професор К.Сапежко, письменники А.Ніковський, М.Комаров, музикант Ю.Осташко, артисти О.Бродніцька, Т.Морозова, оперний співак І.Бондаренко. Актриса О.В.Бродніцька намагалася відкрити курси української драми в Одесі в 1914 р. Було підготовлено статут курсів, проте влада не дозволила відкрити українські драматичні курси.⁷

Після смерті М.Ф.Комарова, одного з найактивніших українських культурно-освітніх діячів Одеси, його велику бібліотеку з україністікою було передано до спілки “Українська Хата”.⁸

В 1915 р. заходами членів товариства “Українська Хата” в Одесі розпочалося видання журналу “Основа”, який став фактичним продовженням закритого в 1914 р. “Літературно-Наукового Вістника”, який виходив у Києві.

Організатором видання цього журналу став А.Ніковський, який мешкав тоді за межами Одеси. Практично втілювали видання в життя у місті члени “Української Хати” І.Гаврилюк та В.Буряченко.

Редакція містилася на Коблевській, 30. А.Ніковський рекомендував у своєму листі надсилати перший номер “Основи” всім передплатникам “Літературно-Наукового Вістника”⁹. А засланим українським діячам часопис надсилається безкоштовно. Так було вислано “Основу” доктору В.Охримовичу до с.Богучани Єнісейської губернії, І.Лизановському в м.Нарим Томської губернії, доктору Ст.Юрику в м.Рибінськ Ярославської губернії,

М.Мочульському в м.Буїнськ Симбірської губернії¹⁰. Передплатити “Основу” можна було в будь-якій українській книгарні Києва, Харкова, Полтави, Катеринославу, Катеринодару, Одеси, Петрограду і Москви.

В журналі друкувалися відомі українські культурно-освітні діячі: В.Винниченко, О’Коннор-Вілінська, М.Воропай, Олександр та Михайло Грушевські, І.Нечуй-Левицький, Д.Дорошенко, А.Ніковський, С.Павленко (С.Шелухин), С.Русова, С.Єфремов, Г.Чупринка, Л.Старицька-Черняхівська та інші¹¹.

Через військові дії, часопис після третьтої книги перестав виходити.

“Українська Хата” постійно влаштовувала Шевченківські вечори, читання та обговорення рефератів, постановку українських п’єс. Товариство тісно співпрацювало з українськими кооперативами в Одесі під назвою “Наша кооперація”, а також з українською книгарнею “Діло”, якою завідував один із засновників “Братства тарасівців”, В.Боровик, на вулиці Преображенська, 11.¹² Саме в “Українській Хаті” молодь Одеси вперше дізналася про “Український легіон” січових стрільців і за що він воює, згадував Ю.Липа, який виховувався в українському товаристві.¹³

В квітні 1916 р. члени “Української Хати” в Одесі гучно відзначили свій п’ятілітній ювілей. В журналі “Украинская жизнь”, який виходив під редакцією С.Петлюри у Москві з цього приводу зазначалося, що товариство проіснувало в Одесі більше, ніж “Просвіта”¹⁴.

“Українська Хата” організувала спектаклі за участю зірок української сцени, які до цього неодноразово гастролювали в Одесі. Так, в 1916 р. були організовані спектаклі за участю П.Саксаганського та М.Заньковецької, що викликало неабиякий резонанс у місті. В цьому ж році товариство переїхало у новий будинок кооперативного товариства “Наша кооперація”, де часто відбувалися українські концерти та вистави, проводились цікаві вечори. Хор спілки вже нараховував 60 осіб.¹⁵

З початком революційних подій в 1917 р. “Українська Хата” активно працювала і серед військових по українізації військових частин. Ось як про роботу товариства красномовно свідчить дослідник тих подій В.Коновалов у своїй книзі “Красный флаг над Одессой”. “Украинские буржуазные националисты использовали целый арсенал средств при помощи которых маскировали подлинные цели буржуазии. Они имели свой клуб на Княжеской улице под

названием “Українська Хата”, издавали газету “Українське слово”, устраивали спектакли, лекции, литературные вечера” ...¹⁶.

Український рух серед військовиків Одеси очолив активний діяч товариства Іван Луценко, який зумів організувати “Одеську українську військову раду”. З одеської молоді була створена гайдамацька “Січ”, на зразок січових стрільців, до якої входив молодий Ю.Липа і був там заступником командира. Було відновлено діяльність товариства “Просвіта”. Ще на весні 1917 р. почала виходити газета “Українське слово” співзасновником якої був Іван Липа, який згодом став і комісаром Одеси весною 1918 р. за діяльності Центральної Ради¹⁷. Весною 1917 р. товариство “Українська Хата” представляє на Українському національному з'їзді, який надав повноваження Центральній Раді представляти і захищати український народ, відомий в Одесі вчений-філософ і громадський діяч Михайло Гордієвський.

Ось такою була нелегка доля української культурно-освітньої спілки “Українська Хата” в Одесі напередодні і під час боротьби українців за свою державність.

ПРИМІТКИ:

¹ Звіт діяльності музично-драматичної спілки “Українська Хата” в Одесі за 1912 рік. Одеса, 1912. С.3.

² Там само.-С.4.

³ Рідний край.-1906.-№ 9.-С.14.

⁴ ДАОО, ф.10, оп.1, спр.1, арк.22.

⁵ Звіт діяльності...-С.4.

⁶ Дніпрові Хвили.-1912.-№ 4.-С.65.

⁷ ДАОО, ф.2, оп.7, спр.602а.

⁸ Рідний курінь.-1917.-№ 19.-С.19.

⁹ ДАОО, ф.746, оп.1, спр.1, арк. 40.

¹⁰ Там само, арк.40.

¹¹ Там само, арк.3.

¹² Украинская жизнь.-1916.-№ 6.-С.70.

¹³ Липа Ю. Галичани над морем. (1917-1918) Просвіта: альманах-календар. Львів, 1995.-С.121.

¹⁴ Украинская жизнь.-1916.-№ 4-5.-С.123.

¹⁵ Там само.-1916.-№ 10-11.-С.117.

¹⁶ Коновалов В. Красный флаг над Одессой.-Одесса, 1977.-С.103.

¹⁷ Янчук О. Просвіта і просвіттяни у політичному житті Одеси 1905-1918 рр. // Чорноморські новини.-1996.-№ 11.-С.3.

ДІЯЛЬНІСТЬ ОДЕСЬКОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОРСЬКОЇ РАДИ

Розвиток української державності на сьогоднішньому етапі посилила увагу до питань утворення і діяльності державних органів в роки національно-визвольних змагань періоду 1917-1920 рр. Велика увага приділяється і побудові Збройних Сил України. Історія організації Військово-морських Сил України в науковій літературі висвітлена явно недостатньо. Зокрема питання утворення і діяльності Одесської Української Морської Ради зовсім не знайшло висвітлення в літературі. Вкрай стислі відомості знаходимо лише в збірнику “Українська Центральна Рада. Документи і матеріали у двох томах”¹. Наводяться деякі відомості у роботі Д.Дорошенка “Історія України, 1917-1923”², але окремого дослідження в історіографії немає. Діяльність і роль Морської ради заслуговує на більш повне вивчення, для цього необхідно залучити більш широке коло джерел. Окремі відомості є в місцевих періодичних виданнях³.

Утворення Центральної Ради на Україні та поступове розгортання і поширення на її землях стало поштовхом не тільки для активізації політичного, культурного життя, але, з часом, виявило необхідність утворення українських військових інститутів, в тому числі морських. Утворення в квітні 1917 року “Одеського Українського Військового Коша”, районом діяльності якого було визначено Одеський Військовий округ, Румунський фронт і Чорноморський флот, не вирішило поставленої проблеми. Лише восени 1917 року питання формування українського флоту постало перед керівниками Центральної Ради в повному об’ємі. І тоді, коли вирішилася суперечка з приналежністю південноукраїнських губерній (підпорядкування Центральній Раді чи Тимчасовому урядові), без чого неможливо було думати про Україну, як про морську державу, український уряд розпочав роботу в цьому напрямку.

В жовтні 1917 року Д.Антонович, відомий український політик початку ХХ ст., активний діяч Центральної Ради, майбутній морський міністр Української Народної Республіки, отримав від Генерального Секретаріату доручення поїхати до Одеси, Херсона і Миколаєва, щоб на місці з’ясувати питання про українізацію Чорноморського флоту. Найбільша українська група й найбільш впливова була на броненосці “Воля”⁴.

Слід звернути увагу, що Всеукраїнську Морську Раду (в подальшому - Генеральна Морська Рада) створено лише під час роботи III Всеукраїнського військового з'їзду (20 жовтня - 1 листопада). До її складу ввійшли делегати, прислані від військових кораблів, моряків торгівельного флоту і різних військово-морських частин - всього 20 чоловік, які всі входили до складу Центральної Ради і мали одного представника в Малій раді⁵. Очолив її В.Лотоцький. Рада займалася питаннями, пов'язаними з українізацією Чорноморського флоту, організацією моряків-українців Чорноморського й Балтійського флотів, розробила зокрема проект українського морського прапора, який було затверджено 18 січня 1918 року Першим українським морським з'їздом. В подальшому, поряд з Морською Радою існували Генеральний морський секретаріат на чолі з Д.Антоновичем, створений в грудні 1917 року та Міністерство морських справ⁶.

Незважаючи на досить пізнє утворення керівних морських органів в Києві, певна робота на Чорноморському флоті, за сприянням Одеської Військової Ради, все ж таки проводилася. Існував також Чорноморський український комітет, який організував моряків-українців, допомагав в згуртуванні всіх патріотично настроєних матросів і офіцерів. Цей комітет був першим українським осередком, організованим на Чорноморському флоті. Однією з найперших спільніх акцій Чорноморського комітету та Військової Ради було підняття українського національного прапора на один день на суднах Севастопольського рейду та інших портів, в тому числі Одесі, в знак привітання Центральної Ради.

Після перших організаційних заходів український національний рух на Чорноморському флоті дещо зміцнів і поширився, що, зрештою, привело до створення організації моряків-українців. 4 листопада моряки судових команд Одеського рейду на своєму зібранні ухвалили утворити при Одеській Українській Військовій Раді Морську раду, яка після додаткових виборів була сформована на цьому ж зібранні. Головою Морської ради було обрано В.Пелішенка, товаришем голови Харченка, писарем Дзигору, його помічниками - Іщенка та Короленка і скарбничим Скибочку. Всього до Морської ради ввійшло 15 чоловік⁷. Всі вони були матросами та офіцерами Чорноморського флоту.

Першим документом, прийнятим морською секцією Військової Ради, був протест проти присвоєння виконавчим комітетом

фронтової організації назви “Румчород”, через те, що в його складі немає представників Чорноморського флоту⁸.

Особливо активну участь в організації Морської ради, та в цілому, в українському русі, приймали матроси крейсера “Пам’ять Меркурія”, підтримуючи як Центральну Раду в Києві, так і місцеві українські організації. Крім “Пам’яті Меркурія” вітали політику Центральної Ради команди таких суден, як “Златоуст”, “Палкий”, “Петро Великий”, “Остап”, “Ріон”, “Вільна Росія” та деяких інших⁹.

Разом з тим, було і багато противників українізації флоту, в першу чергу - Всеросійський центральний комітет Чорноморського флоту.

Однією з перших акцій, організованих Морською радою, була участь у військовому параді українських частин з приводу утворення УНР. Крім цього, на загальних зборах матросів українців з суден, які стояли на Одесському рейді і морського батальйону була прийнята слідуюча резолюція: “Оскільки українська Центральна Рада видала Універсал цілком соціалістичний, відповідно до інтересів трудового класу, зібрання постановило: 1) вітати Раду, робітників і селян, нагадуючи, що українці-чорноморці будуть підтримувати Центральну Раду всіма силами і, якщо прийшлося б за проведення в життя Універсалу покласти голову свою, то вони всі готові; 2) загальне зібрання моряків-українців закликає всіх товаришів українців та неукраїнців підтримати Центральну Раду і разом іти до загальної мети - соціалізму”¹⁰.

Будучи морською секцією Одеської Української Військової Ради, Морська рада, звісно, проводила політику, направлену на підтримку рішень першої. Найбільш показовою, в цьому плані, була ситуація, коли українська військова організація краю відмовилась посыпати війська на Дон, де відбулося зіткнення військ Каледіна з військами Революційного комітету Донського краю. Таке ж рішення прийняла і Морська рада, яка рішуче заборонила всім морякам українцям приймати участь в каральній експедиції на Дон, мотивуючи це тим, що Донський край має право або входити до майбутньої федерації, або ні, згідно ідей федералізму¹¹.

Незважаючи на протиріччя, які існували між українськими військовими організаціями та Радами робітничих та солдатських депутатів, проходив процес зближення цих органів влади. 5 грудня 1917 року відбулося об’єднане засідання Рад робітничих, солдатських, матроських та селянських депутатів і Військової Ради.

Головним пунктом на зібранні було питання про злиття Військової та Морської ради з Радою солдатських депутатів та Радою матроських депутатів. Військова та Морська ради повинні були злитися з гарнізонною радою солдатських, офіцерських та матроських депутатів і становити одну Раду військових депутатів міста Одеси. А виконавчий комітет Української Військової та Морської ради, повинен злитися з виконавчим комітетом Ради солдатських депутатів і становити один спільний виконавчий комітет військових депутатів міста Одеси. Рада військових депутатів та виконавчий комітет ставали вищим органом всіх військ гарнізону і флоту міста Одеси¹². Але, насправді, об'єднання було лише формальним і не привело до утворення дійсно єдиного органу влади, через розходження сторін щодо керівництва військом та подальшого його використання.

Слід зазначити, що наприкінці 1917 року Військова Рада приділяла значну увагу справам на флоті. Це зв'язано з тим, що Генеральна Морська Рада активізувала роботу по українізації флоту. З цією метою до Одеси прибуло два делегати з Києва - мічман Нетудихолько і Набок, яких Генеральна Морська Рада направила на флот з рядом серйозних та відповідальних доручень. Одним з завдань було інформувати Київ про настрій серед моряків, вяснити позицію моряків щодо Центральної Ради. А також, провести пропагандистську роботу, роз'яснивши позицію уряду Української Народної Республіки¹³.

Адже в цей час Центральна Рада розробляла концепцію українського флоту і необхідно було володіти найширшою інформацією. На засіданні уряду в Києві виступив генеральний секретар морських справ Д. Антонович з доповіддю про план діяльності Морського секретаріату. Цей орган повинен керувати Чорноморським флотом, який охоронятиме берег Української Республіки. Для цієї мети, як вважав доповідач, досить двох броненосців і флотилії міноносців з командою в 10-12 тисяч матросів. Решту кораблів демобілізувати і перетворити в державний торгівельний флот, розвиток якого займав значне місце в найближчих планах УНР. На організацію Морського секретаріату та інші видатки, зв'язані з реорганізацією флоту було виділено суму в розмірі 150 тис. крб.¹⁴

В зв'язку з цим, однією з проблем, яку повинна була вирішити одеська Морська Рада, це переведення всіх матросів-неукраїнців м. Одеси з Чорноморського на Балтійський флот. Такий крок міг

прискорити українізацію суден Чорноморського флоту, але велика частина матросів-неукраїнців не захотіла погодитись на такі умови. Хоча, на середину грудня з Балтійського на Чорноморський флот було переведено близько 11 тисяч матросів-українців і машинну школу чисельністю 400 чоловік¹⁵.

Не можна не сказати, що процес українізації флоту натикається і на перешкоди, зв'язані з більшовицькою пропагандою, яка особливо посилилась в Севастополі взимку 1917 року. Часто матроси, вирішивши підняти на судні український прапор, відкладали цю подію через більшовицьку агітацію. Не винятком були випадки, коли на українізованих суднах команди приймали більшовицькі резолюції¹⁶. Це, звичайно, перешкоджало швидкій організації флоту Української Республіки.

Однак, певних успіхів Морська рада все ж таки досягла. Українізацію флоту підтримували більшість команд таких суден, як крейсери “Пам’ять Меркурія” і “Ростислав”, дредноута “Воля”, лінійних кораблів “Євстафій”, “Борець за свободу” і міноносця “Дзвінкий”¹⁷. А на міноносці “Дзвінкому” і дредноуті “Воля” було піднято український прапор.

В цей же час відбувається зміна в керівництві Морською радою. Замість В.Пелішенка морську секцію при Військовій Раді очолив учасник національно-визвольного руху, моряк Ф.Босий. Правда, на чолі Морської ради він знаходився недовго, через те, що незважаючи на його активну діяльність по українізації флоту, проти нього виступило багато членів морської української організації. На його адресу, навіть, приходили листи з погрозами вбивства. Тому на початку 1918 року він змушеній був подати у відставку¹⁸.

Крім військово-морського флоту, велася агітація на користь українізації і серед матросів торгового флоту, куди також переводили матросів-українців з Балтійського флоту чисельністю більше 4 тис. чоловік¹⁹.

На 27 грудня 1917 року Морська рада скликає загальні збори моряків, присвячені питанню переведення моряків Чорноморського флоту з військового на вільнонаймане становище в українському флоті. Ці збори розробляли розміри окладів та умови переходу з військового на вільнонаймане становище²⁰. Планувалося відмінити обов'язкову військову повинність, а з особовим складом підписувати контракт про найм на службу. Але до кінця питання не було вирішено. А вже 29 грудня 1917 року було прийнято Центральною Радою

тимчасовий законопроект про флот УНР, згідно якого російський військовий і транспортний Чорноморський флот проголосувався флотом УНР і повинен виконувати всі обов'язки по охороні побережжя і торгівлі на Чорному і Азовському морях²¹.

Крім цього, в кінці 1917 року, згідно наказу Генерального морського секретаріату по Чорноморському флоту, одеська Морська рада приступила до організації профспілок військово-морських фахівців. Ці професійні союзи повинні були захищати політичні, громадянські і матеріальні права військовослужбовців. До виходу наказу про переїзд українського військового флоту на вільний найм, матросам і офіцерам, які виходять в запас, дозволялося залишатися на попередніх місцях служби²².

Сформувалася серед керівництва Морською радою ідея організувати українське морське училище, в якому викладали б всі необхідні для флоту науки. Ale через брак часу та зміну в січні 1918 року влади в Одесі, вона не була втілена в життя. Тоді ж припинила своє існування і Морська рада.

В цілому, незважаючи на досить пізню організацію Морської ради, варто, на наш погляд, позитивно оцінити діяльність цього утворення, зважаючи на той обсяг роботи, який було виконано за дуже короткий період часу. Хоча не обійшлося й без недоліків, як правило, в плані агітаційно-пропагандистської роботи, що не дало змоги в повній мірі використати можливості для організації українського флоту. Не знайшла також Морська рада правильного вирішення питання про переміщення неукраїнців з Чорноморського флоту на Балтійський, що викликало опір цієї категорії моряків. Помилковим, на наш погляд, було рішення про переведення флоту на контрактну основу, що в умовах військових дій не відповідало нагальним потребам.

ПРИМІТКИ:

¹ Українська Центральна Рада. Документи і матеріали у двох томах.-Т.2.-К.,1997.

² Дорошенко Д. Історія України, 1917-1923.-Т.1.-Б.М.,б.р.

³ Одесские новости.-1917; Одесский листок.-1917.

⁴ Дорошенко Д. Вказана праця.-С.383.

⁵ Українська Центральна Рада.-Т.1.-К.,1996.-С.382.

⁶ Там само.-С.566.

⁷ Вінцковський Т.С. Діяльність української Військової Ради в Одесі.

\Записки історичного факультету.-Вип.5.-Одеса,1997.-С.117.

- ⁸ Одесские новости.-1917.-5 нояб.
- ⁹ Там само.-10 нояб.
- ¹⁰ Там само.-14 нояб.
- ¹¹ Державний архів Одеської області, ф.Р.3829, оп.1, спр.100а, арк.7.
- ¹² Вінцковський Т.С. Вказана праця.-С.118.
- ¹³ Одесский листок.-1917.-10 дек.
- ¹⁴ Українська Центральна Рада.-Т.2.-К.,1997.-С.59.
- ¹⁵ Одесские новости.-1917.-17 дек.
- ¹⁶ Там само.-15 дек.
- ¹⁷ Там само.-12 дек.
- ¹⁸ Одесский листок.-1918.-4 янв.
- ¹⁹ Одесские новости.-1917.-14 дек.
- ²⁰ Там само.-24 дек.
- ²¹ Українська Центральна Рада.-Т.2.-К.,1997.-С.59.
- ²² Одесские новости.-1917.-28 дек.

В.П.ЩЕТНИКОВ

ЄВРОПА НАПЕРЕДОДНІ ДРУГОЇ СВІТОВОЇ ВІЙНИ: “УКРАЇНСЬКИЙ ФАКТОР” У ГЕОПОЛІТИЦІ

Минуло піввіку, як в Палаці правосуддя німецького міста Нюрнберг завершився унікальний, в світовій історії, процес. Його значення, з огляду на сьогодення, полягає навіть не стільки в покаранні злочинців (трьох з 22-х підсудних було виправдано), - це був перший суд народів над агресією.

Втрати України під час другої світової війни жахливі: майже 8 млн. громадян (2.5 млн. військових та 5.5 цивільних осіб)¹. Відтак - український народ і народи, що проживають на теренах України, є одними з найбільших жертв фашизму. Проте, на думку провідних фахівців, на лаві підсудних опинились лише виконавці, - переможці спочили на лаврах².

Останнім часом, з багатьох причин, намітилась тенденція вивчення подій Другої світової та Великої Вітчизняної воєн у регіональному вимірі. Для істориків Півдня України це, передусім, проблема Трансністрії. На жаль, у її вивченні білих плям та зон умовчання значно більше, ніж добре відомого та узгодженого.³ За радянських часів започатковано традицію вивчати цю війну з огляду на німецький “фактор”, але для частини українських територій таким

фактором була румунська присутність (серед союзників Німеччини найбільшу армію мобілізувала саме Румунія: на початок 1944 р. - біля 1 млн. чол.)⁴.

За звичай, склалася усталена “схема” зображення Бесарабсько-Буковинського та Галицько-Закарпатського регіонів як таких, що знаходились у сфері впливу двох тоталітарних режимів, а країн Центральної та Південно-Східної Європи - як потенційних жертв агресії (Польща), або потенційних союзників агресора (Угорщина, Румунія). В такій спосіб дослідники обходили українську проблему у її етнонаціональному вимірі, залишаючи у минулому традиції решти державних сусідів українського народу, що здійснювали свою геополітику за рахунок українського “фактору”.

Мюнхенський прецедент розгорнув на схід не лише Німеччину: вісь агресії сягнула Карпат, а отже - українських етнолінгвістичних територій. Привертає увагу те, що чим більше зростали апетити Берліну щодо Чехо-Словаччини, тим активніше засоби масової інформації країн Західної Європи торкалися “українського питання”. Пріоритет тут належав Франції, преса якої розпрацьовувала дві версії: а) Гітлер - друг України; б) українська загроза для Польщі. Ефект був досить сильний: у США, наприклад, були цілком впевнені, що Берлін хоче створити Велику Україну під своїм контролем, а потім захопити Чехо-Словаччину та Угорщину.

Хоча уряд Чехо-Словаччини проголосив країну федерацією трьох народів: чехів, словаків та українців, вже за десять днів по тому - 22 жовтня 1938 р. польський посол у Берліні почав вимагати загального кордону із Угорчиною шляхом включення до останньої території Карпатської України, “права” на яку Будапешт доводив із завзятістю, гідною кращого застосування. В той же час Варшава підштовхувала в цей регіон і Румунію, що входило за планом полковника Бека до програми реалізації польського проекту “Третьої Європи” (Польща мала успадкувати позиції Чехо-Словаччини у Дунайському басейні). Для цього мав бути створений, залежний від Варшави, блок п’яти держав Середньої Європи, для чого Бек та Лубенський 19-20.10.1938 р. вели переговори в Бухаресті та Будапешті. Польща прагнула гррати роль міжнародного арбітру в стосунках між Румунією та Угорчиною, використовуючи проблему Трансільванії та український “фактор”.

Але в Берліні добре пам’ятали мрію Вільгельма II про “серединну” Європу під німецьким пануванням і нікому не збиравися поступатися контролем у Дунайському басейні. Аби відвернути

увагу офіційної Варшави від цього регіону, 24 жовтня 1938 р. нацисти висунули питання Данцигського “коридору” (через Гданськ і Гдиню йшло 70 % торгового обороту Польщі)⁵. По відношенню до Угорщини та Румунії німці зберігали польські підходи: ці країни Ріббентроп порівнював із прасками, які “треба тримати у розпеченному стані”⁶. Щодо “українського питання” Берлін мав власний сценарій: в пресі Німеччини навіть піднімається кампанія за приєднання до Карпатської України - України радянської. Отже, український “фактор” стає одним з дієвих у зовнішній політиці цілого ряду європейських країн.

Звертає на себе увагу позиція Румунії, що швидко змінювалась. 25 листопада 1938 р. Комнен, приймаючи у себе польського посланника Р.Рачинського, торкнувшись ”українського питання”, зауважив, що король і уряд схиляються до висновку, що сусідство з російським колосом, яким би він не був, є більшою загрозою, ніж розчленування Росії та виникнення, навіть і великої, української держави. Сам румунський король Кароль II був відвертішим: його бентежило наскільки великою має бути майбутня українська держава⁷. Головним, що по-справжньому цікавило Румунію, були умови збереження контролю, в разі війни, над українськими етнолінгвістичними землями в Бесарабії та Буковині, а також небажання подальшого просування Угорщини в Закарпатті.

Німецький варіант вирішення “українського питання”, продемонстрований в ході Віденського арбітражу 2 листопада 1938 р. (передача Угорщині частини Словаччини та Карпатської України з містами Ужгород та Мукачево, але їй збереження автономії Хуста і недопущення сюди Польщі для створення польсько-угорського кордону), заклав підвалини подій весни 1939 р., - переддня другої світової війни.

Румунія, відтак, потрапила у центр протиріч регіону, а після 2.11.1938 р., взагалі, ладна була піти з Німеччиною як проти Угорщини, так і проти Польщі (про це свідчить, хоча би, румунсько-німецька торгово-економічна угода, підписана вже 10 грудня 1938 р.)⁸.

Відповіддю офіційної Варшави був розворот в бік СРСР, про що ТАРС повідомив 27.11.1938 р. Йшлося про продовження до 1945 р. домовленості 1932 р. про ненапад, про “ліквідацію виникаючих, останнім часом, прикордонних інцидентів” між Польщею та Радянським Союзом тощо⁹. Наскільки відверто діяла польська сторона можна судити з того, що вже наступного дня відділ

преси Міністерства іноземних справ Польщі, неначе виправдовуючись, доводив німецьким кореспондентам, що польський уряд завжди вважав, “що участь Радянського Союзу в європейській політиці є зайвою”¹⁰. Проте перспектива польсько-радянського зближення викликала сильне занепокоєння в Берліні (активізація Італії в середземноморському басейні робила для її союзниці - Німеччини досить реальним конфлікт із країнами Західної Європи, а відтак - була потрібна визначеність на її Сході). Незважаючи на зростаючу ворожість щодо Польщі, в офіційних колах Берліну в січні 1939 р. вирішили за краще “заспокоїти” її за допомогою українського “фактору”. Аби не підштовхнути Польшу в бік Франції, Гітлер воліє спростувати свої наміри щодо України у бесідах із Чаки та Беком. Останній, миттево, нагадав Ріббентропу про сферу польських інтересів аж ...до Чорного моря¹¹. Як влучно зауважив Литвінов, відповідаючи на запитання тимчасово-повіреного у справах Франції в Радянському Союзі Пайяра, щодо готовності Москви до співробітництва із Варшавою: “...доки Польща не отримає ... безпосереднього стусану з боку Німеччини, навряд чи вдастся змінити лінію поведінки Бека”¹². За п’ять днів до цієї розмови - 24 березня 1939 р. в Берліні було прийняте рішення про знищенння Польщі, як політичного фактору¹³.

Змінюється й позиція СРСР щодо “українського питання”. З одного боку, в листопаді-грудні 1938 р. цей термін з’явився навіть в офіційних радянських документах. З іншого боку, головним лейтмотивом Москви (як і усієї залежної від неї “лівої” преси), була теза про те, що “українського питання”, мовляв, не існує, а воно є вигадкою німців для завоювання Східної Європи. 19 грудня 1938 р. в розмові з французьким послом Ж.Пайяром щодо “українських” планів Німеччини, Литвінов розгорнув цю тезу: “Этот вопрос нас совершенно не беспокоит, ... мы даже не уверены, что и Гитлер серьезно относится к так называемой украинской акции. Возможно, что мы имеем дело с пропагандистской диверсией, имеющей целью усыпить и успокоить Англию и Францию, и под эти прикрытием подготовить новый сюрприз для них”¹⁴.

Але сюрприз “для них” готовував і Сталін. Повірений у справах США в Москві вже 19.01.1939 р. в своєму повідомленні відзначив, що радянська преса не згадує про загрозу Україні з боку Німеччини. Коли ж у лютому 1939 р. в СРСР повернулися до “українського питання” - це вже була його ув’язка із позицією Польщі¹⁵. В Берліні уважно стежили за зміною тону Москви щодо Варшави. Але навіть

після 6 березня 1939 р., коли Гітлер остаточно вирішив ліквідувати Чехо-Словаччину, а з нею і автономну Карпатську Україну, в Берліні ще розробляли документацію з “українських проблем” і не наважувалися діяти відкрито.

Все змінилося на початку другої декади березня 1939 року.

Доки Європа гадала чим і як відповісти на березневу зухвалість фюрера, Сталін, у своїй промові на XVIII з’їзді ВКП(б) 10 березня 1939 р., в спокійно-іронічному тоні піддав критиці західну пресу, яка так і “прагне спровокувати” конфлікт між Радянським Союзом та Німеччиною, бо весь час очікує від останньої “похода на Советскую Украину”¹⁶. Дорогу до німецько-радянського зближення було відкрито. В Берліні зрозуміли: настав час діяти!

Вкотре інтереси української державності були принесені в жертву політичній кон’юнктурі її іноземних “оборонців”...

11 березня відомство Ріббентропа припинило розробку документації з “українських проблем” для Гітлера. Фюрер обмежився фразою: “Це трагічно, але - це неминуче”¹⁷. 13 березня Берлін надав гарантії щодо створення незалежної Словаччини як противаги Польщі. Водночас, за рахунок Карпатської України, Гітлер задовільнив польсько-угорські та румунські геополітичні інтереси в регіоні, де проживало 12.5% угорців, 2.5% румун і 70.6% українців. Незважаючи на це, 14 березня 1939 року, карпато-український уряд Августина Волошина, по радіо, проголосив незалежність своєї держави. Наступного дня, коли угорці перетнули кордон біля Мукачева, а Гітлер очолив вступ німецьких військ до приголомшеної Праги, щойнонароджена українська держава прийняла свою Конституцію. Доки 10-12 тис. погано озброєних стрільців та добровольців - членів ОУН з Галичини чинили відчайдушний опір регулярному війську, А. Волошин звернувся по допомогу до Німеччини та Франції. Берлін порадив скласти зброю, Париж обмежився абстракціями Кульондра щодо порівняння позицій словаків та українців в регіоні. Тим часом Угорщина окупувала “свою” частину Карпатської України, решта - відійшла Румунії. Війна, що стала партизанською, тривала ще три тижні і коштувала життя 5 тис. патріотів. Врешті, маленька українська держава з площею 11.085 км² та населенням 552.124 чол., що насміливася, всупереч волі своїх могутніх сусідів, проголосити свою незалежність, перестала існувати. В Польщі не приховували радощів з цього приводу. Як пояснив посол Франції: Варшаві вдалося, в такий спосіб, звільнитися “від небезпеки, яку становить на її

південному кордоні українська незалежна провінція, центр пропаганди й ірредентизму”¹⁸. СРСР, в ноті від 18.03., засудив дії лише Німеччини як “насильственные” та “агресивные”¹⁹. Англія та Франція висунули проект декларації, де, у невиразних тонах, намагалися “заликати” Гітлера обіцянкою ...”негайно скликати нараду”²⁰.

З квітня 1939 р. штаб ОКВ (Верховне командування вермахту) видав наказ про підготовку операції “Вейс” (розгром Польщі) з розрахунком її проведення не пізніше 1 вересня 1939 року...

Саме цього дня В.Молотов промовив: “23 серпня - це історична дата великого значення. Починаючи з цього дня, Німеччина та Радянський Союз більше не будуть ворогами...”²¹.

Польща, вкотре в історії, стала жертвою розділу з боку старих партнерів в цій справі через свідоме нехтування національними інтересами інших народів. Вкотре історія продемонструвала безперспективність шляху агресії, коли і сам агресор легко перетворюється на жертву.

“Війна - по самій своїй суті є зло. Її наслідки не обмежені одними лише воюючими сторонами, але зачінають увесь світ. Тому розв'язування агресивної війни є не лише злочином міжнародного характеру, - воно є найтяжчим міжнародним злочином”²². Це визначення війни, що його було дано згідно рішення Генеральної Асамблеї ООН від 11 грудня 1946 р., і що увійшло до вироку Нюрнберзького трибуналу, зберігає свою актуальність і сьогодні.

ПРИМІТКИ:

¹ Романів О. Панорамна документальна історія національного змагу і трагедії // В кн.: Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні.- Париж - Нью-Йорк - Львів,1993.-С.12.

² Коваль М.В. Україна у другій світовій і Великій Вітчизняній війнах/1939-1945 рр./: Спроба сучасного концептуального бачення.-К.,1994.-С.6.

³ Щетников В.П. До проблеми вивчення діяльності румунської цивільної адміністрації в Одесі /1941-1944 рр./Культурно-історичні, соціальні та правові аспекти державотворення в Україні: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції.-Одеса,1996.-С.99-101.

⁴ Руденко Н.М. Армія фашистського агресора: обличчя ворога // Український історичний журнал.-1991.-№6.-С.36.

⁵ Нюрнбергский процесс: Сб. матер. в 8 тт.-Т.3.-М.,1989.-С.73.

- ⁶ Волков В.И. Мюнхенский сговор и Балканские страны.-М.,1978.-С.65.
- ⁷ Там само.-С.246.
- ⁸ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. - август 1939 г.): Документы и материалы.-М.,1971.-С.232.
- ⁹ Известия.-1938.-27 нояб.
- ¹⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны...-С.96.
- ¹¹ Там само.-С.163.
- ¹² Йдеться про міністра іноземних справ Польщі.-Там само.-С.234.
- ¹³ Нюрнбергский процесс.-Т.3.-М.,1989.-С.73.
- ¹⁴ СССР в борьбе за мир...-С.134.
- ¹⁵ В листі Литвінова від 19.02.1939 р. йдеться про можливість вторгнення Польщі в Україну. Див.: Косик В. Вказ. праця.-С.474.
- ¹⁶ XVIII съезд ВКП(б): Стенограф. отчет.-М.,1939.-С.13-14.
- ¹⁷ Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні.-С.477.
- ¹⁸ Там само.-С.479.
- ¹⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны: 1937 - 1939 гг.-М.,1981.-Т.2.-С.46-48.
- ²⁰ СССР в борьбе за мир...-С.265.
- ²¹ Косик В. Вказ. праця.-С.484.
- ²² Нюрнбергский процесс: Право против войны и фашизма.-М.,1995.-С.9.

Д.С.ШЕЛЕСТ, М.М.ЮРЧЕНКО

**ЕТНОНАЦІОНАЛЬНА ПОЛІТИКА В УМОВАХ
ВІДРОДЖЕННЯ І РОЗВИТКУ УКРАЇНСЬКОЇ
ДЕМОКРАТИЧНОЇ ДЕРЖАВИ
(АНАЛІЗ ЛІТЕРАТУРИ І ДЖЕРЕЛ)**

Стан наукової розробки теми характеризується початковим етапом виходу як вітчизняної, так і зарубіжної літератури. У першій відчуваються від заідеалізованих доктринальних схем, прагнення вивчити внутрішні процеси етнос і державотворчих перетворень. Слід відзначити, що серед літератури переважають праці правників, політологів, спеціалістів з проблем державного управління, істориків, соціологів. Роботи, що прямо або опосередковано відносяться до теми дослідження, можна поділити на декілька основних напрямків.

До першої групи відносяться праці концептуального плану, де здійснюються спроби теоретичного аналізу понять етнонаціонального плану, розкриття їх суті, узагальнення форм і шляхів сучасних перетворень. Першу за часом працю - "Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії"¹, з переосмисленням наукових підходів до етнонаціональних проблем, відходу від стереотипів минулого, врахуванню етнонаціонального фактора державного будівництва, видали авторські колективи п'яти академічних установ Національної Академії наук України та ряду вузів. Тираж цієї книги не великий, а тому вона стала бібліографічною рідкістю і є доступною тільки для науковців. У 1996 році колектив авторів вирішив поглибити і розширити дослідження, перейшовши від етнонаціональної до етно-державознавчої сфери. У виданій ним "Малій енциклопедії етнодержаво-знавства" понятійно-термінологічний інструментарій використовується з метою осмислення державотворчого поступу українського народу. Через нові підходи висунута програма національного розвитку на шляху формування громадянського суспільства, реалізації Конституції України та законодавчих актів з цього питання. По суті це перше видання в Україні, країнах бувшого СРСР та світовій практиці, в якому етнонаціональні процеси розглядаються під кутом зору нового напрямку наукових досліджень - етнодержаво-знавства².

Вийшла серія наукових досліджень Ю.І.Римаренка, В.С.Кульчицького, І.Ф.Кураса, Л.П.Нагорної, В.Євгуха, В.Медведчука та інших, де розглядається комплекс слідуючих проблем:

- 1) сутність та значення етнонаціонального феномену в суспільному житті;
- 2) трансформація української етнонаціональної ідеї, державницько-національного інтересу;
- 3) формування "української політичної нації", економічного організму та співвідношення національної спільноти і громадянства;
- 4) зміцнення суверенітету суспільства в цілому і суверенезації особливості, зокрема³.

Особливо слід відзначити плідну роботу академіка АПН Ю.І.Римаренка, який видав ряд праць, був керівником авторських колективів і відповідальним редактором видань нового гатунку з етнодержавознавства.

Правові, політологічні, етнографічні, історичні проблеми етнодержавного розвитку розглядаються в рекомендованих міністерством освіти навчальних на наукових посібниках⁴. У них також розробляються методологічні проблеми теорії державного управління, об'єктивної обумовленості, суб'єктивної обґрунтованності і соціальної ефективності державного управління етнодержавними процесами. Дещо слабший теоретичний рівень праць історичного плану, які переважно викладені фактичним матеріалом, роблять акцент на хронологічному викладі розвитку українського етносу, генези української державності. В той же час вони висвітлюють цікаві сторінки зародження і розвитку етносів на території України, традиції толерантності українського народу, його боротьбу за самозбереження, переход до демократичного розвитку суспільства і держави.

Другу групу складають праці з конкретними напрямами теми, що аналізуються в даній статті: кількісні і якісні зміни в етнічному складі населення, розвиток етносів в соціумах, соціологічні аспекти етнодержавного розвитку, роль в цих процесах української нації і національних меншин. Зазначеним актуальним проблемам присвячені праці Я.Дашкевича, А.Г.Здравомислова, О.Г.Топчієва, О.І.Полоси, Ж.М.Кучеренка та інших авторів⁵.

Соціокультурні аспекти становлення державності України з Врахуванням специфіки східного і південно-східного регіонів диспутувалися на республіканській науково-практичній конференції в Запоріжжі 23-24 березня 1993 р.⁶

Особливої уваги заслуговують три випуски збірників матеріалів, нарисів і документів "Многонаціональный одесский край: образ и реальность". Устаттях М.Н.Губогло, О.П.Якубовського, П.І.Недоліщного, Е.О.Гансової, Ф.В.Резніка, В.М.Ковальчука та інших розглядаються три аспекти: етнополітична модернізація, стратифікація, мобілізація. Через їх призму ґрунтовно аналізується устрій національного життя суспільства, етнічні і конфесійні особливості Одеської області в складі України, соціальні функції традиційних цінностей тощо⁷. Посилилася увага до вивчення законодавчої бази етнодержавних процесів⁸. Колектив вчених Української Академії державного управління при Президентові України (Одеський філіал) успішно працює над складанням "Етнічної карти Півдня України".

Третя група робіт присвячена етнополітичним проблемам, громадсько-політичній діяльності етнічних груп по розвитку

демократії в українській державі. Основну групу робіт складають праці про діяльність сучасних політичних партій України, молодіжних організацій. У кандидатській дисертації О.С. Терзі, монографіях, брошурах і статтях К.Ю. Богомаза, В.Г. Кременя, Є.Г. Базовкіна, В.Литвина, І.К. Калмакана, О.Б. Бриндака, А.Слюсаренка, М.Томенка та інших викладена історія сучасної багатопартійності в Україні, зроблений аналіз програмних документів та діяльності партій і громадських рухів, їх кількісний склад, лідери, роль у державному будівництві⁹. Значна кількість робіт показує становлення та розвиток Народного Руху України, труднощі з якими він зустрівся¹⁰. У програмних документах партій враховуються етнонаціональні фактори в державобудуванні, але більшість авторів приділяють їм недостатню увагу. В політичній палітрі України відзначається роль молодіжних, жіночих та інших громадських організацій¹¹. В оцінці діяльності партій і громадських організацій допускається суб'єктивізм: переоцінка ролі своєї партії і, не завжди доведена аргументами, нищівна критика інших партій і рухів. У багатьох випадках ігнорується аналіз політичних інтересів компактно проживаючих національних меншин.

Ряд досліджень про відродження державності і формування національно-культурної політики в Україні можна віднести до четвертої групи робіт з теми, що розглядається в даній статті. У 1997 році захищена кандидатська дисертація А.Є. Румянцевої “Відродження та розвиток національних культур в Україні. 1988-1996 рр. (На матеріалах південних областей)“¹². Вона обрала такі напрямки досліджень, як сучасна національно-культурна політика в Україні, розвиток системи народної освіти, культурно-просвітницький рух меншин південних областей України. У колективній праці “Життя етносу: соціокультурні нариси”, виданої міжнародним фондом “Відродження”, по-новому ставляться питання поєднання загальнодержавних інтересів з тенденціями національно-етнічного самоствердження. На думку авторів, протистояння тенденцій відторгнення та стримування привело до формування нового суспільного саморегулювання відповідних соціальних, економічних і правових механізмів життедіяльності нових державних, національно-територіальних і регіональних утворень, які опираються на духовні традиції та цінності¹³.

Культурно-історичні, соціальні та правові аспекти державотворення в Україні обговорювалися в травні 1996 року на міжнародній науково-практичній конференції на базі Одеського

держуніверситету¹⁴. Привертають увагу розглянуті на ній питання в галузі національної системи освіти і виховання, національні джерела державотворення, роль освіти національних меншин в суспільно-політичному житті країни. У грудні місяці цього ж року Українською Академією державного управління при Президентові України (Одеський філіал) і Одесським держуніверситетом ім. І.І.Мечникова була проведена регіональна науково-практична конференція “Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація і актуальні проблеми державного управління¹⁵. У доповідях і виступах були розглянуті питання культурних витоків національних меншин, сучасні проблеми міжнаціонального спілкування, розвитку політичного менталітету українців. Важливо, що на конференції були затверджені, на наш погляд, досить цінні рекомендації щодо стратегічних орієнтирів етнополітичного розвитку на Півдні України, враховуючи особливості цього регіону.

Характерно, що до вивчення проблем етнодержавотворення підключилася когорта молодих вчених, які присвятили свої праці ціннішим орієнтирам демократії, формуванню політичної свідомості, складним процесам сучасного етнонаціонального розвитку як фактору державного будівництва. В 1995 році були проведені молодіжні політологічні семінари, науково-теоретичні конференції, літературно-мистецькі вечори присвячені рецепції ідей В.Липинського, М.П.Драгоманова, П.О.Куліша, теорії і практики ролі демократії в суспільному житті, участі молоді в етнодержавобудуванні. Матеріали цих семінарів були опубліковані в трьох альманахах “Молода нація”, що вийшли у видавництві “Смолоскип”, а також окремими есе¹⁶. Цінно, що молодь намагається осмислити сучасне культурне, політичне, національне життя, оцінити явища і процеси крізь призму історичного досвіду, внести оригінальні пропозиції щодо врахування реалій сьогодення для вибору національних шляхів поступу вперед.

Позитивно оцінюючи зрослу увагу науковців до питань етнонаціональної політики, як фактору державотворення, слід відзначити, що цільних, комплексних праць безпосередньо з цієї теми, ще не створено. Ось чому актуальними є слідуючі завдання:

- ◆ продовжити вивчення літератури та джерел з різних напрямків теми і виявити наявні наробки і прогалини, а відповідно сформулювати завдання подальшого наукового дослідження;

- ◆ провести аналіз концепції етнодержавотворення на сучасному етапі з врахуванням досягнень вітчизняної і зарубіжної політичної думки;
- ◆ вивчити етнічну специфіку південного регіону України і рівень її врахування при формуванні державної і національної політики, діяльності органів державного управління;
- ◆ виявити шляхи вдосконалення механізму міжетнічного спілкування, узгодження інтересів української нації і національних меншин;
- ◆ з'ясувати провідні напрямки, форми та засоби діяльності партій і громадських об'єднань по активізації етноснаціонального фактору в розвитку української демократичної держави;
- ◆ дослідити стан та шляхи підвищення ефективності та шляхи підвищення ефективності культурно-освітньої роботи в середовищі української нації та етнічних меншин;
- ◆ зробити узагальнення і внести пропозиції щодо подальшого посилення досліджень етнонаціональних проблем створення громадянського суспільства.

Для вивчення вказаних напрямків був використаний комплекс джерел. Передусім це Конституція України, законодавчі акти, постанови Верховної Ради, Укази Президента та інші державні документи України. В їх числі Закон УРСР “Про мови в Українській РСР” (1989 р.), “Декларація про державний суверенітет України” (1990 р.), Акт проголошення незалежності України (1991 р.), Декларація прав національностей України (1991 р.), Закон України “Про національні меншини в Україні” (1992 р.), Постанова Верховної Ради України про створення “Комісії з питань прав людини, національних меншин і міжнаціональних відносин” (1994 р.) та інші. Першочергову роль в здійсненні державної національної політики мали статті 11 та 24 Конституції, де проголошувалися рівні для всіх громадян права без будь-яких обмежень, державного сприяння “консолідації та розвиткові української нації, її історичної свідомості, традицій і культури, а також розвиткові етнічної, культурної, мовної та релігійної самобутності всіх корінних народів і національних меншин України”¹⁷.

Другу групу джерел складають матеріали поточних архівів державних установ та статистичних управлінь, статистичні збірники про національний склад населення України, зокрема Одеської,

Миколаївської, Херсонської областей. Узагальнюючі матеріали щодо етногенезу, міграції, розселення етносів, різних напрямків здійснення національної державної політики на місцях взяті у звітах, інформаціях, доповідних аналітичних записках відділу міжнаціональних відносин Одеської обласної державної адміністрації та відділах по зв'язках з політичними партіями і громадськими об'єднаннями, освіти і культури Миколаївської і Херсонської обласних державних адміністрацій, а також у згаданому вище трьохтомному виданні “Многонаціональный Одесский край”. У цих виданнях, а також в матеріалах періодичної преси є програмні документи партій і громадських організацій, культурно-національних осередків та товариств, які дозволяють дослідникам зробити аналіз громадсько-політичного та культурно-освітнього життя українського та інших етносів південних областей України. Колектив вчених Української Академії державного управління при Президентові України (Одеський філіал) підготував і почав випуск “Етнічної карти Півдня України”¹⁸, що дозволяє збільшити джерельну базу для вивчення соціокультурних та етнополітичних аспектів державотворення.

Бесіди з лідерами національних об'єднань, керівниками відділів місцевих органів влади, членами партій і товариств є додатковим джерелом для уточнення позицій і мотивів діяльності в національному державному будівництві. Звичайно, при цьому слід враховувати однобічність підходів, які не сприяють об'єктивній оцінці подій, якщо не враховується весь комплекс факторів. Неупорядкованість поточних архівів, розмаїття політичних поглядів і швидкоплинність сучасних подій звужує джерельну базу для дослідження і висновків з “дистанції часу”.

ПРИМІТКИ:

- 1 Етнонаціональний розвиток України. Терміни, визначення, персоналії /Відп. Ред. Ю.І.Римаренко, І.Ф.Курас.-К.,1993.
- 2 Мала енциклопедія етнодержавознавства./ Відп. Ред., керівник авт. колективу Ю.І.Римаренко.-К.,1996.-942с.
- 3 Римаренко Ю.І. Національний розвій України: проблеми і перспективи.-К.,1995.-272с.; Його ж. Етнонаціональна політика української держави. Концептуальні підходи //Освіта.-1996.-8 травня; Його ж. Національне буття: етнорегіональний вимір // Регіональна політика України: концептуальні засади, історія, перспективи. Міжнародна науково-практична конференція 10-11

листопада 1994 р.-К.,1995.-С.25-32; Кульчицький В.С.. Настюк М.І., Тищик Б.Й. Історія держави і права України.-Львів,1996.-295с.; Курас І.Ф. Етнополітологія: запити життя і відповіді вчених //Політика і час.-К.,1992.-№3.-С.60-66; Його ж. Українська державність: історія та сучасність. - К.,1993; Савельєв В.А., Нагорна Л.П. Сучасні етнічні процеси в контексті конфліктології / Український історичний журнал.-1993.-№9.-С.3-12; Євтух В. Якою має бути етнополітика української держави//Віче.-1992.-№8.-С.112-126; Медведчук В. Сучасна українська національна ідея і питання державотворення.-К.,1997.-169с.

⁴ Атаманчук Г.В. История государственного управления.-М.,1997.-399с.; Потульницький В.А. Теорія української політології.-К.,1993.-191с.; Його ж. Нариси з української політології (1819-1991).-К.,1994.-319с.; Пономарьов А. Українська етнографія. - К.,1994. - 318с.; Рябов С.Г. Політологічна теорія держави.-К.,1996.-239с.; Політологія посткомунізму: Політичний аналіз посткомуністичних суспільств.-К.,1995; Політичні структури та процеси в сучасній Україні (Політологічний аналіз).-К.,1995.

⁵ Дашкевич Я. Україна і національні меншини //Державність.-1991.-№3.-С.24-27; Здравомыслов А.Г. Власть и общество // Социологический журнал.-1994.-№4.-С.4-16; Проблемы соборности Украины у XX столетти.-К.,1994; Молоде покоління нової України.-К.,1995.-96с.; Одесса: город - агломерация - портово-промышленный комплекс (Под. общ. ред. проф.О.Г.Топчиева).-Одесса,1994.-357с.; Мы одесситы (Под. общ. ред. проф. С.В.Козицкого).-Одесса,1997.-С.63-70; Кучеренко Ж.М. Зміни соціальної структури суспільства в умовах формування ринку //Політологічний вісник.-Ч.ІІІ.-К.,1993.-165с.

⁶ Соціокультурні аспекти становлення державності в Україні (спеціфіка східного і південно-східного регіонів).-Тези доповідей республіканської науково-практичної конференції 23-24 березня 1993 р.-Запоріжжя,1993.-146с.

⁷ Многонациональный одесский край: образ и реальность (Документы. Очерки. Материалы).-Т.1-3.-М.,1997.-Відповідно 312, 271, 272с.

⁸ Слюсаренко А.Г., Томенко М.В. Історія української конституції.-К.,1993.-191с.; Корміч Л.І. Конституційні традиції України - теоретична база сучасного державотворчого процесу //Доповіді міжнародної науково-практичної конференції в Одесі в травні 1996р.-Одеса,1996.-С.32-37; Шелест Д.С., Чернега Р.П.

Конституційні та законодавчі акти про статус українського етносу: традиції та сучасність //Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація на півдні України і актуальні проблеми державного управління. Матеріали регіональної науково-практичної конференції.-Ч.ІІ.-Одеса,1996.-С.4-6; Назаренко С. До питання про конституційну реформу державної влади України //Право України.-1996.-№12.

⁹ Терзі О.С. Питання організації державної влади в програмних документах та діяльності сучасних політичних партій України. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня канд. істор. наук.-Донецьк,1997.-16с; Богомаз К.Ю. Політичні партії і громадські організації на Україні (друга половина 80-х - початок 90-х років ХХ століття). Монографія.-К.,1992.-144с; Кремень В.Г., Базовкін Є.Г. Політичні партії України: порівняльний аналіз програмних документів.-К.,1993; Литвин В. Політична аrena України: дійові особи та виконавці.-К.,1994.-163с.; Калмакан І.К., Бриндак О.Б. Виникнення та еволюція національної партійної системи в Україні в ХХ столітті: дослідження.-Одеса,1997.-191с.; Слюсаренко А., Томенко М. Нові політичні партії України. Довідник.-К.,1990; Україна багатопартійна. Програмні документи нових партій.-К.,1991.

¹⁰ Гарань О. Убити дракона / З історії Руху та нових партій України.-К.,1993; Його ж. Від створення Руху до багатопартійності.-К.,1992.-48с.; Ковтун В. Історія Народного Руху України.-К.,1995; Гончарук Г.І. Народний рух України. Історія.-Одеса,1997.-378с.

¹¹ Яневский Д., Малеев К. Политическая арена Украины // Философская и социологическая мысль.-1994.-№1-12; Молоде покоління нової України.-К.,1995.-96с; Рудіч Ф.М. Формування політичних структур в сучасній Україні: політологічний аналіз // Український історичний журнал.-1994.-№2-3.-С.51-65.

¹² Рум'янцева А.Є. Відродження та розвиток національних культур в Україні. 1988-1996 рр. (На матеріалах південних областей). Дисертація на здобуття наукового ступ. канд. істор. наук.-Одеса,1997.-185с.

¹³ Життя етносу: соціокультурні нариси.-К.,1997.-238с.

¹⁴ Культурно-історичні, соціальні та правові аспекти державотворення в Україні. //Матеріали міжнародної науково-практичної конференції в Одесі в травні 1996 р.-Одеса,1996.-137с.

¹⁵ Сучасна етнокультурна та етнополітична ситуація і актуальні проблеми державного управління. //Матеріали регіональної науково-

практичної конференції 10-11 грудня 1996 р.-Ч.I,II.-Одеса,1996.
Відповідно 92,255 с.

¹⁶ Альманах “Молода нація”.-Ч.1,2,3.-К.,1996.-262,236,252с.
Розумний М. Справа честі. Алгоритм національного
самоопанування. Політологічне есе.-К.,1995.-71с.

¹⁷ Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради
України 28 червня 1996 року.-К.,1996.-С.5,8.

¹⁸ Етнічна карта Півдня України (Соціокультурний та
етнополітичний аспекти).-Вип.1. Одеська область.-Одеса,1996.-59с.

ІСТОРІЯ, ТЕОРІЯ ТА МЕТОДОЛОГІЯ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ

Т.Н. ПОПОВА

ІНСТИТУТ ПРИВАТ-ДОЦЕНТСТВА В УНИВЕРСИТЕТАХ РОССІЙСКОЇ ИМПЕРІИ (2-Я ПОЛ. XIX - НАЧ. XX ВВ.)

С 1860-х гг. в высшей школе Российской империи, следуя примеру германской университетской традиции, был создан институт приват-доцентства. Университетским Уставом 1863 г. преподавательский корпус формировался из штатных, сверхштатных и т.н. "сторонних" преподавателей. В состав "сторонних", или внештатных, вошли приват-доценты, работающие "по найму", "приватным", частным порядком либо по приглашению факультетов, либо по собственному "прошению". Приват-доценты "определялись к преподаванию" на каждый учебный год. "Свидетельство" на право преподавания в звании приват-доцента давалось факультетом и вступало в силу после утверждения Советом университета и попечителем учебного округа. Факультет давал представление в Совет университета на соискателей в приват-доценты - магистров на основании чтения 2-х пробных лекций (одна по теме, предложенной факультетом, другая - по собственному выбору); для соискателей в приват-доценты - кандидатов (по Уставу 1863 г. эта "низшая" ученая степень присваивалась выпускнику университета, который кроме сдачи экзаменов на "высокие оценки", должен был представить и защитить кандидатскую диссертацию), кроме этого, требовалась защита диссертации "*pro via legendi*". Приват-доценты имели "совершенную свободу" в выборе "предметов преподавания", т.е. в выборе предложенного ими факультету курса лекций, программа которого, однако, должна была утверждаться Советом факультета и факультет нес ответственность перед Советом университета, попечителем и Министерством народного просвещения за качество этой программы. По Уставу 1884 г. категория "штатный доцент" (относящаяся также к разряду "младших" преподавателей) была упразднена и весь преподавательский корпус стал включать профессоров (ординарных - "старших" и экстраординарных - "младших") и приват-доцентов. Число штатных профессоров на факультетах было увеличено, а

количество приват-доцентов не ограничивалось и определялось потребностями учебной работы и состоянием финансовой базы университета. Была упрощена процедура получения звания приват-доцента: диссертация “*pro venia legendi*” отменялась, а пробные лекции оставались обязательными только для магистрантов (звание “кандидат” Уставом 1884 г. было также отменено и выпускники, выполнившие всю программу университетского курса получали дипломы 1-й и 2-й степени, при этом “путь в науку” открывал диплом 1-й степени) т.е. для тех, кто сдал магистерские экзамены, но не защитил диплом на степень магистра¹. Устав 1884 г. потребовал от магистров и докторов наук обязательный стаж преподавательской работы: чтобы получить звание профессора, “остепененные” преподаватели должны были “доказать способность к преподаванию чтением лекций в продолжении не менее трех лет в звании приват-доцента университета...”² Введение приват-доцентуры предусматривало создание атмосферы “творческой конкуренции” между штатными (профессурой) и нештатными, “сторонними” преподавателями. Количество приват-доцентов с 80-х гг. быстро росло: в 1881-1894 гг. в С.-Петербургском университете число приват-доцентов увеличилось с 14 до 81; в Московском с 11 до 120; в Харьковском с 5 до 50; в Киевском с 11 до 39, в Казанском с 10 до 42. На 1 января 1894 г. в 6 университетах (Москва, С.-Петербург, Харьков, Киев, Казань, Одесса) был 321 приват-доцент.³ Именно через приват-доцентуру наука обеспечила к началу XX века “полнокровное учебное функционирование университетов”⁴.

В сословно-ранжированном российском обществе главенствующую роль играла чиновная бюрократия и учёные степени и звания имели свой табельно-должностной и сословный статус. Правительство рассматривало преподавателей высших и средних учебных заведений прежде всего как чиновников на государственной службе с соответствующим каждому чину правами, окладами и т.д. По Уставу 1863 г. ректор получал чин IV класса (действительный статский советник); декан и ординарный профессор - V класс (статский советник); экстраординарный профессор - VI класс (коллежский советник); доцент и приват-доцент - VII и VIII классы (надворный советник и коллежский асессор). В случае поступления на государственную службу кандидат получал чин XII класса (губернский секретарь) а с 1837 г. - X класс (коллежский секретарь); магистр - чин IX класса (титулярный советник); доктор - чин VIII класса (коллежский асессор). До 1854 г. чины XIV-IX

класса давали право на переход в “личное дворянство”, а VIII - в “потомственное”. Законы от 11.VI.1845 и от 9. XII.1856. повысили “планку”: в потомственное дворянство переходили теперь с IV класса, в личное - с IX; X-XIV классы давали право на “почетное гражданство”. Представители податных сословий (крестьяне, мещане) по окончании университетского курса выходили из податного сословия. Государственный Совет в августе 1884 г. подтвердил право докторов наук на чин VIII класса, магистров - на чин IX класса, а выпускников с дипломом 1-й степени - на чин X класса. Таким образом, Устав 1884 г. сохранил прежнюю табельную градацию, которая в общих чертах просуществовала до 1917 г. Служебно-сословные привилегии обладателям научных степеней и ученых званий вручались не только с целью превратить их в чиновников государственного аппарата, но и для привлечения в императорские университеты новых научных сил, для “вливания свежей крови” в дворянство империи, для создания образованной элиты из всех сословий общества⁵. За 1825-1845 гг. потомственное дворянство получило 20 тысяч человек; за 1875-1896 гг. приток в дворянское сословие составил приблизительное 37 тысяч человек⁶. Вместе с тем, это законодательно установленное соотношение между степенями, званиями и чинами не было “неподвижно стержневым”. На практике доктор наук, профессор, ко времени полной выслуги (“служили” в университетах 25 лет, после чего в штате разрешал оставаться профессорам только министр; после 30-летней службы в штате быть не полагалось: “старые” профессора, часто получавшие звание “заслуженного профессора”, работали в университетах как внештатные, “сторонние”, наряду с приват-доцентами) достигал чина IV класса или даже выше.⁷ Присвоение нового чина, как правило, происходило при условии “безупречной службы” через каждые четыре года. Так, например, профессор Новороссийского университета А.И. Маркевич - потомственный дворянин, окончив Новороссийский университет кандидатом и, сдав экзамен на “звание учителя”, получил назначение в таганрогскую гимназию и Указом правительства Сената в 1869 г. был произведен в коллежские асессоры (VIII класс). В 1873 г. его произвели в надворные советники (VII класс); в 1877 г. - в коллежские советники (VI класс). Защитив магистерскую диссертацию в 1879 г., он, уже будучи приват-доцентом историко-филологического факультета Новороссийского университета, в 1881 г. получает чин статского советника (V класс).

Приват-доценты по традиции, сложившейся еще до 1863 г., читали как “младшие” преподаватели не общие курсы, а “отделы наук”, т.е. специальные курсы, которые строились по проблемному, “регионально - страноведческому”, проблемно-хронологическому принципу, или представляли собой “новые предметы преподавания”, т.е. специальные и вспомогательные дисциплины. Эти курсы могли быть “обязательными” для студентов (т.е. по решению факультета входить в учебный план). Но чаще они были рассчитаны на “желающих студентов” и оставались “за сеткой часов”. По тематике курсы иногда имели связь с магистерскими и докторскими диссертациями и обычно не выходили на пределы специализации лектора, углубляя преподавание общих курсов, способствуя формированию новых учебных дисциплин. Работа приват-доцентов контролировалась для “охранения слушателей от несогласного с достоинством науки преподавания”⁸. Нарушение этого положения вели к различным санкциям: увольнение, приостановление производства в следующий чин, “задержка” с присвоением профессорского звания и проч. Например, А.И. Маркевич “за нарушения” в процессе преподавания (высказывание в лекциях “крамольных” мыслей) оставался приват-доцентом - магистром почти девять лет, а чин действительного статского советника (IV класс) получил будучи уже на пенсии.

Отменив Уставом 1884 г. штатную доценцию, высшие инстанции рассчитывали тем самым создать “свободную конкуренцию” между штатными “сторонними” преподавателями, стимулировать переход приват-доцентов в профессорскую и “уберечь” от “застоя” старых профессоров. Однако по свидетельству многих ученых, прошедших через приват-доценцию, развитие “свободного преподавания”, декларативно провозглашенное в уставах, - на основе “конкуренции”, предусматривающей “объявление” параллельных курсов, - оставляло желать лучшего. Это было связано во многом с самой системой “обязательных” и “не обязательных” (для “желающих студентов”) курсов, которая проецировалась и систему оплаты за преподавание. В 60-70-е гг. на “вознаграждение” (именно так звучало в делопроизводстве) приват-доцентов Министерством народного просвещения выделялись особые суммы: в 1878 г. университетам С.-Петербургскому, Харьковскому, Казанскому, и Св. Владимира (Киевскому) было разрешено “употребить” на эти цели 16,718 рублей. По уставу 1884 г. “вознаграждение” приват-доцентам выплачивалось из общей суммы

в 60 тыс. рублей, назначенной по всем университетам. Д.И. Багалей в 1914 г. писал: "Суммы, отпускаемые правительством на содержание университетов по штатам 1884 г., признанные недостаточными еще в момент введения этих штатов, увеличивались в крайне ограниченном размере...¹⁰. Соотношение штатных окладов имело следующую картину: ординарный профессор имел ставку 2.400 рублей в год, экстраординарный - 1.600 руб., штатный доцент - 1.200 руб., "профессорский стипендиат" (т.е. аспирант в современной системе высшей школы) получал стипендию - 600 руб. в год, а "стипендиат", командированный за границу (это правило было обязательным для специалистов по всеобщей истории) - 1.200 руб. в год¹¹. Штатные преподаватели получали также т.н. "квартирные" и "столовые" деньги. Так, профессор Новороссийского университета Ф.И. Леонтович, будучи ректором, имел оклад ординарного профессора 4.200 руб. в год: по должности ординарного профессора - 2.400 руб. в год., "столовых" - 300 руб. и "добавочных" по должности ректора - 1.500 руб. в год. А.И. Маркевич получал жалованье в размере 2.400 руб. в год по должности ординарного профессора, 300 руб. "столовых" и 300 руб. "квартирных". П.Н. Милюков, будучи приват-доцентом Московского университета, за осенний семестр 1886 г. при нагрузке два лекционных часа в неделю должен был получить 117 руб. 92 коп¹². Наряду с "вознаграждением" из специальных фондов, приват-доценты получали, как и профессора, "гонорар": по Уставу 1884 г. каждый студент платил в пользу преподавателя 1 рубль за недельный час в полугодие. Поскольку приват-доценты в основном читали лекции "необязательные" - для "желающих студентов", то от количества последних и зависел их гонорар. Курсы "обязательные", которые по решению факультета мог читать приват-доцент (в т.ч. и общие курсы) оплачивались из ассигнуемой для этого факультетом суммы, размер которой, например, в 1904 г. в Харьковском университете для историко-филологического факультета составил 2.875 рублей на 7 приват-доцентов. Если приват-доцент читал курсы по "вакантной" кафедре (т.е. не имеющей ординарного профессора) то его "вознаграждение" составляло уже 1.200 руб. в год. "Большинство приват-доцентов в Харьковском университете, - писал В.П. Бузескул, - на всех факультетах, кроме медицинского, фактически заменяли профессоров и читали обязательные курсы по поручению министра, с вознаграждением, равным жалованью прежних штатных доцентов - 1.200 руб. в год"¹³. Значительный ущерб

развитию приват-доцентуры нанесло установление в 80-е годы обязательных предметов и ограничение спецкурсов. Гонорар, сетовал позже П.Н. Милюков, распределялся “совершенно независимо от достоинств курса и преподавателя, а сообразно численности студентов на факультете и положению предмета в испытательной программе”. Если на кафедре был штатный профессор, то параллельные (и вообще “обязательные”) курсы могли быть результатом “предварительного соглашения профессора с покровительствуемым им приват-доцентом”. “Свободная конкуренция” практически не могла возникнуть между штатным преподавателем, читающим “обязательный” предмет, и “добровольцем-преподавателем”, который захотел бы объявить параллельный “необязательный” курс тому же предмету. В отзывах П.Н. Милюкова, И.А. Линниченко (последний еще более категоричен: “Ни одно из предложений устава относительно приват-доцента не оправдалось”, - писал он в 1889 г., будучи приват-доцентом Московского университета), безусловно, звучит обида, но это - и настроение. мнение огромного числа приват-доцентов, которые длительное время не получали “обязательных” лекций в силу разных причин. В С.-Петербургском университете в 1895 г. из общего числа 95 приват-доцентов только 11 получали гонорар свыше 600 рублей; 78 не получали и 300 рублей., т.е. обыкновенной студенческой стипендии, а 18 из этого числа не получили никакого гонорара¹⁴. Возможно, большое количество спецкурсов, характерное для преподавательской практики многих приват-доцентов, было показателем не только творческого энтузиазма, но и стремлением привлечь на свои лекции как можно больше “желающих студентов”. Ничтожные заработки основной массы приват-доцентов заставляли их работать в средних учебных заведениях, подрабатывать журналистикой, частными уроками, чтением публичных лекций и проч.

В Новороссийском университете, начиная с его основания до 1882/83 уч.г. включительно, ежегодное число приват-доцентов не превышало 3-х человек, колеблясь по годам - от 1 до 3-х, а в 1867/68, 1873/74 и с 1876/77 по 1879/80 уч. гг. не было вообще. Первые два приват-доцента были математики, третьим стал филолог. Бюджет университета был ограничен, поэтому каждое новое назначение в приват-доценты создавало прецедент. В эти годы в приват-доцентах “не задерживались”. А.И. Маркевич в 1880 г. после неоднократных обсуждений его кандидатуры на Совете университета стал первым

приват-доцентом - историком в Новороссийском университете. С 1884 года картина изменилась. В 1884/85 уч.г. в университете было уже 14 приват-доцентов: 6 на историко-филологическом факультете (Д.Н. Овсянко-Куликовский, А.И. Маркевич, Э.Р. фон-Штерн, В.А. Яковлев, И.А. Линниченко, Г.Е. Афанасьев), 6 на физико-математическом факультете (И.В. Слешинский, И.М. Пономарев, Р.А. Предель, Л.А. Ришави, П.Н. Строев, В.А. Спиро) и 2 на юридическом (И.А. Ивановский и А.В. Федорович). В 1883/84 уч.г. "на содержание заштатных доцентов" (т.е. приват-доцентов) было израсходовано 1.550 руб. 25 коп.; на 1884/85 уч.г. "по параграфу особому" Министерством народного просвещения "на содержание заштатных доцентов" было ассигновано Новороссийскому университету 3.600 руб. В 1903 г. в университете уже было 38 приват-доцентов: 6 на историко-филологическом факультете, 17 на физико-математическом, 8 на юридическом и 7 на новом - медицинском. На этот год на "вознаграждение приват-доцентов за лекции" было ассигновано дополнительным кредитом 7.000 руб., которые были "израсходованы полностью". Кроме того, из суммы "от сбора платы за слушание лекций" которая составила 73.689 руб. 88 коп., на вознаграждение приват-доцентов пошло 4.300 руб¹⁵.

Именно с приват-доцентурой, корпус которой составляла творческая молодежь, связано развитие "дидактической ипостаси" многих новых перспективных научных направлений. Целая плеяда крупных ученых на протяжении 2-й пол. XIX - нач. XX вв. "прошла" через приват-доцентуру. На историко-филологических факультетах это были: в Московском университете - П.В. Безобразов, Р.Ю. Виппер, П.Н. Милюков, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунатов, Е.Н. Щепкин и др.; в С.-Петербургском университете - А.С. Лаппо-Данилевский, С.Ф. Платонов, Г.В. Форстен и др.; в Киевском - М.П. Драгоманов, Ф.Г. Мищенко, Е.В. Тарле и др.; в Харьковском - В.П. Бузескул, В.С. Иконников, Б.М. Ляпунов, Е.П. Трифильев, А.Н. Деревицкий и др.; в Новороссийском университете - А.П. Казанский, Н.Н. Ланге (по кафедре философии), О.Ф. Базинер, А.В. Никитский, Э.Р. фон-Штерн, С.Д. Пападимитриу, М.И. Мандес (по кафедре классической филологии), В.А. Яковлев, В.Н. Мочульский (по кафедре русской словесности); М.Г. Попруженко (по кафедре славянской филологии), Ф.В. Режабек, Г.Н. Афанасьев, П.М. Бицилли (по кафедре всеобщей истории); И.А. Линниченко, А.И. Маркевич, П.А. Иванов, А.С. Грушевский, А.Е. Былюгов (по кафедре русской истории) и др.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ См.: Журнал министерства народного просвещения.-1884.-№10.-С. 51; Соболева Л.Е. Организация науки в пореформенной России.-Л., 1983.-С.246-249; Кричевский Г.Г. Ученые степени в университетах дореволюционной России//История СССР.-1985.-№2.-С.144-145; Чесноков В.И. Пути формирования и характерные черты системы университетского исторического образования в дореволюционной России // Российские университеты в XIX - начале XX века. Сб. научных статей. Вып.2.-Воронеж,1996.-С.17 и др.
- ² Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ).-Собр.III.-Т. 4.-№ 2404.-Стб.99.
- ³ См.: Там же; Обзор деятельности Министерства народного просвещения за время царствования императора Александра III.-СПб.,1901. -С.145; Карапетян Н.И. Факультеты//Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон.-СПб.,1902.-Т.35.-Кн.69.-С.253; Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в.-1917 г.-М.,1994.- С.59 и др.
- ⁴ Щетинина Г.И. Университеты в России и Устав 1884 года.-М.,1976. -С.169.
- ⁵ См.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения.-СПб.,1864.-Т.1.-Стб.17; Т.2.-Отд.1.-Стб.5; ПСЗ.-Собр.1.-Т.13.- №11363.-§1; Т.23.-№22174.-§30; Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения.1802-1902.-СПб.,1902.-С.420; Кричевский Г.Г. Указ. соч.-С.141; Щетинина Г.И. Указ. соч.-С.36,169; Иванов А.Е. Указ. соч.-С.55-56,60; Он же. Высшая школа в России в конце XIX -начале XX века. - М., 1991.-С. 223, 228-229, 347; Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха.-М., 1975.-С.47 и др.
- ⁶ См.: Корелин А.П. Российское дворянство и его сословная организация//История СССР.-1971.-№5.-С.59-60.
- ⁷ Щетинина Г.И. Указ. соч.-С.165.
- ⁸ См.: Чесноков В.И. Указ.соch.-С.14,16,18-19; Щетинина Г.И. Указ. соch.-С.160.
- ⁹ См.: Алфавитный сборник постановлений и распоряжений по С.-Петербургскому учебному округу за 1872-1882 гг./Сост. С. Комаров.-СПб.,1884.-С.С.407-408; Рождественский С.В. Указ. соч.-С.618.
- ¹⁰ Багалей Д.И. Экономическое положение русских университетов.-СПб.1914.-С.3.
- ¹¹ Государственный архив Одесской области.-Ф.45.-Оп.11.-Д.16.-Лл.44-48.

¹² См.: Макушин А.В. Из истории университетской деятельности П.Н. Милюкова//Российские университеты...Вып.2.-С.128.

¹³ Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805-1905).-Харьков,1905.-С.274.

¹⁴ См.: Милюков П.Н. Университет//Энциклопедический словарь. Издатели: Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон.-СПб.,1902.-Т.32.-Кн.68.-С.797.

¹⁵ Отчет о состоянии и деятельности Императорского Новороссийского университета (ИНУ) в 1884/85 уч.г.-Одесса,1885.-С.17,26-28; Обозрение преподавания в ИНУ на полугодие от 20 авг. по 20 дек. 1885 г.-Одесса,1885.-С.4-21; Отчет ИНУ за 1903.-Одесса,1903.-С.6,166-169 и др.

О.В. МЕЛЬНИК

ВЫСШЕЕ ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ ВО 2-Й ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ.

С 60-х г. XIX века одной из важнейших проблем внутренней политики в странах Европы становится проблема высшего женского образования. Социальный заказ промышленной эпохи европейского развития, потребовавший включения в активную жизнь новых слоев общества, институционализация науки, становление системы университетского образования обусловили радикальные перемены в постановке этой проблемы. Вторая половина XIX века - время поисков оптимального решения этого вопроса, как на уровне правительства, так и на уровне отдельных общественных структур.

Во Франции активное формирование системы высшего женского образования началось в последние годы второй империи(1852-1870). Тогда возникло «Общество женских прав», основавшее журнал “L’Avenir des femmes”, задачей которого была защита гражданских и политических прав женщин. Высшие учебные заведения были доступны для женщин: по французскому закону всякий, выдержавший экзамен на бакалавра, имел право на поступление в университет. Однако подготовка женщин в средних учебных заведениях не отвечала университетским требованиям. На основе анализа организации народного просвещения в европейских государствах и в США, французское правительство с конца 60-х гг.

XIX в. приступило к реформе женского образования. Исходя из циркуляра министра народного просвещения Ж.-В. Дюрюи от 30 октября 1867 года муниципальные власти начали организовывать специальные курсы для девушек (т.н. "курсы Дюрюи"), слушательницы которых могли сдавать экзамены на аттестат зрелости и поступать в университет. Законодательным актом 9 августа 1879 года каждому французскому департаменту вменялось в обязанность устроить учительских семинарий. На основании закона от 21 декабря 1880 года и декрета президента республики от 28 июля 1881 года при участии государства и местных обществ открывались лицеи и колледжи с общеобразовательной программой, ориентированной на поступление в высшие учебные заведения Франции.¹ С 1870-х гг. двери французских высших учебных заведений стали все шире открываться для женщин. В 1889/90 учебном году в Сорbonne было 152 студентки: француженок - 24, англичанок - 8, из российской империи - 107. Из них на медицинском факультете училось 123 (в т. ч. 92-россиянки), на физико-математическом - 19, на филологическом - 7, на юридическом - 3. В Швейцарии женщины впервые получили доступ в Цюрихский университет в 1867 г.. В 1891-92 уч. году в университетах Швейцарии среди 3152 студентов было 432 женщины. С 1870 г. женщины получили право на университетское образование в Швеции, с 1875 г. - в Дании, с 1889 г. - в Норвегии. Закон 1876 г. в Италии открыл женщинам дорогу в университет. В Брюссельском университете с 1880 по 1892 г. окончило курс 215 женщин. В Англии реформирование системы женского образования начинается с 1868 года, когда парламенту был представлен доклад о воспитании и образовании. Следствием его было учреждение специальных ассоциаций с целью улучшения воспитания женщин и открытия им доступа к высшему образованию. В октябре 1869 года был открыт Girton College для подготовки женщин к университетским экзаменам; в 1875 году в Кембридже - колледж Newnham Hall, рассчитанный на 64 студентки; в 1878 году началось чтение открытых лекций в University College в Лондоне.² С 1870 г., Кембриджский, Дублинский, Эдинбургский и Оксфордский университеты стали допускать женщин к экзаменам наравне со студентами, не давая им, однако, ученых степеней. В 1876 году парламент предоставил университетам право давать женщинам ученые степени. В этом же году они были допущены на богословский факультет Манчестерской университетской коллегии;

Бристольский университет назначил им ученые премии наравне со студентами. В 1878 году Лондонский университет допустил женщин к слушанию лекций по всем факультетам, к ученым степеням, академическим отличиям и наградам и др., - т.е. поставил женщин в совершенно равные условия с мужчинами. К 1 июля 1878 г. в Лондонском университете находилось 211 женщин, записанных в число студентов. В 1884 году в Кембриджском университете обучалось до 150 студенток.³ В Шотландии первоначально была установлена специальная ученая степень для женщин (*Lady Literate in Arts*), но в 1892 г. всем университетам предоставлено было право допускать женщин к соисканию ученых степеней по изящным искусствам и медицине и к совместному с мужчинами слушанию лекций. На основании этого закона высшие женские курсы в Глазго, основанные в 1883 г. (300 слушательниц), слились с местным университетом. В Германии и Австрии развитие женского образования имело свои особенности. В мае 1878 г. австрийский министр народного просвещения К.-Э.Штремайер на запрос Венского университета о допущении женщин к слушанию лекций заявил, что “сообразно духу существующих постановлений, женщинам дозволялось слушать университетские лекции в исключительных случаях”.⁴ В 1867 году в Берлине открылись высшие женские курсы (*Victoriaschule*), на которых преподавали профессора университетов. Но программа курсов не соответствовала программе университетского образования. По их примеру стали открываться частные высшие женские учебные заведения. Германское правительство не оказывало поддержки высшему женскому образованию, но и не препятствовало его развитию. Создание женских образовательных учреждений поддерживалось общественностью и женскими организациями: основанным в 1865 году “Союзом Женского образования” (Лейпциг), “Обществом расширения образования и круга деятельности женщин” (Берлин), “Общей ассоциацией германских женщин” (Лейпциг). Эти организации сотрудничали, издавали журналы “Зашитник женщин”, “Новые пути”. В Германии реформировалось среднее женское образование с целью поднять его до одинакового уровня с мужским и сделать профессионально ориентированным: выпускницы средних учебных заведений должны были получать какую-либо специальность обеспечивающую их существование. В конце 1860-х начале 1870-х женщины допускались в германские университеты, однако это

было непродолжительно. В 1890-х гг. отдельные университеты (или даже факультеты) разрешали женщинам слушать лекции в виде исключения. Так, в 1891 г. в Баденском университете факультеты получили право допускать к лекциям женщин, сдавших экзамен на аттестат зрелости; в 1891 г. физико-математический факультет Гейдельбергского университета, не взирая на протесты университетского совета, открыл свои аудитории для женщин; в 1893 г. Страсбургский университет “в виде опыта” организовал чтение лекций для женщин по истории европейской литературы и по психологии. Многие представители научной общественности видели перспективу женского образования на основе развития частных учебных заведений.⁵

Начало среднему женскому образованию в России было положено указом Екатерины II (5 мая 1764 года) Сенату о воспитании благородных девиц в С.-Петербурге, при Воскресенском монастыре. Так в России возник первый женский институт, закрытое заведение, известное под именем Смольного монастыря, являющийся подобием Сен-Сирского института во Франции. 13 января 1765 года последовал указ Екатерины II об учреждении мещанского отделения при «воспитательном обществе благородных девиц» на тех же основаниях. Смольный институт послужил прототипом для женских «воспитательных» заведений, получивших распространение в России благодаря покровительству императрицы Марии Федоровны. Вместе с тем, как считали современники, «институтское воспитание» не способствовало тому, чтобы помочь женщине отрешиться от “вековечного тяготеющего над нею несовершеннолетия”.⁶ В конце 40-х начале 50-х годов XIX в. количество желающих поступить в эти институты более чем в 8 раз превышало число свободных вакансий, поэтому стали возникать частные пансионы для девушек, в какой-то мере решающие проблему среднего женского образования, особенно в провинции. Под влиянием необходимости повышения образовательного уровня населения в среде научной общественности окрепла идея создания женских средних учебных заведений по образцу мужских гимназий. Энергичным выразителем ее стал Н.А. Вышнеградский, профессор педагогики в Педагогическом институте (С.-Петербург), инспектор Павловского женского института. По его проекту 19 апреля 1858 года открылось первое в Российской империи Марииинское училище для “приходящих девиц”, подчиненное ведомству Императрицы Марии (С.-Петербург). В течении трех дней приема в училище,

поступило 162 ученицы: дочерей дворян - 70%, купцов - 14%, духовенства - 8%, мещан - 7%, и крестьян - 1%. Мариинское училище быстро наполнилось до установленной нормы в 250 учениц. 23 августа 1858 года было разрешено открыть в С.-Петербурге еще три училища: Коломенское, Васильеостровское и Петербургское. Организация новых учебных заведений основывалась на утвержденных 26 февраля 1859 года "Правилах внутреннего распорядка училищ для приходящих девиц". К январю 1860 года в Российской империи было 16 женских средних учебных заведений нового типа, которые 10 ноября 1862 года были переименованы в гимназии. К 1882 году численность женских гимназий превышала число мужских (мужских гимназий было около 200; женских гимназий - 259).⁷ Качественный рост женских гимназий постепенно приводит к изменению характера иных женских общеобразовательных заведений: совершенствуются учебные планы и методика преподавания. Все более возрастает потребность в женщинах-педагогах. В утвержденном 9 января 1862 года Уставе училищ говорилось, что сверх семиклассного общего курса при училищах «могут быть устроены педагогические курсы, в которых бы девицы, окончившие общий курс и предназначавшие себя к педагогической деятельности, могли получать специальное педагогическое образование».⁸ В Мариинской гимназии в 1862 году из 75 окончивших курс, 62 ученицы заявили о желании посещать педагогические классы. Н.А.Вышнеградским был представлен проект педагогических курсов, где признавалась необходимость высшего научного и специального педагогического образования для женщин.⁹ В 1883 году при ведомстве Императрицы Марии, были учреждены «Педагогические курсы С.-Петербургских женских гимназий», предназначенные для девушек, получивших среднее образование и желающих посвятить себя педагогической деятельности. Эти курсы с трехгодичным сроком обучения давали слушательницам специальную педагогическую подготовку и представляли собой первую попытку создания высшего педагогического женского учебного заведения. Одновременно с реформами средних женских учебных заведений ширится движение общественности за допуск женщин в университеты. В 1859 году женщины появились на лекциях в С.-Петербургском, Харьковском и Киевском университетах. Это были Н.И. и В.И.Корсини, М.А.Богданова и А.П.Блюмер. В.А. Кашеварова, Н.П.Суслова и др. стали студентками медико-

хирургической академии. Министерство народного просвещения не препятствовало этому, т. к. университетский Устав 1835 года не запрещал посещение женщинами университетских лекций. В сентябре-декабре 1861 года университетские Советы обсудили вопрос о допущение женщин в университеты. Положительно высказались Советы Петербургского, Киевского, Казанского и Харьковского университетов; против Московского и Дерптского.¹⁰ Университетский Устав 1863 г. решил проблему допуска женщин в университеты отрицательно. Запрет на получение женщинами в России высшего медицинского и университетского образования привел к "бегству" женщин, стремившихся к высшему образованию, в заграничные университеты. В 1864 году Н.П.Суслова окончила Цюрихский университет, получив диплом доктора хирургии и акушерства. В 1869 году в Цюрихском университете было 10 студенток из России, в 1872 - 54, в 1873 - 104 студентки.¹¹ Высшая школа Российской империи второй половины XIX-начала XX вв. была представлена ВЖК - высшими женскими курсами, основание которых было связано с деятельностью университетской профессуры. В феврале 1872 г. профессор Московского университета В.И.Герье обратился к попечителю Московского учебного округа с докладной запиской о целесообразности открытия в Москве ВЖК. К ней было приложено «Положение о высших женских курсах» и объяснительная записка. В этих документах В.И. Герье изложил основную цель курсов: подготовка женщин к педагогической деятельности без повторения тех элементарных знаний, которые слушательницы должны были усвоить в средней школе. 6 мая 1872 г. министр народного просвещения граф Д.А.Толстой утвердил «Положение о курсах» и разрешил их открытие, хотя и наложил на «Положение» резолюцию: «Утверждаю, в виде опыта, на четыре года».¹² В 1872 году правительство дало согласие на открытие в Москве ВЖК, как частного учебного заведения. Согласно «Положению», деятельность московских ВЖК осуществлялась под наблюдением попечителя учебного округа, которому в конце учебного года представлялся отчет о ходе занятий и числе слушательниц. Цель курсов - дать возможность девушкам, окончившим средние учебные заведения, продолжить общее образование. Преподавателями должны быть преимущественно профессора университетов. Во главе курсов - педагогический совет, который руководит учебной и хозяйственной частью. На курсы допускаются, кроме

слушательниц, и вольнослушательницы. Плата за годичный курс обязательных предметов 50 рублей. Срок обучения - двухлетний.¹³ В декабре 1884 г была учреждена комиссия при министерстве народного просвещения по вопросу о преобразовании высшего женского образования. Совещание пришло к заключению, что пока не будут выработаны уставы, программы и правила высших женских курсов, дальнейший прием слушательниц на курсы должен быть прекращен.¹⁴ После закрытия ВЖК комиссия продолжила разработку проекта высшего женского учебного заведения. Большинство членов комиссии видели цель высшего женского образования в подготовке опытных учительниц и настаивали на необходимости придать высшему женскому учебному заведению характер педагогического института для подготовки учительниц для средних женских учебных заведений. Последнее мнение одержало верх и было положено в основу последующих проектов. В развитии ВЖК традиционно выделяется три основных этапа. Первый этап (1872 - 1886 годы), связан с открытием в виде опыта Московских высших женских курсов профессора В.И.Герье (1872г.), и разрешением правительства на открытие высших женских курсов в университетских городах: Казани(1876г.); Петербурге и Киеве (1878г.). В 1886 году прием на курсы был прекращен. Второй этап (1889-1905 гг.)- характеризуется возобновлением приема, но лишь на С. - Петербургские высшие женские курсы. Третий этап (1905-1917 годы) характеризуется ростом числа высших женских учебных заведений, реформированием программ преподавания и борьбой за предоставление выпускницам ВЖК прав, равных выпускникам университетов.¹⁵

Таким образом, развитие системы высшего и среднего женского образования, было взаимосвязано, постепенное насыщение подготовленными кадрами преподавателей-женщин начальных и средних учебных заведений, привело к выравниванию уровня преподавания между средними мужскими и средними женскими учебными заведениями. Эта задача решалась с помощью специальных педагогических учреждений для женщин, устраняющих недостатки среднего образования и готовящих учительниц для новой средней школы (лицеи, колледжи) и открытия сети курсов для подготовки к поступлению в университеты. Этапами развития женского образования были: подготовительные курсы, колледжи и курсы при университетах, задачей которых было

дать необходимые знания женщинам, стремившимся к высшему образованию университетского уровня; параллельная реформа среднего образования женщин, создание средних женских учебных заведений равных по программе мужским; разрешение женщинам получать образование в университетах и сдавать экзамены на ученые степени.

ПРИМЕЧАНИЯ.

- ¹ См.: Русская мысль.-1886.-№ 7.-С.81; Женское образование.-1885.-№ 1.-С.64-65; № 3.-С.172; № 4.-С.229,294.
- ² См.: Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрана.-Кн. 22.-Т.ХIа.-С.868; Женское образование.-1881.-№ 6-7.-С.414-415.
- ³ Женское образование.-1884.-№ 5.-С.358.
- ⁴ Цит.по: Песковский М. Образование женщин у нас и за границей // Русская мысль.-1886.-№ 7.-С.87.
- ⁵ См.:Дюринг Е. Высшее женское образование и университеты.-Спб.1902.-С.14 и др.
- ⁶ Песковский М. Указ.соч.-С.65.
- ⁷ Там же.-С.65-69.
- ⁸ Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России. -Том 1.-СПб.,1890.-С.173.
- ⁹ Женское образование.-1890.-№ 8.-С.214.
- ¹⁰ Деревицкий А.Н. Женское образование в России и за границей.-Одесса.,1902.-С.5.
- ¹¹ Федосова Э.П. Бестужевские курсы - первый женский университет в России.-М.,1980.-С. 43.
- ¹² Московские высшие женские курсы (1872-1918) // Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина.-М.1972.-С.14.
- ¹³ Песковский М. Л. Университетская наука для русских женщин // Русская мысль.-1886.-№ 11.-С.48.
- ¹⁴ Правительственное сообщение // Русс. мысль.-1886.-№6.-С.171. Комиссия по вопросу о ВЖО//Русское богатство.-1887.-№7.-С.104.
- ¹⁵ Иванов А.Е. Высшая школа России в конце XIX- начале XX веков.- Москва:Наука,1991.-С.102-103.

И.В. МАКСИМЕНКО

**ВЫБОРЫ Е.Н.ЩЕПКИНА В ПЕРВУЮ
ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)**

“Единство личности, открытые,
искренние выступления -
вот путь демократии XX в.”

Е.Н.Щепкин

Среди источников, имеющих важное значение для изучения жизни и деятельности человека науки, эволюции его мировоззрения, - научных трудов, заметок, учебных программ, отчётов, рецензий, лекций и т.д.; официальных и служебных документов, материалов личного происхождения,- особую ценность представляют публикации в периодической печати как самого ученого , так и сведений о нём.

Газетные фонды являются своеобразным и многоплановым источником. В них, для историка науки, особый интерес представляют не только детальное описание происходившего, но и субъективная трактовка материала авторами, их интерпретация, позволяющая проследить основные направления идейной, общественно-политической мысли, а также существующую систему ценностей и нравственных принципов изучаемой личности и эпохи.

Особое звучание такой источник приобретает на рубеже XIX-XX вв., когда изменения в экономике, социальной, полигэтнической и конфессиональной структуре российского общества, в сфере его духовной жизни, идеологии и политики явились мощными катализаторами, определившими внутреннюю логику и ведущую тенденцию процессов, происходивших в это время в либерализме. Российская интеллигентская элита острее ощущала несоответствие интересов развития страны с отжившим свой век авторитарным режимом. Либералы новой генерации, - интеллигенты-интеллигенты, открыто заговорили о необходимости модернизации России.

Среди них был Е.Н.Щепкин, экстраординарный профессор кафедры всеобщей истории историко-филологического факультета Новороссийского университета. Евгению Николаевичу была уготована непростая судьба человека, родившегося в

прославленной семье Щепкиных-Станкевичей, связанной “неразрывными духовными нитями” со всеми выдающимися деятелями культуры, научной и общественной мысли XIX века. Само окружение и атмосфера, царящая в доме, влияли на формирование натур активных, деятельных, стремившихся к преобразованиям в обществе. Все представители этой семьи были яркими, многогранными, талантливыми личностями, подчас с трагической судьбой. Не была исключением и жизнь Евгения Николаевича.

На протяжении долгого периода времени все его силы были направлены на научную и преподавательскую деятельность. И лишь к 45 годам, имея опыт работы в высших учебных заведениях и известность в научных кругах не только России, но и ряда европейских стран, Е.Н.Щепкин “выходит на арену” активной политической борьбы.

“На сером фоне одесской общественности,- писал И.А. Хмельницкий,- личность Евгения Николаевича Щепкина вырисовывалась особенно ярко и рельефно в знаменательную пору освободительного движения 1904-1905 гг.”.¹ Это был исторический момент, “когда рухнула стена вековечного молчания, и все стремились излиться в речах”; среди выступавших был и Е.Н.Щепкин - “этот профессор от науки, который нёс с собой истинное понимание истории человечества, являлся и профессором от жизни, понимая её нужды и запросы в их реальном освещении”.² Его обширная эрудиция, блестящие ораторские способности, страстный, сильный голос притягивали слушателей.

В конце 1904 г., когда будущие кадеты “справляли весну” конституционных упоманий”, в Одессе образовался своего рода политический клуб, где собирались представители всех слоёв местной интеллигенции, земские и городские деятели. Собрания происходили в доме К.М.Панкеева, известного мецената. Здесь велись беседы, произносились страстные речи и на “словесных турнирах” нередко выступал Евгений Николаевич. Эти “беседы” определили круг людей, которые стали своеобразным ядром в организации одесского отделения кадетской партии. “Именно я,- писал в 1912 г. Е.Н.Щепкин,- вместе с группой профессоров Новороссийского университета организовал одесский отдел партии народной свободы и был избран на правомочных собраниях партии и в члены, и в председатели этого комитета. Тогда, когда партия и комитет воплощали собой одесскую демократию...”³

События, происходившие в России в начале XX века не обошли стороной и г. Одессу. На страницах многих периодических изданий, как давно существующих (“Одесский листок”, “Одесские новости”, “Южная мысль”⁴ и др.), так и рождённых историческим моментом и выпустивших только несколько номеров⁵, особо ярко отражались бурные, революционные годы, когда история резко ускоряет свой ход, когда политическая обстановка, а также оценки, взгляды, позиции порою меняются в течение месяцев и даже дней.

Содержание Манифеста 17 октября стало известным населению г. Одессы “18 октября утром... и возбудило в нём радостное настроение”, - писал городской голова П.А.Крыжановский.⁶ Впервые совершенно открыто и свободно толпы народа вышли на улицы города, университетские аудитории не вмещали всех, стремившихся услышать “свободное слово”. Среди ораторов был и Е.Н.Щепкин, активно выступавший на всех студенческих собраниях и митингах. “Его резкий металлический голос пронизывал осенний воздух, - писал в своих воспоминаниях историк А.Ф.Малев,- кажется, в эти именно дни ему дали кличку российский Мирабо”.⁷

Как отмечал впоследствии на страницах газеты “Южная мысль” её сотрудник Е.Н.Щепкин: “...в 1905-1906 гг., в связи с общерусским общественным движением в Одессе была сделана попытка обновить господствующие верхние слои общества, образовать на поверхности новый пласт, демократический по составу, без различия племени и вероисповедания. Такой пласт и сложился, было, среди избирателей и выборщиков 1906 г.”⁸

Октябрьские события стали поворотным этапом в жизни Е.Н.Щепкина. Его популярность вышла за пределы университетских аудиторий, его имя не сходило со страниц газет и секретных инструкций из министерства юстиции (было возбуждено дознание, Е.Н. обвинили в активной революционной деятельности).

Е.Н.Щепкин, как один из лидеров новой конституционно-демократической партии в г. Одессе, вошёл в список лиц от Новороссийского университета, имеющих право принимать участие в выборах в Государственную думу.

По избирательному закону от 6 августа 1905 г. от г. Одессы в Государственную думу мог быть послан один человек. Этот кандидат избирался 80 выборщиками, которые, в свою очередь, должны были быть избраны жителями, имеющими избирательное право. Выборы проходили по 7 избирательным участкам, соответствующим, по своим границам, 7 полицейским участкам города.

Предвыборная компания широко освещалась во всех периодических изданиях, в колонках постоянных рубрик: "К выборам в Государственную думу", "Среди выборщиков", "Предвыборные собрания", где печатались ежедневные отчёты о предвыборных собраниях, выступлениях кандидатов, их биографии, "политические платформы", а также разъяснительные и аналитические статьи, касающиеся порядка выборов и программ политических партий и т.д.

Особый накал борьбе придавал тот факт, что от г. Одессы в Государственную думу мог быть выбран только один кандидат. "Граждане! - призывал Е.Н.Щепкин на одном из предвыборных собраний, - от имени партии народной свободы, партии конституционных демократов, призываю вас принять участие в выборах в Государственную думу. Закон дал г. Одессе только одного депутата на 500.000 населения, но за то один депутат должен в Государственной думе говорить о нуждах всего населения Одессы, он должен говорить смело, твёрдо и громко, чтобы голоса чиновников, министров и придворных не заглушили его. Граждане! Помогите нам найти того депутата, который один будет в Государственной думе настолько громко кричать о нуждах народа, о нуждах населения Одессы, чтобы его голоса доходили до всей России, до Государя".⁹

Принимая "все меры для возбуждения в широких слоях общества интереса к выборам", Е.Н. Щепкин выступал на всех собраниях, через студентов проводил агитацию среди жителей; "...летая по городу на дрожках с одного заседания на другое, он всюду поспевал, всюду умел сказать своё независимое и честное слово"-, писали корреспонденты местных газет.¹⁰ Агитируя за участие в выборах, Е.Н. предупреждал об опасности пропустить в Государственную думу "бюрократа", "дворянина"¹¹, "разорившегося помещика-игрока, "спекулянта и афериста" или просто недостойного человека.¹²

"В выборщики,- говорил Е.Н.Щепкин, выступая на собрании в театре Сибирякова 26 марта 1906 г., - нужны прежде всего борцы за народную свободу, демократы, люди, готовые идти на самопожертвование. В выборщики всё более годятся теперь люди, которых не утверждают в должностях, увольняют со службы, которым грозят всякими процессами и ябедами. Гонения и преследования со стороны реакции - верная порука за достоинство в лучшем будущем". Теперь "состязания" не за ревность, а на

злобность. “Злоба и злость - большое достоинство в выборщиках”, но не личная, а “мировая злость”, неизбежная в борьбе с господствующей бюрократией.¹³

Е.Н.Щепкина на выборах поддержало еврейское население г. Одессы, что у многих вызвало негативную реакцию. “Говорят, что мы хотим поставить евреев выше русских, - отвечал своим оппонентам Е.Н.Щепкин, выступая на очередном собрании в помещении Технического общества, - но эта злостная клевета; наоборот, мы желаем, чтобы все народы были свободны и равноправны, т.к. от неравенства происходят смуты. На это имеют право все народы, которые живут в России, ибо каждый народ вносит свою часть величия и богатства в сокровищницу государства”.¹⁴

В апреле на страницах прессы отмечали, что основным кандидатом от г. Одессы является Е.Н. Щепкин. “Вчерашнее предвыборное собрание избирателей Херсонского участка было, как и на прежних собраниях, сплошным триумфом не только для партии народной свободы, но и для лидера её одесской группы - профессора Е.Н. Щепкина. Лишь только с трибуны ораторов выражено было мнение о желательности видеть в числе членов Государственной думы представителем от Одессы профессора Е.Н. Щепкина, как бурные, долго не смолкавшие аплодисменты покрыли слова оратора. Вся огромная зала, переполненная сверху до низу, выражала одобрение оратору”.¹⁵

“Вероятным кандидатом считают профессора Е.Н. Щепкина, - утверждал корреспондент “Свободной мысли”, - общественная и политическая физиономия которого не требуют разбора. Если в Одессе партия Народной Свободы победит, то это будет исключительной заслугой профессора Е.Н. Щепкина”.¹⁶

Первая пробная баллотировка записками и шарами была устроена 11 апреля 1906 г. комитетом конституционно-демократической партии в помещении Одесских высших женских курсов. В результате голосования О.Я. Пергамент и др. кандидаты получили столь незначительное число записок¹⁷, что баллотировке шарами был подвергнут лишь Е.Н. Щепкин, получивший подавляющее большинство голосов (20 белых и 5 чёрных шаров).

На последнем заседании комитета партии Е.Н. Щепкин объявил своё политическое credo, при чём “коснулся еврейского вопроса в связи со слухами, будто ЦК конституционно-демократической партии в Москве решил отложить еврейский вопрос. Хотя слухи эти уже опровергнуты, но представитель Одессы

счёл своим долгом заявить, что он будет в Думе настаивать на неотложности вопроса о даровании евреям равноправия. Дабы исполнить свой долг по отношению к еврейским избирателям, оказавшим ему доверие”.¹⁸

Окончательная баллотировка состоялась 17 апреля, Е.Н. Щепкин был избран большинством голосов. По статьям, опубликованным в местной печати можно восстановить события этого дня. По окончанию выборов выборщики прибыли в ресторан гостиницы “Бристоль”, где и происходило чествование первого одесского депутата. Председательствовал на банкете профессор П.Я. Борисов. Е.Н. Щепкин выступил с речью, в которой благодарили своих соратников, всё городское население, городского голову, прессу, слушательниц высших женских курсов, новороссийское студенчество, окружавших его не только поддержкой, но и любовью. “При воспоминании о студенчестве, - со слов сотрудника “Одесского листка”, - Е.Н. Щепкин проронил слезу и остановился на время”.¹⁹

На банкете присутствовала группа феминисток, требующих для женщин пассивного и активного избирательного права. От имени гражданок и выборщиков Одессы, матери Е.Н. Щепкина Александре Владимировне Щепкиной-Станкевич была послана приветственная телеграмма “как матери народного избранника и борца за народную свободу, как русской женщине и гражданке, разделяющей общую радость по случаю призыва Е.Н. Щепкина к борьбе за свободу народа и права женщин”.²⁰

Приветственную телеграмму послали и ректору Московского университета, “как рассаднику русской науки и свободной мысли,.. вдохновлённым и достойным представителем благородных заветов которого является воспитаником, избранник Одесского населения Е.Н. Щепкин”.²¹

Этот день “навеки останется памятным для одесситов”; “Щепкин наш депутат”; “Одесса нашла своего печальника и защитника, она выбрала достойнейшего из достойных”, - это лишь незначительная часть тех отзывов, высказанных на страницах прессы о Е.Н. Щепкине. В последние два дня депутат Государственной думы от Одессы, сообщалось в “Одесских новостях”, - “получил много поздравительных телеграмм от разных лиц: от крестьян-избирателей, профессоров умеренных университетских сфер (гг. Зарубина, Орлова), врачей, общественных деятелей, приказчик и других лиц”²².

“Этот пламенный оратор и публицист, этот неутомимый и талантливый работник, идёт в Думу (...) он знает, что нужно для

исцеления нашей исстрадавшейся родины и он скажет своё веское слово в защиту того, что ему подскажет ум и сердце”; “характерно, что демократически настроенный город остановился на учёном,.. демократе по убеждениям и даже образу жизни, и не искал в своём ходоке обывательских достоинств, в оде прекрасного знакомства с нуждами Привозной площади”.²³

“Мы посылаем не Атланта, - писал Г. Изгоев, - который один держит на плечах всю землю, а способного и талантливого человека”.²⁴

На страницах прессы мы можем найти и критические высказывания в адрес избранного депутата. Так, Ф. Литвицкий, указывал на два “существенных дефекта” в данной кандидатуре: первый - как кабинетный учёный Е.Н. далёк был от практической жизни и второй, - он не был одесситом, а значит мало знал потребности города”.²⁵

Провожали Е.Н. Щепкина с невиданным размахом. Одесский вокзал давно не видел такой “огромной массы публики”, заполнившей не только помещение вокзала, но и близь прилегающие улицы и площадь. “Тут были представители всех классов общества, не исключая рабочих и мастеровых. Все явились, чтобы хоть своим присутствием высказать народному избраннику Одессы те чувства, которые их воодушевляли”.²⁶

В 8 часов вечера на вокзал прибыл ректор Новороссийского университета И.М. Занчевский, профессора - В.А. Косинский, П.Я. Борисов, Н.Н. Ланге, В.В. Завьялов, Н.К. Лысенков, А.К. Медведев, В.М. Петриев, С.П. Ярошенко; приват-доценты - А.Л. Тарасевич, Б.Ф. Вериго, городской голова В.Я. Протопопов, О.Я. Пергамент. Под “море оваций и шампанского”, Е.Н. Щепкин “был подхвачен провожавшими на руки, внесён на перрон и отнесён к вагону на расстоянии доброго квартала. В вагоне ему было представлено отдельное купе, которое убрано было массой цветов и букетов. Поезд тронулся под громкое “Ура!”.²⁷

“Он уезжал в Москву... “Он” - это “наш Щепкин”, которого одесситы третьего дня выбрали, которому они устроили овации, которого чествовали. Проводы сошли так удачно, как и трудно было ожидать, так много было искренности, теплоты и ничего, ничего ни случайно комического, ни пошлого, что иногда портит самое хорошее впечатление и что повсюду случается, где собирается толпа. Счастливой дороги Евгений Николаевич и радостного возвращения”.²⁸

По материалам периодических изданий можно проследить дальнейшую судьбу I Государственной думы и её депутатов. Создание Государственной думы, несмотря на ограничения избирательного права, наличие верхней палаты (Госсовета) и сохранением верховной властью за собой многих важных полномочий, всё же стало заметным шагом в модернизации политической системы Российской империи и складывании основ российского парламентаризма.²⁹ Однако, дисбаланс действий двух ветвей власти (законодательной и исполнительной), привёл к конфликтам между ними, которые для Первой Государственной думы разрешились волевым актом по её распуску.

После распуска Государственной думы, Е.Н. Щепкин был осуждён за подписание Выборгского воззвания и вернулся в Одессу “с явным признаком душевного разрыва”.³⁰ Отстранённый от преподавания в университете, потеряв интерес к политической деятельности, в течение десяти лет (до 1917 г.) он находил применение своим силам, занимаясь публицистикой, общественной работой, читал лекции на Одесских высших женских курсах.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Несколько слов о Е.Н. Щепкине //Советское строительство. - № 7/8.-С.5.
- ² С. Наш депутат //Одес. листок.-1906.-18 апр.(№ 88).
- ³ Щепкин Е.Н. І: О моём отречении от кадетов //Южная мысль.-1912.-14 июля.
- ⁴ Щепкин Е.Н. был сотрудником изданий “Одесский листок” и “Южная мысль”.
- ⁵ Журн. “За свободу” (дек. 1905 г.) /Под ред. Е.Н.Щепкина и Н.Н.Ланге [издание приостановлено до снятия военного положения в городе]; газ. “Путь” (М.) и “Двадцатый век” (СПб.) - издавались в течение 1906 г.
- ⁶ Отчёт П.А.Крыжановского населению Одессы по поводу оставления должности Одесского городского головы //Одес. листок.-1905. - окт.(№253).
- ⁷ Малеев А.Ф. Проф. Е.Н.Щепкин в революционные дни 1905 и 1919 гг./Памяти Е.Н.Щепкина (1860-1920).Сборник.-Одесса.1927.-С. 40.
- ⁸ Щепкин Е.Н. Три безсилия: Самодурство, обывательщина, верхоглядство//Южная мысль.-1912.-Сент.
- ⁹ К выборам в Государственную Думу: Выступление Е.Н.Щепкина/ /Одес. листок.-1906.-24 янв.-(№19).

¹⁰ См.: С. Наш депутат //Там же.

¹¹ К выборам в Государственную Думу //Там же.-24 янв.(№ 19).

¹² Определением Московского Дворянского депутатского собрания от 18 апреля 1877 г., Е.Щепкин был внесён во 2-ю часть дворянской родословной книги.- Центральный исторический архив г. Москвы.-Ф.418.-Оп.293.-Д.514.-Л.1.

¹³ Предвыборные собрания: Выступление Е.Н.Щепкина //Одес. листок.-1906.(№71).

¹⁴ К выборам в Государственную думу //Там же.-6 апр.(№78).

¹⁵ То же //Там же.-9 апр.(№ 81).

¹⁶ То же //Там же.-11 апр.(№ 82).

¹⁷ Пергамент О.Я. получил 3 голоса; Изгоев А.С. и Ярошенко С.П.- по 2; Панкеев К.М. и Драго Н.И.- по1; Щепкин Е.Н. получил 14 “записок”.

¹⁸ Выборы в Одессе //Двадцатый век.-1906.-16 апр.

¹⁹ Чествование Е.Н.Щепкина //Одес. листок.-1906.-18 апр.(№ 88).

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² См.: С. Наш депутат //Там же.

²³ Одесская жизнь //Одес. новости.-1906.-19 апр.(№6907).

²⁴ Памятный день //Одес. листок.-1906.-18 апр.(№88).

²⁵ Среди выборщиков //Одес. новости.-1906.-19 апр.(№6907).

²⁶ Там же.

²⁷ Отъезд Е.Н. Щепкина //Одес. листок.-1906.-19 апр.(№89).

²⁸ Онъ. Мои беседы //Там же.

²⁹ Циунчук Р.А. Государственная Дума в Российском политическом процессе: проблемы историографии //Россия в XX веке: Судьбы исторической науки.-М.:Наука,1996.-С.186.

³⁰ См.: И.Х. Несколько слов о Е.Н. Щепкине...-С.5.

В.А. МИРОШНИЧЕНКО

И.А. ЛИННИЧЕНКО О А.И. МАРКЕВИЧЕ

В современной украинской историографии одним из приоритетных направлений становится региональная историография, цель которой - изучение регионального в рамках общесторического, для получения более четкого представления прежде всего о самом историографическом процессе. В этой связи

особый интерес представляет изучение жизни и творчества ученых-историков рубежа XIX-XX вв., работавших в региональных научных центрах Украины и внесших значительный вклад в развитие исторической науки своего времени, однако потом - незаслуженно забытых¹. Одним из них является профессор Новороссийского университета А.И. Маркевич (1847-1903 гг.), чья жизнь и научная деятельность целиком принадлежат Одессе. На пути изучения его жизни уже сделаны первые шаги², которые, тем не менее, еще не могут дать цельный образ ученого. Наименее изученным вопросом является анализ взаимоотношений А.И. Маркевича с ближайшим окружением, и оценка его жизненного и научного пути людьми, наиболее близкими к нему. Среди них следует выделить фигуру профессора Новороссийского университета Ивана Андреевича Линниченко одного из известных украинских историков второй половины XIX - начала XX вв., специалиста по истории Киевской Руси, взаимоотношений Руси и Польши, истории Великого Литовского княжества, представителя киевской школы В.Б. Антоновича в Одессе³. И.А. Линниченко (1857-1926 гг.) - сын известного автора учебников по русской словесности, доцента по кафедре истории всеобщей литературы в университете Св. Владимира в Киеве А.И. Линниченко⁴, в 1875-1879 гг. учился на историко-филологическом факультете университета Св. Владимира. В 1881 г. его кандидатская диссертация "Вече в Киевской области" была опубликована в "Университетских известиях"⁵. В 1883 г. там же была напечатана его магистерская диссертация "Взаимоотношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Ч.1. Русь и Польша до конца XII века"⁶. Степень магистра русской истории он получил в С.- Петербургском университете. В 1884 г. И.А. Линниченко был избран Советом Новороссийского университета в приват-доценты по кафедре русской истории⁷. С 1888 года он работает в Московском университете. А с 1896 года возобновляет свою работу в Новороссийском университете - в качестве экстраординарного профессора⁸. В ходе революции 1917 г. и последовавшей гражданской войны И.А. Линниченко переехал в Крым, где стал профессором Таврического университета⁹. В Одессу он больше не возвращался и умер в Симферополе в 1926 году¹⁰.

С А.И. Маркевичем И.А. Линниченко познакомился примерно в 1881 году, и с тех пор тесная дружба не прекращалась вплоть до самой смерти А.И. Маркевича в 1903 году.¹¹

В нашем распоряжении имеется небольшое количество печатных произведений И.А. Линниченко, которые посвящены А.И. Маркевичу. Это три письма в одесских газетах и собственно биография, со списком трудов, - в изданиях 1904 и 1914 гг.

7 июня 1903 г. в "Одесском листке" появилось письмо И.А. Линниченко "Памяти старого друга"¹² - прощальное слово А.И. Маркевичу, насквозь пронизанное глубокими чувствами человека, понесшего невосполнимую утрату. Возможно, что именно в это время И.А.Линниченко и захватила идея увековечить память друга - написать для потомков биографию А.И. Маркевича, показать его как ученого и человека. 15 июня в газете "Одесские новости" публикуется обращение И.А.Линниченко к читателям: "Предполагая составить биографию А.И. Маркевича, прошу его друзей и учеников поделиться со мной воспоминаниями о покойном..."¹³. Проведенная на данный момент поисковая работа показала, что биография А.И. Маркевича в основном составлена на основе воспоминаний самого И.А. Линниченко и жены А.И. Маркевича - Л.С. Маркевич. В 1904 году появляется книга: "А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов"¹⁴. Позже работа была опубликована в 26 томе "Записок ООИД"¹⁵. Тексты в этих изданиях идентичны. В десятую годовщину со дня смерти А.И. Маркевича в "Одесских новостях" было опубликовано письмо И.А. Линниченко "Памяти А.И. Маркевича"¹⁶, в котором он вновь обращается к светлой памяти своего друга. Есть свидетельство, что в июне 1908 года, через пять лет после смерти А.И. Маркевича, И.А. Линниченко опубликовал в одной из одесских газет письмо - к пятой годовщине смерти ученого. К сожалению, пока нам не удалось обнаружить этой публикации.

Автор сразу предупреждает, что это не научная биография ученого: " Я предложу здесь лишь обрывки из моих многолетних, более чем дружеских воспоминаний о дорогом для меня человеке....". Главная цель И.А. Линниченко - "истолковать происхождение некоторых особенностей его характера"¹⁷. Это - воспоминания личного характера, фрагменты биографии на основе данных архива самого А.И. Маркевича и сведений, предоставленных его женой¹⁸. И тем не менее, фигура ученого, встающая со страниц "Воспоминаний..." поражает своей масштабностью. И.А. Линниченко подчеркивает феноменальную память и огромную работоспособность А.И. Маркевича, характеризует его как одаренного, многостороннего ученого, умеющего работать сразу

на несколько “фронтов”, не щадя ни сил, ни здоровья. При этом И.А. Линниченко отмечает, что в работах А.И. Маркевича, при всем богатстве их содержания, впечатляющем количестве разнообразных сведений, “было сравнительно мало отделки”. Виной всему, считает И.А. Линниченко, был тот факт, что строгой научной школы А.И. Маркевич не прошел, а его “образовательный период” не имел системы. Свою роль сыграла и “отрицательная литература 1860-х”, не давшая А.И. Маркевичу, по мысли автора, ничего положительного: “...привычка к критицизму убила в нем...способность к творчеству”. Очевидно поэтому, считает И.А. Линниченко, А.И. Маркевич, оставаясь вечным скептиком со своим вечным “но”, так и не смог создать своей собственной теории, примкнуть к определенной школе, а в самой исторической науке отвел себе роль рассказчика и библиографа¹⁹. Не высоко оценивая вклад А.И. Маркевича в науку, И.А. Линниченко отмечает его талант лектора: “К своей задаче лектора А.И. относился очень серьезно...его лекции имели большое просветительное значение”²⁰. В этом издании приведена библиография работ А.И. Маркевича, составленная на основе его собственноручного “Списка трудов”.²¹

Обращаясь к характеристике человеческих качеств А.И. Маркевича, И.А. Линниченко говорит о нем с большой теплотой, подчеркивает его неизменную готовность прийти на помощь всем нуждающимся, вне зависимости от их сословной принадлежности. Его дом постоянно был открыт для всех, и любой мог прийти к нему, попросить помочь и получить её: “...он мало вникал, да часто и не имел для этого времени - в степень нужды просящего, для него достаточно было одного - человек просит, значит он нуждается...”. Круг общения А.И. Маркевича был необычайно широким: И.А. Линниченко вспоминает, что уже с самого начала их знакомства (в 1881 г.), его поразил “...круг знакомых одесского ученого”. Очевидно, что этот круг сформировался прежде всего благодаря качествам самого А.И. Маркевича, находившего время для любого пришедшего к нему, будь то студент, курсистка, начинающий писатель и т.д.²²

Второй вариант работы И.А. Линниченко о А.И. Маркевиче был опубликован в книге И.А. Линниченко “Речи и поминки: Сборник статей по истории русской литературы и биографических воспоминаний”(Одесса, 1914.С.213-241). Этот вариант отличается от первоначального отсутствием в конце списка трудов А.И.

Маркевича, и наличием вставки - почти в 4 страницы. Эта вставка представляет для нас большую важность, ибо содержит рассказ о причинах увольнения А.И. Маркевича в 1895 году со службы. По мнению И.А. Линниченко, поводом для нее послужила всего лишь "забывчивость" профессора: "По пустому, детски невинному, поводу, он должен был прекратить свою учебную деятельность и оставить университет."²³. С этим положением трудно согласиться, ведь судя по материалам обыска, А.И. Маркевич вез целый ряд книг запрещенного характера²⁴. Стремление И.А. Линниченко "обелить" друга вполне понятно, но для нас все же важен этот факт тем, что свидетельствует либо о незнаний автором всей подноготной дела, либо о том, что он сознательно опустил некоторые моменты биографии А.И. Маркевича, понимая, что опубликовать их в 1904 г. не удастся.

Интересно отметить, что позиция И.А. Линниченко в оценке деятельности А.И. Маркевича совпадает с мнением М.С. Грушевского, ярого оппонента И.А. Линниченко в принципиальном споре по "украинскому вопросу". Выдающийся украинский ученый высоко отзывался о научном потенциале А.И. Маркевича, но, в то же время, отмечал, что А.И. Маркевич не сумел реализовать свой талант, и попросту "разбросал" его, растратил на множество "дрібниць"²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Колесник І.І. "Регіональне" як чинник формування української національної історіографії//Записки історичного факультету.- Одесса,1995.-Вип.1.-С.66-67; Попова Т.Н. Историографический процесс в региональном измерении (теоретический аспект)// Историчне краєзнавство і культура: VIII Всеукраїнська наукова конференція: (Наукові доповіді та повідомлення).Частина 1.-Харків,1997.- С.198-201.

² См.: Алексей Иванович Маркевич (1847 - 1903 гг.). Биобиографический указатель/Сост.: В.В. Самодурова, И.В. Максименко. Одесса,1997.-150с.

³ См.: Першина З.В. Історія України в працях одеських дослідників //УДЖ.-1994.-№6.-С.53-63.

⁴ Платонов С.Ф. Иван Андреевич Линниченко: Некролог//Известия АН СССР.-Сер.6.-1926.-№15-17.-С.1415-1416.

⁵ Линниченко И.А. Вече в Киевской области//Университетские известия Киевского университета им. Св.Владимира.-1881.-№2.-С.1-65.-Прибавл.32с.

- ⁶ Линниченко И.А. Взаимные отношения Руси и Польши до конца XII века//Там же.-1883.-№4.-С.185-204; №5.-С.297-308; №6.-С.340-355; №7.-С.250-295.
- ⁷ Отчет о состоянии и деятельности Имп. Новороссийского университета (ИНУ) в 1884/1885 учебном году.-Одесса,1885.-С.17.
- ⁸ Обозрение преподавания в ИНУ в 1896/1897 академическом году.- Одесса,1897.-С.17.
- ⁹ Линниченко И.А.: Некролог//Научный работник.-1926.-№5/6.- С.172.
- ¹⁰ Платонов С.Ф. Указ.соч.-С.1415.
- ¹¹ Линниченко И.А. А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов.-Одесса,1904.-С.4.
- ¹² Линниченко И.А. Памяти старого друга//Одесский листок.-1903.- 7июня.
- ¹³ Линниченко И.А. Письмо в редакцию//Одесские новости.-1903.- 15июня.
- ¹⁴ Линниченко И.А. А.И. Маркевич. Биографические воспоминания и список трудов.-Одесса,1904.-48с.
- ¹⁵ То же //Записки Одесского Общества Истории и Древностей.- 1906.-Т.26.-С.1-48.
- ¹⁶ Линниченко И.А. Памяти А.И. Маркевича//Одесские новости.- 1913.-5 июня.
- ¹⁷ Линниченко И.А. А.И. Маркевич...-С.2.
- ¹⁸ Чуковский. И.А. Линниченко “А.И. Маркевич”//Одесские новости.-1905.-11 февр.
- ¹⁹ Линниченко И.А. А.И. Маркевич...-С.10-16.
- ²⁰ Там же.-С.18.
- ²¹ См.: Государственный архив Одесской области.-Ф.150.-Оп.1.-Д.2.
- ²² Линниченко И.А. А.И. Маркевич...-С.5,8.
- ²³ Линниченко И.А. Речи и поминки...-С.237-238.
- ²⁴ Попова Т.Н. Алексей Иванович Маркевич (заметки к биоисториографическому этюду)// Алексей Иванович Маркевич (1847-1903 гг.): Биобиблиографический указатель/Сост. В.В. Самодурова, И.В. Максименко.-Одесса,1997.-С.67-68.
- ²⁵ Попова Т.Н. Алексей Иванович Маркевич...-С.69-72; Попова Т.Н. Страницы исторического образования и исторической науки в Одессе: А.И. Маркевич// Структура освіти в регіоні: проблеми оптимізації: Матеріали міжнар. наук.-практ. конф. 12-14 грудня 1996 р.-Харьків,1996.-С.194-196

**М.И. МАНДЕС: ИСТОРИК, ФИЛОЛОГ,
ИСКУССТВОВЕД
(ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО
АРХИВА ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ)**

Одесса - один из немногих городов Российской империи, которому повезло с учебными учреждениями. Здесь был Новороссийский императорский университет, Высшие женские курсы (достаточно редкое явление в царской России), множество гимназий и училищ. Повезло Одессе и с преподавателями: на историко-филологическом факультете Новороссийского университета работали такие блестящие ученые как Р.Ю. Виппер, Ф.И. Успенский, М.И. Мандес (работавший одно время и на Высших женских курсах). Мандес был специалистом в области античной истории и филологии, западноевропейской литературы XIX в., древнегреческой философии и искусствоведения.

Михаил Ильич Мандес родился в Одессе 31 января 1866 г.¹ в семье служащего. Окончил третью мужскую гимназию в 1886 г. (?)², после чего поступил в Новороссийский университет на физико-математический факультет, где проучился один год, а затем перешел на историко-филологический и окончил его в 1891 г. с дипломом первой степени. В 1893 г. выдержал испытание на магистерскую степень, а в 1898 г. защитил диссертацию на степень магистра.³ В 1894 году Мандес стал приват-доцентом по классической филологии на историко-филологическом факультете Новороссийского университета⁴ и с этого момента его судьба на долгие годы была связана с этим учебным заведением. М.И. Мандес неоднократно бывал за границей, куда отправлялся с научными целями: за период с 1895 по 1914 гг. он посетил Грецию, Италию, Англию, Германию, Францию, Голландию, Испанию. Он работал в университетах и библиотеках Геттингена, Берлина, Бонна; в музеях Дрездена, Берлина, Мюнхена, Парижа, Лондона.⁵

При знакомстве с тематикой публичных лекций, которые читал Мандес в библиотеках Одессы, Кишинева, Екатеринослава, поражает широта его научных интересов и эрудиция. Большинство из них посвящены западноевропейской литературе XVIII и XIX в.: "Поэзия Гейне", "Фауст", "Юношеские драмы Шиллера", "Теория искусства Лессинга" и другие.⁶ Мандес прекрасно знал немецкий

язык и всех перечисленных авторов читал в оригинале. Ряд его лекций был посвящен древнегреческой и средневековой литературе: “Три момента в истории классической трагедии”, “Предание о Промете в истории классической трагедии”, “Данте и Беатриче”.⁷ Помимо этого он делал доклады в Одесском Историко-Филологическом Обществе и Обществе изящных искусств.⁸

В биографии М.И.Мандеса много пробелов и один из них – это годы с 1901 по 1905. Мы знаем, что в 1901 г. приват-доцент Мандес был назначен экстраординарным профессором историко-филологического института князя Безбородко в городе Нежине по кафедре греческой словесности.⁹ В его собственноручно заполненной анкете написано, что перемена города состоялась по семейным обстоятельствам.¹⁰ Единственный известный нам факт из этого периода его жизни то, что в декабре 1901 г. Мандес защитил докторскую диссертацию.¹¹

Следующее упоминание о Мандесе в делах Новороссийского университета уже под 1906 годом, вероятно в этом году или незадолго перед этим он вернулся в Одессу. С этого периода он вновь в университете, сначала в должности приват-доцента, потом экстраординарного профессора; и проработал там вплоть до 1914 г. Одновременно М.И.Мандес начал работать на Одесских Высших женских курсах (до 1919 г.). В основном, сфера его интересов касалась античной истории и литературы, а также преподавания древнегреческого и латинского языков. Преподаваемые им предметы имели такой успех и вызывали неослабевающий интерес у слушательниц, что они выступили с инициативой организации на историко-филологическом факультете курсов кружка для изучения классических древностей, что и было разрешено (март 1917 г.).¹²

После революции и гражданской войны М.И.Мандес остался в Одессе. По его собственным записям он преподавал: “начиная с революции и гражданской войны на Гумобине, в Ино, в Инархозе, в Изо. Почти непрерывно преподавал я и в средней школе – мужских и женских гимназиях, коммерческих училищах, театральных школах, торгово-промышленной школе”¹³. С сентября 1925 г. М.И.Мандес заведует кафедрой теории искусств в Художественном институте и библиотекой.¹⁴ Мандес читал лекции по эстетике, истории и теории искусства и преподавал немецкий язык.¹⁵ В этот же период он пишет работы по искусствоведению: “Эстетические теории и творчество художника”¹⁶ (1922 г.) и “Теория искусства” (1928 г.)¹⁷. В документах Одесского

художественного института упоминания о Мандесе ограничиваются 1931 годом.¹⁸

Одновременно М.И.Мандес работал еще в нескольких одесских ВУЗах: в Институте народного хозяйства (там он преподавал немецкий язык) и в Институте гуманитарных и общественных наук с 1920 г.¹⁹ Все эти годы Мандес по-прежнему оставался в Новороссийском университете, преобразованном в ИНО. В это время среди привычных для него курсов лекций, мы встречаем новые предметы, в частности, историю местного края. Его интерес к местной истории, культуре и археологии проявлялся еще и в том, что некоторое время он преподавал в Археологическом Институте. Это малознакомая страница его биографии, так как и о самом Институте сведений почти нет. Единственno сохранившийся документ - анкета преподавателя Археологического института М.И.Мандеса за 1922 год, из которой мы узнаем, что он читал там историю Греции и спецкурс "Интерпретация Павсания".²⁰

Столь тяжелые и постоянные перегрузки не могли не сказаться на здоровье Михаила Ильича. Сначала Мандес был вынужден перейти на частичную нагрузку, а затем уйти в отпуск по болезни. Мы не знаем, что происходило в его жизни в эти годы (конец 20-х гг.), но в результате всего происходящего Мандес ушел из института народного образования, которому отдал многие годы своей жизни. В архиве сохранился протокол заседания правления института, производящий странное впечатление на читателей. Судя по протоколу, Мандес просил освободить его от чтения лекций на I-курсе исторического отделения. Вместе с решением удовлетворить просьбу преподавателя, совет постановил: "...приймаючи до уваги, що проф. Мандес своїм відсталим, не марксівським викладанням не задоволяє студентства й сучасності - звільнити з 1-го січня 1930 р. від читання його предмету зі всіх курсів, всіх факультетів. Курс Мандеса доручити т. проф. Вайнштейну".²¹ Таким образом, с 1 января 1930 г. Мандес был уволен. Запись об увольнении была последней в его трудовой книжке.²² Нам абсолютно ничего не известно о Мандесе в течение нескольких следующих лет, и последняя дата, которую мы можем зафиксировать - это дата его смерти 18 сентября 1934.²³

Что касается научных трудов М.И.Мандеса, они поражают широтой охваченных проблем и глубиной их раскрытия. В основном, его работы можно разделить на три части. К первой относятся труды по истории античной литературы. Ко второй - учебные пособия по

изучению древнегреческого и латинского языков и третьему группу составляют исторические и историко-филологические сочинения. Мы не будем останавливаться на характеристике первых двух групп, отметим только, что все его работы основаны на блестящих знаниях обоих древних языков (латыни и греческого). Труды М.И.Мандеса по истории древней Греции также интересны тем, что в них привлекаются данные греческих и римских авторов. Одним из малоизученных вопросов в истории Эллады, а точнее одной из ее областей - Лаконии, является вопрос о Мессенских войнах. Расположенное в Лаконии (Пелопоннес) государство Спарта, изначально было закрыто для посторонних и его история известна только в связи с историей других греческих полисов, в первую очередь, Афин. Ранний спартанский период относится скорее к области мифов и легенд, нежели истории. М.И.Мандес скрупулезно собрал и проанализировал практически все известия античных писателей о древней истории Спарты и о борьбе спартанцев за завоевание соседней Мессении. Автор, в основном, останавливался на военно-политической истории этого периода, не уделив должного внимания изучению социально-экономических отношений той эпохи. Говоря о причинах войны, он следует античной традиции и на самом деле вместо причин исследует поводы к этой войне. Но несмотря на все это, до сих пор в отечественной историографии его монография является единственной по истории завоевания Мессении лакедемонскими дорийцами.²⁴ Сам автор с большой любовью относился к этой работе и во всех списках научных трудов, составленных им лично, книга "Мессенские войны" всегда шла первой.

Мандес иногда печатался в "Записках Новороссийского университета историко-филологического факультета", в основном, это были статьи-комментарии к античным авторам. Большое значение имеют работы Мандеса, посвященные проблемам искусствоведения. Искусствоведческими проблемами Мандес заинтересовался благодаря своему учителю - академику Никодиму Павловичу Кондакову. Среди упоминаемых самим автором работ есть две, которые вызывают интерес тем, что несколько выделяются из общего ряда остальных его работ. Это написанная в 1912 г. статья "Огонь и душа в учении Гераклита" и "К теории познания Гераклита", опубликованная в следующем 1913 г. Найти сами работы нам пока не удалось, но привлекает само обращение Мандеса философской проблематике и, более того, к древнегреческому

материализму. Гераклит был одним из первых греческих диалектиков, а выбор им огня как первостихии или первовещества, из которого возникает все вокруг (в том числе и человеческие души), характеризует его как личность художественно-эмоциональную. Возможно именно это и привлекло в нем Мандеса.

Михаил Ильич Мандес был действительно неординарной личностью. Прекрасно образованный человек, читающий практически на всех европейских языках, знающий древние языки, преподающий столь далекие друг от друга курсы как древняя история, древняя и западноевропейская литература, эстетика и теория искусства, древние и немецкий языки, он всегда выделялся среди остальных преподавателей, где бы ему не приходилось работать. Жизнь и деятельность Михаила Ильича Мандеса - это значительно более широкое явление, нежели биография одного человека. Он был одним из последних представителей школы энциклопедически образованных преподавателей, представителем той части русской интеллигенции, которая видела свой долг в просветительской деятельности. Вместе с Мандесом умер и целый пласт городской культуры Одессы начала 20 века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.22.
- ² ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.8.-Об.-9,5.
- ³ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.2.
- ⁴ ГАОО.-Ф.45.-Оп.8 (1894).-Д.10.-Л.86-87,114-а.
- ⁵ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.2-2.-Об.-3,5.
- ⁶ ГАОО.-Ф.45.-Оп.8.-Д.17.-Л.276.
- ⁷ ГАОО.-Ф.45.-Оп.8.-Д.17.-Л.22.312,352.
- ⁸ ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.19.
- ⁹ ГАОО.-Ф.45.-Оп.8.-Д.154.-Л.154; Д.16.-Л.162.
- ¹⁰ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.8.
- ¹¹ ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.1.
- ¹² ГАОО.-Ф.334.-Оп.5.-Д.17.-Л.27-28; Оп.3.-Д.7539.-Л.76,78.
- ¹³ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.5.(Прим.: Гумобин - Одесский институт гуманитарных и общественных наук, Ино- Институт народного образования, Инархоз - Институт народного хозяйства, Изо - имеется в виду Художественный институт).
- ¹⁴ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.1,6.
- ¹⁵ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.6.
- ¹⁶ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.2.-Д.145.-Л.2.

- ¹⁷ Мандес М.И. Теория искусства. -Одесса: тип.ОХИ,1928.-116 с.
- ¹⁸ ГАОО.-Ф.Р.-499.-Оп.1.-Д.1669-а.-Л.2,4; Оп.2.-Д.145.-Л.12.
- ¹⁹ ГАОО.-Ф.Р.-129.-Оп.1.-Д.73.-Л.9; Д.73-а.-Л.8; Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.11,1.
- ²⁰ ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.8.
- ²¹ ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.15.
- ²² ГАОО.-Ф.Р.-1593.-Оп.1.-Д.210.-Л.24.
- ²³ Справка Отдела регистрации актов гражданского состояния управления юстиции в Одесской области от 07.10.97 г. № 6254/3.12.
- ²⁴ Мандес М.И. Мессенские войны и восстановление Мессении. История и традиция.-Одесса: тип. штаба Округа,1898.-252 с.

Т.Ю. ГРОЗИЦКАЯ

ВОПРОСЫ СТАБИЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИИ: АНАЛИЗ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ

На протяжении XIX-XX вв. демократия постепенно отвоевывала позиции у недемократических режимов. К концу 19-го в. такие страны как, США, Швейцария, Франция, Великобритания и английские доминионы осуществили переход к демократии. Перед 1-й Мировой войной демократические режимы утвердились в Италии и Аргентине. После 1-й Мировой войны волна демократизации прокатилась по странам, которые возникли на месте развалившихся империй Романовых, Габсбургов и Гогенцоллеров. В начале 1930-х гг. к числу демократических стран присоединились Испания и Чили. Однако в течении 1920-х - 1930-х гг. молодые демократические режимы в ряде европейских, латиноамериканских государств и Японии были вытеснены авторитарными и тоталитарными режимами. Вторая Мировая война стала толчком к новой волне демократизации, которая вновь была прервана утверждением авторитарных режимов в странах Латинской Америки, Азии и Греции. Неудачно закончились попытки демократизировать освободившиеся от колониального господства страны Африки.

Вышеперечисленные события повлияли на то, что проблемы стабилизации демократии и предотвращения ее от кризисов заняли одно из ведущих мест в западной политической науке, в частности в американской. Среди наиболее известных научных исследований

вопросов стабильности демократических режимов следует выделить книгу американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы "Гражданская культура: политические отношения и демократия в пяти нациях"¹. Авторы создавали свою работу в период, когда западная политическая наука основное внимание концентрировала на функционировании политических институтов - высших представительных и исполнительных органов власти, политических партий, заинтересованных групп, средств массовой информации. Это было время наибольшей популярности книги Й. Шумпетера "Капитализм, социализм и демократия"², в которой содержание современной демократии определялось в рамках процесса принятия решений и конкурентной борьбы политических лидеров за голоса избирателей³.

Алmond и Верба подвергли критике тех политологов, которые в качестве критерии демократии рассматривают те или иные политические институты. Основной причиной этой критики стало то, что многие из политических институтов, отождествлявшихся исключительно с демократическим строем (например, всеобщее избирательное право, политические партии, выборные законодательные органы), присутствуют и в тоталитарных режимах. "Государственные деятели, - пишут авторы "Гражданской культуры...", - стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственный институтов и на составлении конституций. Они также могут сосредоточить внимание на формировании политических партий с тем, чтобы стимулировать участие масс. Но для развития стабильного и эффективного демократического строя требуется нечто большее, чем определенные политические и управлеческие структуры. Это развитие зависит от ориентаций, имеющихся у людей в отношении политического процесса, то есть политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы на успех последней весьма слабы"⁴. Таким образом, главным фактором стабильности демократического режима в анализируемой работе выступает политическая культура, которая, в свою очередь является неотъемлемым элементом политической системы.

Каждая нация, рассуждают Алмонд и Верба, стремящаяся найти наиболее приемлемую для нее модель стабильной демократии, должна в первую очередь исходить из особенностей своей культуры и социальных институтов. Изменения, происходящие в

национальных, европейской и мировой культурах, приобретают особое значение на современном этапе мировой истории. Культура все больше политизируется. Идет процесс создания единой мировой культуры, которая в будущем будет представлять собой политическую культуру участия. "Если в мире и происходит политическая революция, то она может быть названа революцией участия"⁵. Сущность этой революции состоит в усилении роли рядового гражданина в политическом процессе.

Под политической культурой Алмонд и Верба понимают совокупность политических позиций граждан. Наилучшим вариантом политической культуры они считают гражданскую культуру. Принципы, по которым функционирует демократическое сообщество и соответствующая ему гражданская культура, - это процедуры принятия решений политическими элитами, политические нормы и политические отношения⁶.

Гражданская культура представляет собой смешанную политическую культуру. В ее рамках в политике достигается оптимальный баланс между активными и пассивными категориями граждан категориями граждан, а также между активными и пассивными качествами отдельно взятого гражданина. Посредством этого баланса разрешается противоречие между политической властью и политической ответственностью. Любое политическое сообщество нуждается в наличии политической элиты. С одной стороны, чтобы правящие элиты могли управлять, они должны наделяться властью. Приобретение власти элитами требует ограничения участия, активности и влияния обычного гражданина. С другой стороны, демократия предполагает ответственность элиты перед остальной частью общества. А для этого рядовые граждане должны быть политически информированными и вовлеченными в политический процесс⁷.

В условиях гражданской культуры неэлиты очень часто влияют на элиты, не проявляя при этом особой активности. Правительственные элиты предвидят возможные требования и действия со стороны граждан и в соответствии с этим принимают решения. "Элиты действуют ответственно не потому, что граждане активно выдвигают свои требования, а для того, чтобы удержать их от активности"⁸.

Алмонд и Верба в свою концепцию гражданской культуры включили психологическую переменную. Для сохранения стабильности демократическая система нуждается в политической

приверженности, которая должна основываться на сочетании pragматических и эмоциональных ориентаций граждан.

Исходные позиции теории Алмонда и Вербы разделяются политологом С. Липсетом. В качестве центрального фактора, оказывающего непосредственное влияние на стабильность демократического режима, он также рассматривает политическую культуру. Культура имеет глубокие исторические корни и поэтому очень трудно поддается изменениям. Намного легче изменить политические институты. “В итоге те, кто озабочен повышением возможностей для стабилизации демократического правления концентрируют свое внимание именно на них”⁹.

Липсет очень тесно увязывает возможность появления демократии и ее успешное дальнейшее функционирование с типом религии. Протестантизм, по его мнению, создает более благоприятные условия для демократии, чем другие религии. Сравнительные политологические исследования привели Липсета к выводу, что “прочные демократии непропорционально обнаруживаются среди более богатых протестантских наций”¹⁰. В качестве наиболее показательного примера политолог приводит Канаду. В католической провинции Квебек в течение продолжительного периода времени отсутствовали институты демократии, тогда как протестантская часть страны имела все демократические гарантии и стабильную многопартийную систему¹¹. Таким образом, пример Канады наглядно демонстрирует как в пределах одного и того же конституционного устройства и при одной форме правления сосуществуют две различные политические культуры и политические системы.

Липсет считает, что католики более подвержены авторитарным настроениям, чем протестанты. То же самое касается и исламских стран. Последние практически все имеют авторитарные режимы с монархической и президентской формами правления. “Было бы трудно, - пишет Липсет, - соотносить слабость демократии в этих странах с их политическими институтами”¹². Именно ислам является главным препятствием для политической демократии западного типа в мусульманских государствах.

Следующая закономерность, которую проследил Липсет. Состоит в том, что в бывших британских колониях процесс демократизации проходит гораздо успешнее. Чем в бывших колониях Франции, Бельгии, Португалии или Испании. В результате британское правление Липсет рассматривает как мощный фактор стабильности демократии.

Совсем с иных позиций к вопросу стабильности демократии подходят такие политологи, как Дж. Линз и Д. Горовитц. Они отстаивают ту точку зрения, которая выше была подвергнута критике Алмондом, Вербой и Липсетом, а именно - решающую роль в поддержании стабильности демократического режима политических институтов.

Необходимым условием стабильности демократического режима является эффективное функционирование политической системы, которое обусловлено правильно выбранной формой правления. Демократия может основываться на трех формах правления - парламентской, президентской и смешанной. Линз в своих статьях "Опасности президентализма"¹³ и "Преимущества парламентаризма"¹⁴ выдвигает тезис о том, что большинство стран со стабильными демократическими режимами имеют парламентскую форму правления. Согласно Линзу, парламент является более гибким институтом, способным адаптироваться к различным политическим ситуациям. Особенно это касается стран, имеющих глубокие политические, этнические противоречия и большое количество политических партий.¹⁵ В таких странах парламентаризм гораздо успешнее справляется с возникающими кризисными ситуациями, чем президентализм. Однако, рассуждая о парламентаризме, Линз в основном имеет в виду мажоритарную, или Вестминстерскую, модель парламентской демократии. Данная модель предполагает, что высший исполнительный орган власти - кабинет министров - формируется парламентским большинством и ответственен перед этим большинством.

Изучив политическую практику многих демократических стран, Линз пришел к выводу. Что парламентаризм производит более дееспособный и профессиональный высший исполнительный орган власти в лице кабинета министров, чем президентализм. При парламентской форме правления кабинет министров формируется парламентским большинством и ответственен перед этим большинством. Премьер-министр и часть других министров, как правило, назначаются из числа тех, кто работал в предыдущих кабинах. В условиях же президентского режима очередная смена президента ведет к замене всего высшего исполнительного органа власти. При подборе членов кабинета министров президент исходит более из своих личных симпатий и антипатий, чем из профессиональных качеств претендентов. Возможны ситуации, когда президент назначает на посты министров "людей со стороны",

то есть тех, кто не состоит с ним в одной политической партии. Это может способствовать ослаблению политических партий. Формирование кабинета министров не на партийной основе снижает степень его ответственности перед избирателями. Чрезмерная власть, которую сосредотачивает в своих руках президент, автоматически ведет к слабости высшего органа исполнительной власти.¹⁶

Парламентская форма правления производит правительства, зависимые от парламентского большинства. Такие правительства могут быть смешены в результате “вотума недоверия” со стороны парламента. Если премьер-министр находящийся в его подчинении кабинет оказались неспособными решать возложенные на них задачи или чем-то себя дискредитировали, то их могут отправить в отставку, не дожидаясь следующих выборов. Таким образом, парламентский режим предоставляет более быстрый и эффективный способ выхода из кризиса.

Линз считает, что президентская форма правления несет в себе гораздо большой потенциал конфликтности, чем парламентская. И президент, и парламент по конституции имеют один и тот же источник власти - народ. При условии, что в парламенте представлены сплоченные, хорошо организованные политические партии, предлагающие четкие политические альтернативы, парламент и президент будут оспаривать друг у друга право выступать в качестве “голоса народа”. Ситуация усугубится в том случае, если большинство депутатов парламента будет находиться в оппозиции к политике президента. Тогда противостояние между президентом и парламентом может принять драматический характер, так как конституция не обеспечивает эффективных механизмов разрешения подобного рода конфликтов.¹⁷ Президентский режим может быть стабильным в том случае, если президента поддерживает большинство избирателей и большинство депутатов парламента. Однако в этом случае придет в упадок система сдержек и противовесов - главное преимущество президентализма.¹⁸

Одним из условий стабильности демократии является ее поддержка со стороны широких слоев населения. Президентализм, по мнению Линза, представляет чрезмерную власть одной личности и основан на принципе “победитель наследует все”. Если закон о выборах не предусматривает то обстоятельство, что на выборах должно проголосовать более 50% избирателей, то тогда у претендента на президентский пост есть возможность стать президентом и сосредоточить в своих руках значительную власть,

минуя поддержку большинства населения. В этом случае президент формально будет выступать от имени народа, но фактически он не будет являться всенародно избранным президентом.¹⁹ В аналогичной ситуации депутат парламента, не получивший поддержки большинства населения во время выборов, расплачиваться тем, что делит власть с остальными депутатами парламента.

Возможны случаи, когда власть президента является слабой /например, если президент пришел к власти в результате популистской кампании/. Тогда он будет стремиться укрепить ее авторитарными методами. Переход от парламентской формы правления к президентской также сопровождается усилий авторитарных тенденций. В целом же, как утверждает Линз, президентализм очень часто ведет к злоупотреблениям и подрыву демократического режима.

Успешной функционирование президентской формы правления в Соединенных Штатах Линз рассматривает как исключение. Стабильность демократии в этой стране во многом объясняется тем, что президент, как правило, принадлежит к той партии, которая контролирует конгресс и сенат. Кроме того, демократия в США имеет глубокие исторические корни. Новые демократизирующиеся общества не имеют такого продолжительного и прочного демократического опыта и поэтому не в состоянии разрешать возникающие противоречия между различными политическими силами так же успешно. Как в США.

Многие положения концепций Линза опровергаются политологом Д. Горовитцем. Президентализм, как утверждает Горовитц, имеет большой потенциал для поддержания стабильности демократии, чем парламентаризм. Демократическим режимам с президентской формой правления удается избежать ситуации “победитель наследует все” благодаря тому, что в период выборов претендент на пост президента стремится заручиться поддержкой различных групп населения. Более того, некоторые премьер-министры в парламентских демократиях обладали гораздо большей властью. Чем американский президент /например, Маргарет Тэтчер, Индира Ганди/. При назначении глав исполнительных ведомств президент не свободен в своем выборе и вынужден учитывать предпочтения заинтересованных групп.²⁰

Распыление власти, которое имеет место в рамках парламента, по мнению Горовитца, снижает как эффективность деятельности этого органа, так и степень его ответственности. Парламентская

форма правления, как правило, сопровождается частыми сменами кабинетов министров, которых Горовитц склонен рассматривать как показатель нестабильности политической системы. Создание коалиционных правительства он характеризует как критическую ситуацию, требующую немедленного перехода к президентской форме правления. Фиксированный же период пребывания президента на посту и сведение до минимума случаев, когда он может быть смешен с занимаемой должности, обеспечивает более благоприятные условия для стабильности демократического режима.

Горовитц считает, что ситуация, когда “победитель наследует все” является следствием не президентской формы правления, а мажоритарной избирательной системы. Чтобы этого избежать, принцип мажоритаризма следует комбинировать с дополнительными правилами. Например, выборы президента можно проводить по формуле “принцип мажоритаризма + относительно равномерное распределение голосов избирателей, поддержавших данного кандидата”.²¹ На практике предложенная формула может требовать, чтобы за кандидата, баллотирующегося на президентский пост, проголосовало большинство избирателей в целом по стране плюс не менее 30% избирателей в 2/3 избирательных округах.

Основываясь на политической практике соединенных Штатов, Горовитц утверждает, что в президентских системах правительство и оппозиция чаще сотрудничают между собой, чем в парламентских. Оппозиция, которая не поддерживает действующее правительство ни по одному вопросу, будет стремиться подорвать его авторитет и доверие к нему со стороны народа. Это в свою очередь, будет дестабилизировать политическую ситуацию в стране. Противостояние между правительством и оппозицией, по мнению Горовитца, характерно для парламентских режимов.²²

Расхождения между Линзом и Горовитцем во многом объясняются тем. Что они проводили свои исследования на различном материале. Линз в качестве объекта изучения выбрал латиноамериканские страны. В Латинской Америке в ходе процесса демократизации парламентская форма правления действительно способствовала стабильности демократических режимов. Объектом же изучения Горовитца выступали африканские страны. В постколониальной Африке парламентаризм не смог обеспечить стабильность демократии и в конечном итоге привел к установлению авторитарных режимов.

Вышеизложенные подходы к проблеме стабильности демократии можно классифицировать как культурно-функциональный и институциональный. Культурно-функциональный подход, представленный концепциями Алмонда, Вербы и Липсета, предполагает некую заданность стабильной демократии. Политическую культуру. Рассматриваемую как главный фактор стабилизации демократического строя, очень трудно сформировать посредством реформ. Она формируется в ходе исторического развития. Процесс вызревания политической культуры, которая соответствует стабильной модели демократии, должен происходить в относительно бескризисной, спокойной политической обстановке. Данная культура передается посредством политической социализации, но только в тех обществах, где такая культура уже имеется. Частично политическая культура может передаваться путем обучения и повышения уровня политической информированности граждан. В западных обществах имелись необходимые условия для формирования политической культуры. Однако проблематичной является возможность создания этой культуры в новых демократизирующихся странах, в частности в Украине, и, как следствие этого, - невозможность утверждения стабильной демократии. Во-первых, это связано с отсутствием времени. На Западе период формирования демократической политической культуры охватывает десятки и даже сотни лет. Для Украины столь длительное ожидание практически неприемлемо. Во-вторых, в Украине отсутствуют условия, необходимые для развития демократической политической культуры. С одной стороны, это обусловлено тоталитарным прошлым Украины, с другой стороны, - некоторыми ее традиционными институтами, имеющими глубокие исторические корни /например, доминирующая роль православия, а не протестантизм/. В-третьих, глубокий экономический и политический кризисы, сопровождавшие переход Украины к демократии, также не благоприятствуют формированию политической культуры стабильной демократии. Тем не менее, не стоит делать пессимистических выводов насчет будущего демократии в Украине. На наш взгляд, наиболее эффективным способом создания политической культуры стабильно демократии в демократизирующихся странах являются тесные контакты последних со странами, в которых эта культура уже утвердилась.

Концепция гражданской культуры, разработанная Алмондом и Вербой, была призвана занять место рационально-активистской

модели, которая более не отражала адекватно существующую действительность. Согласно этой модели, граждане демократических стран являются хорошо информированными, активными в политике, а при принятии электоральных решений они действуют, исходя из рационального расчета. Как показывает практика развитых демократических стран, часть их населения не проявляет интереса к политике, что противоречит рационально-активистской модели. В гражданской культуре граждане подразделяются на активных и пассивных. Если бы все граждане в одинаковой степени проявляли интерес к политике, то это осложнило бы процесс создания политической элиты, без наличия которой невозможно управление страной. Благодаря же тому, что одни граждане добровольно уступают политическое лидерство другим, формирование управленческой элиты проходит относительно безболезненно. Кроме того, идея максимального участия всех граждан в политической жизни государства более привязана к тоталитаризму, чем демократии. В тоталитарных режимах иллюзия массового участия в политике достигается посредством принудительных мер, тогда как для демократических режимов массовое участие не характерно.

В Украине в ходе процесса демократизации постепенно вырисовываются группы активных и пассивных граждан. К активной группе можно отнести работников управленческого аппарата, депутатов парламента, членов политических партий и общественных организаций. Однако баланс между активной и пассивной группами отсутствует, так как последняя значительно превосходит первую. В демократических режимах, основанных на гражданской культуре, пассивные граждане не участвуют активно в политике не потому, что не верят в свою способность реально повлиять на процесс принятия государственных решений, а из-за нежелания в ней участвовать. Алmond и Верба приводят следующие данные: "Существует разрыв между реальным политическим поведением опрошенных, с одной стороны, и их восприятием своей способности действовать, - с другой. Респонденты из Великобритании и США продемонстрировали высокую вероятность того, что мы называем субъектной политической компетентностью. Немалая часть опрошенных считает себя способной влиять на решения местных властей, и весомая часть аналогичным образом оценивает свои возможности по отношению к центральному правительству. Тем не менее эта высокая оценка собственной компетентности как гражданина, способного оказывать влияние, абсолютно не

подкреплена активным политическим поведением".²³ В Украине же главной причиной пассивности граждан является их неверие в возможность повлиять на процесс принятия государственных решений. Во многом это связано с неразвитостью органов местного самоуправления, низкой ролью общественных организаций в политическом процессе, отсутствием влиятельных лоббистских групп.

Согласно концепции гражданской культуры, политический процесс состоит из периодических циклов. Время от времени на повестку дня всплывает тот или иной вопрос, требующий решения. Те категории граждан, чьи интересы данный вопрос затрагивает, начинают проявлять активность. По мере того, как правительство решает вопрос, политика утрачивает свое значение для граждан, и политическая жизнь возвращается в прежнее русло. "Эти циклы, состоящие из включения граждан, ответа элит и отхода граждан от политики, имеют тенденцию усиливать сбалансированность противоположностей, необходимую для демократии. В пределах каждого цикла ощущение гражданином собственной влиятельности усиливается; одновременно система демонстрирует свою эффективность".²⁴ В украинском политическом процессе подобные циклы не прослеживаются. Это объясняется тем, что украинское правительство не способно удовлетворить многие требования, выдвигаемые гражданами. Практически абсолютно не используется тактика "ожидаемых реакций" - предвидение требований граждан и их предупреждение. В целом следует констатировать, что в Украине на современном этапе политического развития отсутствуют элементы гражданской культуры. Гражданская культура предполагает приверженность граждан существующему строю. Для того, чтобы такая приверженность имела место, необходимо наличие политической системы, которая бы обеспечивала эффективное удовлетворение требований граждан. Достичь этого можно путем реформирования политических институтов. В итоге мы пришли к тому выводу, который был подвергнут критике представителями культурно-функционального подхода: демократизирующиеся государства должны в первую очередь реформировать свои политические институты.

Ряд практических рекомендаций для Украины вытекает из концепции Линза. В условиях той многопартийности, которая сложилась в Украине /большое количество политических партий, которые не имеют прочных позиций в обществе/, парламентаризм является более приемлемой формой правления, чем президентализм.

Таким образом, можно сделать вывод, что концепции стабильно демократии, концентрирующие свое внимание на политической культуре, не могут служить инструментом преобразования политической действительности. Политическая культура развивается параллельно с трансформацией политических институтов. Она может способствовать поддержанию стабильности демократии в развитых демократических обществах. Демократическая политическая культура - это продукт длительного развития. Более приемлемы для практического применения институциональные концепции стабильной демократии. Из рассмотренных выше концепций наибольший интерес для Украины представляет концепция Линза. Преобладание парламента в системе органов власти, формирование парламентом коалиционных кабинетов на партийной основе, выборы президента от влиятельной политической партии, которая имеет сильную фракцию в парламенте - все это способствовало бы консолидации политических сил в Украине и стабилизации политической ситуации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Almond G., Verba S. *The Civic culture: political attitudes and democracy in five nations*.-Boston,1965.
- ² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия.-М..1995.
- ³ Там же.-С.355.
- ⁴ Almond G., Verba S. Op. cit.-P.365-366.
- ⁵ Ibid.-P.2.
- ⁶ Ibid.-P.3.
- ⁷ Ibid.-P.341-343.
- ⁸ Ibid.-P.353.
- ⁹ Lipset S. *The centrality of political culture// The global resurgence of democracy* / Edited by L. Diamond and M. Plattner.-Baltimore,1993.-P.137.
- ¹⁰ Ibid.-P.136
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibid.-P.137
- ¹³ Linz J. *The perils of presidentialism// The global resurgence of democracy*.
- ¹⁴ Linz J. *The virtues of parliamentarian // The global resurgence of democracy*.
- ¹⁵ Linz J. *The perils of presidentialism*.-P.109
- ¹⁶ Linz J. *The virtues of parliamentariam*.-P.143

¹⁷ Linz J. The perils of presidentialism.-P.110

¹⁸ Linz J. The virtues of parliamentarianism.-P.144.

¹⁹ Linz J. The perils of presidentialism. P. 110.

²⁰ Horowitz D. Comparing democratic systems // The global resurgence of democracy. P. 132

²¹ Ibid. P. 130.

²² Ibid. P. 129.

²³ Almond G., Verba S. Op. cit. P. 344-345

²⁴ Ibid. P. 350.

²⁵ Голос Украины. 22 ноября. 1997.

²⁶ Конституция Украины. Ст. 114.

²⁷ Там же. Ст. 114.

²⁸ Там же. Ст. 106, п. 9.

А.А. НЕПОМНЯЩИЙ

ИСТОРИЧЕСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ КРЫМА НА СТРАНИЦАХ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Местная периодическая печать является важным источником изучения края - своеобразной летописью общества. Ее возникновение было связано с местными культурными и экономическими потребностями. Лучшие органы провинциальной печати видели свою задачу не только в том, чтобы доносить до читателя информацию из центра, но и в изучении местной экономики, истории и культуры. Газеты и журналы сохранили множество фактических данных по истории края, которые нигде более не зафиксированы. Региональные издания являются историографическим источником, т.к. в них опубликовано большое количество исторических статей, документов по краеведению, данных о деятельности местных научных обществ и отдельных краеведов. Вот почему местная периодика представляет собой источник знаний по истории края и одновременно памятник истории и культуры¹.

Изучение исторического краеведения Крыма XIX - начала XX века предполагает всестороннее исследование широкого круга разнообразных источников. Невозможно получить достаточно полное представление о его развитии без обращения к местной периодической печати. Не случайно вопросы истории крымской периодической печати и освещения в ней сюжетов, связанных с историческим краеведением все более вызывают интерес у исследователей².

Зарождение газетной периодики в Крыму связано с губернскими ведомостями. Издававшиеся с 1838 года "Таврические губернские ведомости" были первым периодическим изданием в Крыму. Газета состояла из двух частей: "Официальной", где помещалась перепечатанная из центральных газет оперативная информация, и "Неофициальной", которая, как правило, включала три отдела: местные известия, объявления и материалы по истории, этнографии, статистике края. На формирование последней в "Таврических губернских ведомостях" оказывало влияние колоритное

историческое прошлое края, ставшего еще с глубокой древности своеобразным перекрестком истории различных народов и культур, а также этно-социальные процессы, происходившие здесь в XIX веке. Губернские ведомости на протяжении почти 40 лет были единственным печатным органом в провинции. Не смотря на свой официальный характер, газета явилась своеобразной хроникой местной жизни. До основания в январе 1887 г. Таврической ученой архивной комиссии и начала выпуска сборников ее "Известий ..." крымские краеведы могли публиковать свои историко-этнографические материалы в основном на страницах периодической печати.

В неофициальной части газеты, объединившей вокруг себя лучшие местные краеведческие силы, нашло отражение большое количество материалов, связанных с изучением местного края. Наличие их определяет значение ведомостей как исторического источника³.

Довольно часто в газете помещались публикации документальных материалов. Редакция, вероятно, учитывала, что документы для массового читателя представляют интерес как живые свидетели прошлого, сохраняющего колорит своего времени. К тому же они не занимали много места на газетной полосе. А иногда просто не находилось специалистов которые на высоком профессиональном уровне могли бы выявить и осмыслить совокупность источников и представить в газете синтетическую научную статью. Так, в 1866-1870 г. в отдельных номерах ведомостей печатаются "Материалы для истории Тавриды". Составители подборки особое внимание уделили документам, связанным с поездкой в Крым императрицы Екатерины II в 1787 году. Были опубликованы относящиеся к этому событию распоряжения Правителя области Коховского о подготовке дворцов, "встрече и оказании гостеприимства".⁴ Публиковались также и другие материалы связанные с первыми изменениями, принесенными в Крым после присоединения его к России. В частности, в 1864-1885 гг. в рубрике "Летопись Крыма" был помещен "Хронологический сборник распоряжений правительства, касающихся Крыма и вообще Таврической губернии", отражавший многогранные преобразования на полуострове.

После учреждения в Крыму Таврической ученой архивной комиссии "Таврические губернские ведомости" печатают протоколы ее заседаний, которые, как правило, включали в себя научные сообщения местных краеведов. Так, например, на протяжении 13

номеров в марте - мае 1888 г. печатался Протокол заседания Таврической Ученой Архивной комиссии от 26 ноября 1887 года. При этом были помещены и все выслушанные там сообщения на историческую тему. Преподаватель истории Симферопольской мужской гимназии Ф.Ф. Лашков поместил в газете несколько документальных материалов, выявленных в Симферопольских архивах, со своими сопроводительными комментариями. Так, он опубликовал "Историческую записку о построении в Херсонесе храма Св. Равноапостольного князя Владимира"⁵. Публикация документов и информации о научных сообщениях в ученой архивной комиссии играла немаловажную роль в деле развития исторического краеведения в регионе в целом. Сохранившиеся в старых газетах документальные источники могут служить хорошим подспорьем для современного исследователя.

На страницах "Таврических губернских ведомостей" публиковались также разнообразные исследования по истории края. Как в свое время верно подметил Н.Ф. Сумцов, наплыv исторического и этнографического материала в периодические издания происходил по мере того, как появлялись страстные любители археологии и этнографии⁶.

Такие увлеченные краеведы в разное время с энтузиазмом работали и в Крыму. В частности, в конце 50-60-х гг. XIX в. значительную роль в краеведческом движении в Тавриде играли Ф.М. Домбровский и А. Накропин, деятельность которых отразилась и на страницах губернской газеты. В последующее время здесь сотрудничали А.И. Маркевич, А.Г. Завадовский, Ф.Ф. Лашков и другие.

Франц Мартынович Домбровский, работавший редактором "Неофициальной части" газеты во 2-ой половине 50-х - до середины 60-х гг. XIX в. во многом способствовал становлению в ней краеведческих традиций. Являясь любителем крымской старины и этнографии, он сам опубликовал ряд интересных статей.⁷

Среди публикаций газеты по исторической тематике выделяется несколько направлений. Это статьи биографического жанра, изложение истории отдельных городов Тавриды, освещение истории Крыма с 1783 года, научно-популярные очерки по отдельным периодам прошлого края, церковная история.

Значительный интерес для нынешних исследователей представляют опубликованные в газете некрологи А.Я. Фабра, Х.Х. Стевена, А.С. Таранова-Белозерова, П.И. Кеппена⁸. Значение этих

заметок определяется тем, что они были написаны современниками, которые по-своему видели роль своих соратников в истории Тавриды. Здесь можно обнаружить яркие и глубокие характеристики, объективные оценки практической деятельности. Конечно, необходимо учитывать и понятный налет идеализации, свойственный публикациям такого рода.

Помещаемые в газете, в основном также без подписей, статьи по истории отдельных городов Крыма преследовали просветительские цели. Они должны познакомить читателя с прошлым края, где русское население стало доминировать лишь с недавнего времени. Авторы достоверных с фактологической стороны очерков об Евпатории, Симферополе, Феодосии⁹, описывая историю городов, останавливаясь на наиболее ярких моментах их исторического прошлого. Написанные с целью дать читателям общее представление о месте, где протекает их жизнь, они, хотя и не отличались высоким научным уровнем, между тем, стали основой для более тщательных изысканий в последующие годы.

Особое внимание газета уделяла освещению истории Крыма после присоединения его к России. Являясь проводником правительственной политики и идеологии, губернские ведомости постоянно находились в поле зрения Министерства внутренних дел, III отделения имперской канцелярии, Главного управления цензуры Министерства народного просвещения и губернаторов¹⁰. Естественным было желание этих структур представить присоединение Крыма к России и его последующую историю как явление прогрессивного характера. Вот почему "Таврические губернские ведомости" немало места уделили не только публикациям документов, но и заметкам историко-статистического характера, освещавшим данный промежуток времени. Среди них следует выделить публикации А.Г. Завадовского, который в ряде номеров газеты в ноябре-декабре 1884 г. поместил "Материалы о гражданском благоустройстве в Крыму". В них на основе документальной базы прослеживается формирование законодательства в Таврической губернии, в первую очередь по вопросу о землепользовании. Автор также показывает, как и из кого формировались различные прослойки местного населения, сложившиеся к концу XIX века.

Интересный материал, написанный живым образным языком о заселении Крыма русскими колонистами, помещает А.Г. Завадовский в статье "К истории о заселении Таврической губернии"¹¹.

Вместе с основанными на документах публикациями в "Таврических губернских ведомостях" то и дело мелькали заметки популяризаторского характера, затрагивающие все периоды истории края. Особо здесь необходимо отметить многочисленные сообщения любителя крымской старины священника А. Накропина. Так, в статьях "Эллины - древние обитатели Таврического полуострова", "Скифские могилы"¹². А. Накропин не только излагает исторические факты, но и старается показать причинную обусловленность исторического процесса, рассказывает о производимых раскопках и находках. Вместе с этим краевед уделяет основное внимание церковной истории края, ставшего местом принятия христианства, говорит о жизни христиан в Крымском ханстве. Этим вопросам посвящены и его статьи "Скала бакчисарайского Успенского скита", "Воспоминание о древних событиях Таврического полуострова"¹³. Несмотря на то, что заметки А. Накропина пестрят фактическим вымыслом, легенды в них выступают как исторический источник, эти публикации нельзя вычеркнуть из истории местного краеведения.

Губернская газета была изданием более распространенным и познакомиться с небезинтересным материалом мог более широкий круг читателей. Это служило стимулом для появления на ее страницах и других очерков по историко-религиозной тематике, касающихся Крыма. Так, архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий поместил статью о принятии христианства князем Владимиром¹⁴, публиковались и другие материалы.

В 80-х гг. в губернских ведомостях активно сотрудничали историки-краеведы Крыма Ф.Ф. Лашков и А.И. Маркевич. В газете были опубликованы тезисы сообщения Ф.Ф. Лашкова на VI Археологическом съезде в Одессе о крымско-татарском землевладении. Кроме этого Ф.Ф. Лашков помещает "Исторический очерк покорения Крыма", представляющий собой научное исследование многовековой борьбы русского государства с Крымским ханством. Детально описывает автор процесс присоединения Крыма к России¹⁵. Написанная на базе "Сборников русского исторического общества", работ С.М. Соловьева и Ф. Хартахая эта малоизвестная статья Ф.Ф. Лашкова представляет несомненный интерес.

Объемное литературоведческое исследование опубликовал в "Таврических губернских ведомостях" А.И. Маркевич¹⁶. Он собрал все данные о пребывании А.С. Пушкина в Крыму, поместил многочисленные отрывки из его сочинений о прекрасной Тавриде.

Особо необходимо отметить публикацию на страницах губернских ведомостей Отчетов об экскурсиях Симферопольской мужской гимназии. Эти описания поездок в Севастополь и Бахчисарай включали в себя сообщения преподавателей гимназии по истории, географии, этнографии. Они имели большое значение не только в деле развития краеведения, но и систематизации исторических и этнографических данных, в чем их заслуга особенно велика. Эти же материалы легли в основу изданных в последующем отдельных книг.

Учитывая интерес читателей, редакция газеты всегда стремилась помещать статьи по этнографии. Ведь во 2-й половине XIX века в Крыму, как и ранее, проживали различные народности. Вместе с многочисленными группами украинцев, русских и татар здесь встречались поселения армян, немцев, греков, караимов, поляков, евреев, цыган и других народов. Наличие разнообразных элементов культур у различных народов пробуждало интерес к их жизни многих исследователей.

Интересные материалы, связанные с организацией труда и праздников у крымскотатарских ремесленников, методах лечения у татар, а также их религиозных верований поместил Ф.М. Домбровский¹⁷. Написанные в научно-популярном стиле статьи свидетельствуют о знании автором различных тонкостей традиций крымских татар, составляющих особенности их культуры. Обычаям татар уделяли внимание и другие авторы. Так, в многоплановой статье “Крымско-татарские обычаи” автор, скрывшийся по псевдонимом “Ук.Б” говорит об отношении этого народа к нищим и больным, описывает наиболее важные крымско-татарские праздники¹⁸. Аналогичные по содержанию статьи помещались довольно часто. Как правило, их авторами были люди хорошо знакомые с особенностями и тонкостями быта крымских татар. Они, наверняка, сами неоднократно принимали участие в описываемых ими ритуалах.

В ряде статей затрагивались и вопросы социально-экономической жизни крымскотатарского населения. Связано это было с развернувшимся очередным этапом эмиграции крымских татар в Турцию. В статье “Несколько слов о повинностях татар, живших на владельческих землях в Крыму” неизвестный автор говорит об угнетении которому подвергались татары, вынужденные жить на помещичьих землях до эмиграции. Поместив свой материал под эпиграфом “На безлюдьи и Фома человек”, автор указывает на

то, что только после выезда большей части татар отношение в них улучшилось, возросли заработки. В статье осуждаются условия, приведшие к эмиграции, которая, как сейчас уже ясно, действительно была специфической формой социального протesta.

Материал, связанный с этнической историей крымских армян и греков, был помещен в заметке "О выселении армян и греков в июне 1778 года из горной и южной частей Крыма"¹⁹. Неизвестный автор указывает причину выезда: Петербург, желая подчинить себе Шагин-гирия, старался поставить его в финансовую зависимость от русского двора. А для этого Румянцев и решил подавить в Крыму те отрасли хозяйства, которые давали постоянный доход: кустарное производство, садоводство и земледелие, находившиеся в руках христиан - греков и армян. Эта оригинальная версия противостояла господствовавшей во 2-й пол. XIX века точке зрения на выезд греков и армян как результат преследования христиан магометанами. До сих пор в историографии вопрос о причинах этого явления окончательно еще не решен. Написанную чрезвычайно выразительно статью о свадебных обычаях караимов опубликовал на страницах ведомостей известный исследователь караимов, раввин Соломон Бейм²⁰.

Таким образом, "Таврические губернские ведомости" сыграли заметную роль в деле публикации краеведческого материала историко-этнографического характера. Краеведческие материалы губернских ведомостей могут показаться довольно скучными и случайными, если судить о них по отдельным номерам или даже годовым комплектам газет, но выбранные и объединенные они свидетельствуют о весомом вкладе газеты в изучение края. Это, несомненно, способствовало общему развитию краеведения в Крыму в ту пору, просвещению широких слоев населения. Как закономерно повторяющееся явление можно отметить периоды оживления "Таврических губернских ведомостей", совпадающие с увеличением в них количества статей по краеведению или, наоборот упадке, отличающегося скучным освещением местной жизни и большим числом безличных перепечаток общего плана. Особое значение, как нам кажется, здесь имела личность редактора. При различных редакторах "Неофициальной части" газета несла на себе отпечаток начертанных ими программ. Так, в 60-е гг. много для публикации на ее страницах действительно интересных и полезных материалов сделали Ф.М. Домбровский и К.В. Ханацкий - секретари Таврического статистического комитета. При них на страницах

газеты наблюдается с одной стороны непреходящий интерес к старине, поиск и публикация материалов по статистическому описанию Таврической губернии, обилие этнографического материала, с другой стороны, активное изучение состояния современной жизни. И это при условии, что у газеты не хватало сотрудников. Это был период, когда частные издания в Крыму еще не развернули свою деятельность и “Таврические губернские ведомости” были, по существу, единственным наиболее доступным для всей области изданием. К сожалению, с их уходом в газете верх взял меркантильный интерес. В 1870-е начале 80-х гг. в ней публиковались, в основном, реклама, хозяйствственные и промышленные известия и объявления. Однако, подъем историко-краеведческого движения в Крыму в 80-е гг. сказался и на содержании главной газеты края. С 1 августа 1884 года редакция заявила о значительном расширении программы “Неофициальной части”, где появился особый “исторический отдел”. Увеличение ее объема и количества краеведческих статей свидетельствовало о росте значения “Неофициальной части”. В начале XX века вновь наступил спад, газета превратилась в бюллетень официальных сообщений и рекламы.

Рост культурных запросов городского населения, оживление общественно-политической жизни в период буржуазного развития страны создавали благоприятные условия для выпуска городских периодических изданий. В Канцелярию Таврического губернатора ежегодно с нач. 70-х гг. и вплоть до 1917 г. поступали десятки прошений об открытии журналов и газет в различных городах Крыма. Только в Симферополе в разные годы за период с 1870-х по 1917 гг. издавалось 36 газет. Конечно, не все городские издания имели специальные историко-этнографические разделы, но многие уделяли краеведческой тематике серьезное внимание. Среди такого рода изданий выделялись газеты “Крым”, “Таврида”, “Тавричанин”, “Салгир”, “Крымский вестник”, “Евпаторийский вестник”, “Крымский листок”, “Севастопольский справочный листок”, “Переводчик-Терджиман”, “Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства”, “Керчь-Феодосийский курьер”, “Русская Ривера”, “Волнорез” и журналы “Радуга”, “Наша Таврида”, “Таврический народный учитель” и др.²¹ Редакторами большинства из этих изданий были прогрессивные люди своего времени, в том числе и видные краеведы Крыма Ф.Н. Андреевский, И.М. Гаспринский, И.И. Казас, М.Б. Карский, Д.В. Коломийцев,

Н. Михно, О.А. Протопопова, В.Г. Пьянков, С.А. Усов, В.В. Шарков и другие.

Среди периодических изданий своими историко-краеведческими публикациями выделялась севастопольская газета “Крымский вестник” (редактор С.М. Спиро). На ее страницах можно встретить многочисленные материалы по истории, археологии, этнографии Крыма. Здесь же помещались документы, связанные с Крымской войной, присоединением Крыма к России, его социально-экономическим развитием в первые десятилетие после вхождения в состав России. Значение этой газеты как просветительского органа в день празднования ее 25-летнего юбилея отметил председатель Таврической ученой архивной комиссии А.И. Маркевич, который охарактеризовал “Крымский вестник” как “интересный местный орган”, своеобразный центр, в котором сотрудничали многие краеведы Крыма²². Особо интересные краеведческие материалы публиковались также в газете “Таврида”, которую редактировал известный краевед и общественный деятель И.И. Казас²³.

Страницы газет и журналов изобилуют историко-краеведческими материалами. Их изучение позволяет выявить и новые имена краеведов. Ведь далеко не все из них имели возможность издавать собственные книги, и газетные публикации являлись для них единственным доступным способом обнародовать свои исследования.

На страницах газет нашли отражение многие периоды истории Крыма. Начальным ее этапам посвящены статьи в “Крымском листке” А. Накропина. В очерке “Херсонес”²⁴ он стремился осветить историю античной цивилизации в Крыму. Принятию христианства и его исторической роли посвящены публикации в “Севастопольском справочном листке” и “Крымском вестнике” В. Ястребова и В.В. Шаркова²⁵. К сожалению, эти популярные очерки не лишены ряда необоснованных суждений. Историю пещерных городов освещал в своих статьях А. Накропин, использовав отечественную и зарубежную литературу, также местные источники²⁶.

Немало внимания в прессе уделялось и истории Крымского ханства, особенно последнему этапу его существования. В довольно общирных публикациях Н. Ширяева, М.Б. Карского, А.Г. Завадовского, В.В. Шаркова и др., помещались в “Севастопольском справочном листке”, “Салгире” краеведы показали попытки хана Шагин-Гирея реформировать феодальный Крым по европейскому образцу, осветили русско-крымско-турецкие отношения в этот

период²⁷. К сожалению, наравне с исторически достоверным изложением событий здесь иногда встречаются ошибочные оценки прошлого.

В городской печати довольно широко освещалась история полуострова конца XVIII - I половины XIX века. Пожалуй, наиболее фундаментальные статьи на эту тему были опубликованы А.Г. Завадовским и В.В. Шарковым в "Севастопольском справочном листке" и "Крымском вестнике". В "Заметке о Крыме" на основе большого количества документов, обильно цитируемых автором, Завадовский А.Г. осветил аграрные отношения в Крыму, миграцию населения, организацию новых государственных учреждений на местах, развитие народного образования. Эта публикация отличается высоким научным уровнем и может представлять известный интерес и для современных исследователей. В.В. Шарков в "Историческом очерке" детально осветил ход событий в Крыму в 70-х - 90 х гг. XVIII в. и привел "Хронологический список событий с древнейших времен до 1865 г."²⁸ На страницах газет много внимания уделялось освещению демографических процессов, особенно заселению Крыма. В частности, в нескольких номерах "Крымского вестника" за 1890 г. были опубликованы содержательные материалы о заселении Крыма, которые могут быть использованы в качестве ценного источника при изучении этого исторического сюжета²⁹.

Газеты Тавриды, в особенности севастопольские, много внимания уделяли освещению истории Крымской войны и героической обороны Севастополя. Публикации по этой тематике можно разделить на несколько групп: описания военных действий; статьи-персоналии, посвященные героям обороны; воспоминания участников событий; сообщения о юбилеях обороны и увековечении памяти ее героев. Так, военные историки М. Парфенов, П.И. Беловенец и др. на страницах "Крымского вестника" поместили публикации о начальном этапе войны, высадке неприятельских войск, Альминском сражении³⁰. Написанные на основе документальных источников, они содержат достоверное описание событий. Памяти руководителей и рядовых обороны были посвящены содержательные очерки П.И. Белавенца в газетах "Крым", "Крымский вестник" и др. изданиях. В них не только приводятся биографические данные и даются психологические характеристики, но и подробно излагаются эпизоды сражений.

Значительная группа публикаций была посвящена воспоминаниям о Крымской войне, оставленным ее участниками:

солдатами, сестрами милосердия, жителями Севастополя. В газетах “Салгир”, “Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства”, “Крымский вестник”, “Крымский листок”, в журнале “Проектор” Г.Д. Щербачев, Н. Диаманди, А.Георгиева, Д.М. Михно, М.И. Скаловский публиковали свои воспоминания³¹. Эти мемуары дают возможность лучше представить ход событий, они акцентируют внимание на деталях, содержат личностные оценки, обогащают представление о прошлом живыми зарисовками очевидцев.

В статьях, посвященных очередным юбилеям обороны Севастополя, большинство из которых было напечатано в газете “Крым”, не только говорилось о перепетиях военных лет, но и подробно описывались празднования в различных городах, давались справки об открытии монументов, рассказывалось о деятельности Комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны³².

На страницах газет “Крым”, “Салгир”, “Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства” и др. часто помещались очерки, посвященные описанию древних памятников, проблемам их охраны и восстановления. Много внимания уделялось и открытию новых монументов, связанных, как правило, с Крымской войной³³. Эти публикации нередко являются единственными историческими свидетельствами об истории создания некоторых памятников.

Ряд публикаций в местных периодических изданиях были посвящены истории городов Крыма. В “Полицейском листке Керчь-Еникальского градоначальства” местные краеведы периодически печатали очерки по истории города. Все их авторы скрыты под псевдонимами. Так, в 1874 г. в нескольких номерах газеты помещены краткие достоверные сведения о жизни города до 1774 г. и его дальнейшем развитии после присоединения Крыма к России. При этом в научный оборот были введены новые источники. Преподаватель Керченской гимназии Х.Х. Зенкевич опубликовал в августе 1898 г. в “Русском сезонном листке” очерк о древней истории города на основе описания археологических памятников различных эпох³⁴. Наряду с добрыми публикациями, к сожалению, помещались и статьи, в которых содержалось немало ошибок и даже вымыслов³⁵. В местных газетах в разные годы, как правило, анонимными авторами были опубликованы краткие очерки по истории Ялты, Симферополя, Феодосии, Евпатории³⁶.

Многие из них содержат фактические ошибки, схематичны, зачастую не лишены идеологических штампов своего времени.

Особую ценность представляют опубликованные в ряде газет документальные материалы о прошлом Крыма. В газете “Крымский вестник” имелся раздел “Крымская старина”, где постоянно помещались документы, освещавшие состояние края в различные периоды с 1783 г. В частности в шести номерах газет за 1889 г. и в 3-х номерах за 1890 г. публиковалась подборка документов, составленная членом Таврической ученой архивной комиссии А.К. Романюком при разборе архивов Таврического губернского и уездных архивов³⁷. Подобные рубрики существовали и в других городах. Так, в “Крымском листке” этот отдел назывался “Исторические материалы”. В газете “Салгир” наиболее интересные по мнению редакции источники печатались под заголовком “Из прошлого”. Автором подборок архивных документов здесь был известный историк Крыма М.Б. Карский. В 1900 г. он поместил документы о ходатайстве крымских татар о получении дворянских званий после присоединения Крыма к России³⁸. Более всего исторических материалов было напечатано в канун 50-летия героической обороны Севастополя. Только “Крымский вестник” в течение 1903-1904 гг. опубликовал большую подборку “Материалы, современные Синопскому бою и обороне Севастополя”. Все они были собраны лейтенантом К. Климовым и освещали действия моряков. Эти документы дают возможность почти по часам проследить действия экипажей каждого судна. И сегодня эти публикации являются ценнейшим источником по истории Черноморского флота. Несомненный интерес представляют опубликованные в различных газетах некрологи и заметки в память о замечательных людях, оставленные современниками. Так, в “Севастопольском справочном листке” существовала специальная рубрика “Биографии местных деятелей”. Несколько интересных публикаций в ней принадлежат А.Г. Завадовскому³⁹. Биографические материалы о П.И. Кёппене, А.Е.Люценко, И.И. Казасе и др. в годовщины их смерти помещали “Крымский вестник”, “Севастопольский справочный листок”, “Евпаторийские новости”⁴⁰. Редакция “Салгира” в 1899-1900 гг. поместила серию очерков о пребывании в Крыму выдающихся деятелей культуры и искусства, в том числе А.С. Пушкина, И.К. Айвазовского и других.

Важную просветительскую функцию выполняли заметки, в которых говорилось об экскурсиях по Крыму, организованных

различными учебными заведениями или музеями. Публикации такого рода часто встречаются на страницах журнала "Весна", газет "Керчь-Феодосийский курьер", "Крым". В них в емкой форме излагались не только сведения о гимназиях, их руководителях, музейных экскурсионных программах, но и передавался ход экскурсии, давались сведения из истории, географии, этнографии Крыма.

Городские издания дают нам уникальную информацию и о состоянии научного изучения истории края в тот период. В них публиковались сообщения о научных обществах, кружках, музеях, работе статических комитетов⁴¹. Эти статьи сегодня являются, зачастую, единственными источниками о деятельности этих общественных организаций. В них даются сведения о задачах создаваемых научных учреждений, составе, принятии новых членов, формах и содержании работы.

Как и в "Таврических губернских ведомостях", в городской прессе помещались этнографические публикации. Так, газета "Крым" опубликовала целый ряд очерков по этнографии народов Крыма. Среди них своей обстоятельностью выделялась статья о цыганах преподавателя Симферопольской гимназии Н. Святского, в которой предпринималась попытка осветить этническую историю этого народа. Автор "К.Д." в очерке "Крымские цыгане" основное внимание уделил их нравам и обычаям. Симпатией к культуре этого народа, пониманием его проблем проникнуты публикации о цыганах на страницах "Крымского вестника" и "Салгира"⁴². Немало публикаций было посвящено армянам, евреям, грекам, караимам⁴³, ряд очерков посвящался эстонским и немецким колониям в Таврической губернии⁴⁴. Иногда публиковались обзорные статьи об обычаях разных народов. В частности, именно таким был очерк "Как встречают новый год разные народности Тавриды", опубликованный 1 января 1897 г. газетой "Крым".

Из этнографических сюжетов преобладали те, которые касались крымских татар. В них освещался весь спектр жизни, обычаяев, верований этого народа. Как правило, эти публикации появлялись в результате путешествий, непосредственного изучения жизни татар. Чаще всего подобные статьи можно было встретить в журнале "Радуга" и газетах "Ялта", "Крымский вестник", "Салгир"⁴⁵. Наиболее интересные из опубликованных материалов принадлежали знатокам крымскотатарской жизни Ф.М. Домбровскому ("Реван. Крымско-татарский обычай") и В.Х.

Кондараки (“Обряды крымских татар”, “Очерки Крыма”)(36), которые в течение многих лет специально занимались изучением жизни и фольклора этого народа. Большое внимание корреспонденты газет уделяли и социальным проблемам крымских татар, неразрывно связанным с их эмиграцией и обеспеченностью землей. На страницах “Крымского вестника” в 1888 г. эти вопросы поднимал А.Г. Завадовский. Он проследил, как на протяжении полувека происходил процесс обезземеливания татар. Талантливый корреспондент, скрывшийся под псевдонимом “Точка”, в обширной статье “Безземельные татары”⁴⁶ говорит о появившихся в Крыму в XIX в. “новых помещиках” и о той негативной роли, которую они сыграли в “странной и ужасно грустной судьбе” этого народа. показывает, как шел процесс обнищания татар. К вопросу о наделении крымских татар землей, которой они лишились в результате политики, проводимой царским правительством, и к истории крымскотатарского землевладения обращались на страницах “Русской Ривьеры”, “Тавричанина” в нач. XX в. и другие авторы⁴⁷. Серия анонимных очерков о безземельных татах и истории их земельного права появилась на страницах газеты “Крым” в 1889 г. В них содержится немало интересных данных об обычаях и истории крымских татар. К сожалению, встречались и статьи, в которых культура этого народа освещалась с великодержавных позиций.

На страницах крымских газет часто помещались публикации об эмиграции крымских татар в конце XVIII - середине XIX вв. В статьях Г.П. Мартынова, В.Г. Пьянкова, С. Пастырева, И. Лобова⁴⁸ предпринимались попытки показать ее причины и ход. Приводившиеся ими сведения о количестве эмигрантов были заимствованы из работ В.Х. Кондараки и П.И.Сумарокова, в которых эти данные необоснованно преувеличены. Основная ценность этих публикаций в том, что их авторы были живыми свидетелями эмиграционного процесса, что позволяет конкретизировать наши представления о причинах и характере эмиграции крымских татар в Турцию.

В газетах и журналах довольно широко освещался фольклор многих народов, проживших в Крыму. В газетах “Салгир”, “Крымский вестник”, “Крым”, журналах “Аккорды Крыма”, “Наша Таврида”, “Молодая иудея” и др. пестрят легендами, сказаниями различных народов. Их собиратели Н.Н. Балабуха, П.А. Богданов, А. Каппа, В.Х. Кондараки, А. Кондури, Н.А. Маркс,

И. Порошин и другие помещали фольклорные материалы в своей литературной обработке. Зачастую редакции перепечатывали легенды, взятые из различных сборников, не ссылаясь на источники. Эти публикации способствовали изучению, сохранению и популяризации оригинальных традиций народов Крыма.

Как видно, крымская периодическая печать широко освещала историческое прошлое края, многогранную жизнь населявших его различных народов. Все эти публикации, при необходимом критическом подходе к ним, могут служить для современников источником многих конкретных сведений. Широкое распространение анонимных и псевдонимных публикаций в этот период делает актуальным вопрос атрибуции публикаций в этот период. Нами атрибутированы многие статьи краеведов Крыма, что позволяет получить более полное представление об их творчестве. В целом, введение в научный оборот всего корпуса публикаций местной периодической печати представляет нам значительно более полную картину развития исторического краеведения Крыма в XIX - начале XX века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Афиани В.Ю. Роль периодической печати XVIII - первой половины XIX в. в развитии исторического краеведения России// Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики. Сборник научных статей.-К.,1991.-С.139.

² Непомнящий А.А. Освещение вопросов истории и этнографии народов Крыма на страницах "Таврических губернских ведомостях" во второй половине XIX в.//Проблемы истории Крыма.Вып.2.-Симферополь,1991.-С.39 - 41; Его же. Историческое краеведение на страницах "Таврических губернских ведомостей"//Південний архів.-N 3.Херсон,1994.-С.60 - 73; Мальгина М.Р. К вопросу об истории газетной периодики в Крыму в конце XIX - начале XX вв.//Известия крымского республиканского краеведческого музея.-Симферополь,1993.-N3.-С.-15-20; Гребцова И.С. Пресса южных губерний Украины первой половины XIX в. как источник по истории Новороссийского края//Записки исторического факультету.Вип.1.-Одеса,1995.-С.170-187.

³ Суворова А.В. Краеведческий характер местной периодической печати//Вопросы краеведческой библиографии. Сб. научных трудов.Вып.24.-Новосибирск.1976.-С.63.

- ⁴ Материалы для истории Тавриды//Таврические губернские ведомости (Далее : ТГВ)-29 октября, 2 ноября; 1868.-21 декабря; 1870. 26 сентября, 30 сентября, 3 октября, 21 октября.
- ⁵ Лашков Ф.Ф. Историческая записка о построении в Херсонесе храма Св. Равноапостольного князя Владимира // ТГВ.-1888. 9 июня, 11 июня, 23 июня, 28 июня, 2 июля.
- ⁶ Сумцов Н.Ф. Губернские ведомости, как пособие при изучении русской истории и этнографии // Киевская старина.-1885. Февраль.-С.394.
- ⁷ Домбровский Ф. Дворец крымских ханов в Багчисарае // ТГВ.-1863.-31 августа, 7 сентября, 14 сентября, 21 сентября, 28 сентября, 5 октября.
- ⁸ А.Я. Фабр (некролог) // ТГВ.-1863.-9 марта; Христиан Христианович Стевен // Там же.-1863.-11 мая; Х.Х. Стевен. Еще несколько слов о покойном // Там же.-1884.-1 июня.; Завадовский А.Г. Подполковник Александр Степанович Таранов-Белозёров//Там же.- 1884.-21 мая; Петр Иванович Кеппен // Там же.-1864.-20 июня.
- ⁹ Евпатория//ТГВ.-1868.-16 ноября: Историко-статистический очерк Симферополя//Там же.-1864.-30 марта; Краткий исторический очерк г. Феодосии от основания ее до присоединения к России// Там же.-1870.-19 августа.
- ¹⁰ Бурмистрова Л.П. Провинциальная газета в эпоху просветителей (Губернские ведомости Поволжья и Урала 1840-1850 гг.)-Казань, 1985. - 137 с.
- ¹¹ Завадовский А.Г. К истории о заселении Таврической губернии / / ТГВ.-1884.-3 ноября.
- ¹² Накропин А. Эллины - древние обитатели Таврического полуострова//ТГВ.-1868.-14 сентября, 21 сентября; Его же. Скифские могилы //Там же.-1866.-6 августа, 20 августа, 27 августа.
- ¹³ Накропин А. Скала бахчисарайского Успенского скита // ТГВ.-1866.-20 апреля, 24 апреля, 27 апреля; Его же. Воспоминания о древних событиях Таврического полуострова//Там же.-1867.-27 дек.
- ¹⁴ Инокентий. Насаждение и успехи христианства в древнем Херсонесе//ТГВ.-Неоф. часть.-1862.-N 5.
- ¹⁵ VI Археологический съезд в Одессе. Реферат г. Лашкова: "Архивные данные о бейлыках в Крымском ханстве"//ТГВ.-1884.-4 сентября; Лашков Ф.Ф. Исторический очерк покорения Крыма // ТГВ.-1884.-28 сентября, 30 сентября, 3 октября, 5 октября, 7 октября, 9 октября, 11 октября, 13 октября, 16 октября, 18 октября.

- ¹⁶ Маркевич А.И. Пушкин в Крыму и Крым в произведениях Пушкина //ТГВ.-1887.-24 февраля.
- ¹⁷ Домбровский Ф. Реван, крымско-татарский обычай //ТГВ.- 1862.- 28 июля; Его же. Ф. Мюгюри Шериф и правила Али Хезрети Умера //ТГВ.-1862.-1 декабря, 8 декабря.
- ¹⁸ Ук.Б. Крымско-татарские обычаи//ТГВ.-1870.-19 сентября, 23 сентября, 3 октября, 14 октября.
- ¹⁹ О выселении армян и греков в июне и сентябре 1778 года из горной и южной частей Крыма //ТГВ.-1866.-2 июля, 9 июля.
- ²⁰ Бейм С. Крымско-караимские свадебные обычаи и обряды за сто лет тому назад //ТГВ.-1862.-19 мая, 26 мая.
- ²¹ Центральный государственный архив автономной Республики Крым. (ЦГАРК).-Ф.26.-Оп.2.-Д.1615.-Л.45-60; Д.4593.-Л.3-5; Д.1273.-Л.5-6; Д.4707.-Л.5; Д.3754.-Л.1; Д.2207.-Л.2; Оп.3.-Д.529.-Л.1; Д.550.-Л.1; Д.620.-Л.1-2; Д.662.-Л.31; Д.1071.-Л.2; Д.746.-Л.3; Д.748.-Л.10-13.
- ²² Маркевич А.И. К 25 - летию газеты "Крымский вестник"// Крымский вестник.-1913.-17 февр.
- ²³ ЦГАРК.-Ф.26.-Оп.2.- Д.1597.- Л.3.
- ²⁴ Накропин А. Херсонес//Крымский листок.-1848.-9 марта.
- ²⁵ Ястребов В. Херсонес Таврический //Севастопольский справочный листок.-1883.-17 июля, 28 июля: Шарков В.В. Девятисотлетие крещения Руси//Крымский вестник.-1888.-16 июня, 18 июня .
- ²⁶ Накропин А. Тепе-Керман (крымские пещеры) // Крымский листок.-1879.-1 апреля.
- ²⁷ Ширяев Н. Последние годы ханского владычества в Крыму // Севастопольский справочный листок.-1883.-12 июня, 16 июня, 19 июня, 30 июня, 3 июля, 10 июля, 14 июля; Карский М.Б. Последние годы Крымского ханства.-1900.-9 июля,-11 июля.
- ²⁸ Завадовский А. Заметка о Крыме //Севастопольский справочный листок.-1882.-7 ноября, 11 ноября, 14 ноября, 18 ноября, 21 ноября, 25 ноября, 28 ноября, 2 декабря; Шарков В. Исторический очерк // Крымский вестник.-1890.-18 октября .
- ²⁹ Заселение Крыма //Крымский вестник.-1890.-2 февраля, 7 февраля, 21 февраля.
- ³⁰ Парфенов М. Высадка неприятельской союзной армии // Крымский вестник.-1904.-2 сентября; Его же. Нечто из истории обороны Севастополя 1854-1855 гг. //Крымский вестник.-1904.-24 января; Белавенец. Высадка 13-й пехотной дивизии на восточный

берег Черного моря 24 сентября 1853г. // Крымский вестник.-1903.-24 сентября; А.М. Сражение на р.Альма 8 сентября 1854 г. //Там же 1902. - 10 сентября.

³¹ Щербачев Г.Д. Из воспоминаний о Крымской кампании и севастопольской обороне// Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1903.-11 мая, 25 мая; Георгиева А. Севастопольцы //Крымский вестник.-1898.-20 ноября; Михно Д.М. Альминский бой // Салгир.-1848.-15 октября; Х. Эпизоды последней войны //Крымский листок.-1878.-10 сентября; Скаловский М.И. Воспоминания о Черноморском флоте 1851-1855 //Прожектор.-N 4.-С.3-6; N 5.- С.2-5.

³² В. Сороколетие славной Севастопольской обороны// Крым.-1894.-11 сентября; Увековечение полувека Севастопольской обороны // Крым.-1901.-9 октября;

³³ Г. Т[имошевский] Восстановление древних святынь в Крыму // Крым.-1988.-21 августа; Кладбище героев Крымской войны // Салгир.-1901.-4 января; Исторический очерк Керчи и ее памятников древности //Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1881.-18 октября, 9 ноября; К открытию памятника графу Тотлебену //Крымский вестник.-1909.-8 августа.

³⁴ С-нов Н. Исторический очерк//Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1874.-16 июня, 23 июня, 30 июня; Зенкевич Х. Керчь и ее достопримечательности//Русский сезонный листок.-1898.-24 августа.

³⁵ К.П.Л. Краткий исторический очерк города Керчи//Крым.- 1892.-6 ноября, 7 ноября, 8 ноября, 24 ноября, 25 ноября, 27 ноября, 4 декабря.

³⁶ Г-й. К 75-летию г. Ялты//Русская Ривьера.-1912.-16 сентября; В.Ф. Исторический очерк города Ялты//Крымский вестник. 1893. 9 марта, 12 марта, 16 марта; Г. Т[имошевский] К истории Симферополя//Крым.-1888.-30 марта; М. Четырехсотлетие Симферополя//Салгир.-1899.-11 июня, 20 июня.

³⁷ Ро[маню]к А. Крымская старина//Крымский вестник.-1889.- 8 сентября, 12 сентября, 6 октября, 15 октября, 25 октября, 14 ноября; 1890.-5 января и др.

³⁸ К[ар]ский М.Б. Былое (По архивным документам)//Салгир.-1900.-14 сентября, 21 сентября.

³⁹ Завадовский А.Г. Подполковник Александр Степанович Барано-Белозеров//Севастопольский справочный листок.-1884.-20 мая; Его же. Иван Константинович Айвазовский//Там же.-1884.-13 мая.

⁴⁰ Чествование памяти П.И. Кеппена//Крымский вестник.- 1893.-23 февраля; Керч.Лис. Археолог А.Е. Люценко и древнегреческие могилы в Керчи//Севастопольский справочный листок.-1884.-26 июля; М.К. Илья Ильич Казас (некролог)//Евпаторийские новости.-1912.-15 января.

⁴¹ Новое общество ученого исследования Крыма//Крымский вестник.-1894.-12 марта; Несколько слов о кружке любителей истории и археологии Крыма//Севастопольский справочный листок.-1884.-16 февраля; Т-ва Л.М. Симферопольский музей древностей//Крым.-1897.-22 февраля.

⁴² Святский Н. Цыгане (Опыт историко-этнографического очерка)/ /Крым.-1888.-8 июля, 13 июля, 20 июля, 22 июля; К.Д. Крымские цыгане//Крым.-1888.-1 июня: Невидимка. Симферопольские цыгане//Крымский вестник.-1888.-24 мая; Ленин. Несчастное племя// Салгир.-1898.-11 ноября.

⁴³ К. Местный тип греков//Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1866.-1 мая; Армянин. Армяне в России и в частности в Таврической губернии//Крым.-1895.-26 ноября; Развод у евреев//Евпаторийские новости.-1912.-29 января; Юнович И. Кое-что о караимстве//Крымский вестник.-1903.-15 октября.

⁴⁴ Эстонские колонии в Крыму//Севастопольский справочный листок.-1884.-19 января; К истории немецкой колонизации Таврической губернии//Русская Ривьера.-1914.-2 ноября.

⁴⁵ Ковалеров И. Как татары лечатся//Салгир.-1899.-3 июля, 4 июля; Ленский Л. В гостях у татар//Крымский вестник.-1907.-6 июня; Муфти - Заде У. Из жизни татар//Там же.-1907.-12 октября; Обычаи по пользованию водой среди татар на Южном берегу Крыма//Ялта.-1895.-14 ноября; Домбровский Ф. Реван. Крымско-татарский обычай//Радуга.-1862.-N 6.-С.79-88; Его же Реван - посвящение ремесленника в звание мастера//Салгир.-1897.-12 октября; Кондараки В.Х. Обряды крымских татар. Погребение//Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1865.-10 октября; Его же Свадебные обряды у татар//Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства.-1865.-17 октября; Его же Очерки Крыма. Татарки южного берега Крыма//Там же.-1867.-21 мая.

⁴⁶ Точка. Безземельные татары//Крымский вестник.-1896.-4 апреля, 5 апреля.

⁴⁷ Коломийцев Д. О крымских безземельных татарах//Тавричанин.-1906.-14 января; Как помочь крымским татарам-виноградарям// Русская Ривьера.-1909.-15 декабря.

⁴⁸ Ф. Татары и современное их значение в крае//Севастопольский листок.-1887.-17 апреля, 19 апреля; Пьянков В. Татарское переселение//Салгир.-1901.-4 октября; Пастырев С. К вопросу о причинах выселения татар//Ялта.-1893.-20 сентября; Лобов И. Причины эмиграции и нужды крымских татар//Крымский вестник.-1902.-13 марта, 14 марта.

В.М.ХМАРСЬКИЙ, І.М.ЧИЖЕВСЬКИЙ

ДО ІСТОРІЇ ПУБЛІКАЦІЇ “ІСТОРИИ О КАЗАКАХ”
С.МИШЕЦЬКОГО ТА “ОПИСАНИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ
СЕЧІ” В.ЧЕРНЯВСЬКОГО

З самого початку існування Одеського товариства історії та старожитностей (далі - Товариство) археографія - пошук, збереження, опис та видання історичних джерел - посідала значне місце у його діяльності¹. Основним умістилищем для публікацій, в тому числі і археографічних, були “Записки” Товариства. З 1840 р., ще до виходу “Записок”, було започатковано друк щорічних звітів про діяльність цієї наукової установи. Водночас, у початковий період існування Товариства практикувалось видання окремих праць його членів. Так уже в 1839-1840 рр. з’явились друком праця В.Григор’єва “Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии, в 1839 году” та опис музея Товариства, складений М.Мурзакевичем. Це було пов’язано з тим, що великі за обсягом томи “Записок” готувались до видання досить повільно: перший том з’явився лише у 1844 р., другий розтягнувся на 1848-1850 рр., а третій вийшов у 1853 р. Проте, на 65-му засіданні (13 жовтня 1849 р.) було прийняте рішення про заборону такої практики. Хоча деякі члени мали бажання (і можливість) надрукувати праці, запропоновані до “Записок”, окремо або в інших виданнях, керівництво (в особі секретаря М.Мурзакевича) виступило проти цього. Воно вважало, що всі матеріали, які потрапили до видавничого комітету Товариства, є його власністю і можуть бути оприлюднені лише після їх появи у “Записках”². Але, незважаючи на це, у 1852 р. Товариство видало окремим виданням два наративних джерела з історії Запорозької Січі. Ця книга, як і всі інші книги у світі, мала свою історію.

Як свідчать матеріали засідань, Товариство уже у перші місяці свого життя обрало “запорозьку” тематику як одну з основних (нею

мав намір зайнятись М.Надеждін)¹. Член Товариства А.Скальковський у 1842 р. видав (при допомозі М.Воронцова) "Историю Новой Сечи или последнего Коша Запорожского". Того ж року ще один член Товариства, архієпископ Гавриїл (В.Ф.Розанов), здійснив публікацію цінного наративного джерела, яке стало своєрідним доповненням до названого вище твору. Це було "Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки. Никиты Леонтьевича Коржа" (його уривками, під назвою "Изустные предания о Новороссийском крае", А.Скальковський надрукував ще у 1838-1839 рр. в "Журнале Министерства народного просвещения")². Для першого тому "Записок" М.Вертіл'як підготував повідомлення "Надгробия коптевых Гордиенки и Ерофеева"³.

Тому, зовсім не дивним було те, що у травні 1844 р. дійсний член С.Сафонов передав до Товариства фрагмент твору С.Мишецького під назвою "История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся, сочиненная от инженерной команды" (далі - "История о казаках")⁴. Такий крок С.Сафонова цілком відповідав діяльності Товариства, у Статуті якого чітко було визначено один із його обов'язків: "Зайняться відшукуванням, розбором і поясненням документів та актів, що стосуються історії зазначеного краю" (південь Російської імперії - В.Х.)⁵. До того ж, у 1840 р. за пропозицією президента Товариства Д.Княжевича для всіх дійсних членів і кореспондентів була підготовлена і надіслана програма еврістичної діяльності, що включала кілька пунктів щодо зібрання писемних джерел. В одному з них йшлося про "збирання рукописів історичних, що переважно торкаються Новоросійського краю і Бессарабії"⁶.

Степан Васильович Сафонов (1811-1862) був випускником Харківського університету. У 1825 р. він поступив на службу до канцелярії новоросійського і бессарабського генерал-губернатора М.С.Воронцова. Внаслідок своєї сумлінної праці С.Сафонов поступово перетворився із звичайного переписувача паперів у кабінетного секретаря і одну з найближчих осіб графа. Він дуже рано розпочав літературну діяльність - у 1828-1830 рр. надрукував в "Одесском вестнике" "Путевые заметки по Новороссийскому краю". Службове становище визначило і тематику його найвідоміших літературних творів, які відчuli на собі відбиток

особистих вражень: 1834 - “Восхождение на Везувий” (в альманасі “Подарок бедным”); 1837 - “Поездка к восточным берегам Черного моря, на корвете Ифигения” (здійснив разом з Воронцовим у 1836 р.); 1838 - “Описание чумы, постигшей Одессу в 1837 году”; 1840 - “Описание пребывания императорской фамилии в Крыму 1837 года”.

З відкриттям Товариства, на першому ж засіданні, С.Сафонова обрано його дійсним членом. Для первого тому “Записок” він підготував статтю “Остатки греческих легионов в России, или нынешнее население Балаклавы” (с.205-238), всередині якої містилось кілька документів. У 1843-1844 pp. С.Сафонов перебував на посаді віце-президента Товариства. Втім, у 1844 р. він змушений був залишити цю посаду, оскільки у 1844 р. разом з Воронцовим від'їхав до Петербургу, а потім - на Кавказ. Там С.Сафонов, перебуваючи на посаді директора канцелярії намісника, не полішив літературної діяльності. Саме за його проектом було започатковане видання “Кавказский календарь”. У 1852 р. С.Сафонов став сенатором і провів решту життя у Петербурзі, займаючись державними і сімейними справами⁹.

Близькість до Воронцова надавала С.Сафонову чудову можливість познайомитись з його величезною бібліотекою. Саме ця обставина і спричинилася до того, що він став причетним до становлення археографії на Півдні України.

Бібліотека Воронцова була і залишається невичерпним джерелом для істориків і археографів. На нашу думку, серед одеських дослідників у найбільшій мірі нею скористався М.Мурзакевич. Ще у 1833 році на шпальтах “Одесского вестника” він розпочав публікувати документи з неї і протягом 30-40-х pp. надрукував цілу низку важливих джерел¹⁰. Першою археографічною публікацією С.Сафонова стала знайдена у бібліотеці Воронцова “Записка о том, сколько я памятую о крымских и турецких походах”, в якій анонімний автор розповідав про події російсько-турецької війни 1735-1739 pp. Вона з’явилась у 1836 р. в “Одесском вестнике” (№№47-53) і окремим відбитком (179 с.). Наступним його археографічним проектом стала “История о казаках”.

Як свідчив М.Мурзакевич, М.Воронцов мав кілька бібліотек - у Петербурзі, Москві, Мошнах, Алупці і Одесі¹¹. Оскільки С.Сафонов у 1844 р. перебував у Петербурзі і звідти переслав до Одеси перший уривок “Истории о казаках”, вважаємо, що дане джерело зберігалось саме у петербурзькій бібліотеці Воронцова.

Після одерження від свого віце-президента перших уривків "Істории о казаках" у Товаристві було вирішено дочекатись від нього решти, щоб з'ясувати цінність цього джерела, а потім вирішити: чи варто його видавати¹².

Спочатку пересилка "Істории о казаках" йшла досить енергійно. На 16 червня 1844 р. у Товаристві знаходились крім перших двох розділів (8-го і 14-го) розділи перший-четвертий¹³, а до 14 листопада того року у його розпорядженні було уже десять розділів, до яких С.Сафонов додав пояснівальні примітки. Оскільки до Одеси не були надіслані всі розділи, то знову було вирішено зачекати, але цього разу - "щоб весь цей манускрипт, після обговорення його вартості, видати своїм коштом"¹⁴.

Проте після такої обнадійливої заяви справа з виданням призупинилася. Можливо на це впливув той факт, що 15 листопада 1844 р. новим віце-президентом Товариства замість С.Сафонова було обрано О.Негрі¹⁵. 15 січня 1845 р. на засіданні були зачитані лише шостий та сьомий розділи (а до 14 листопада того року дістались лише до дванадцятого). Тоді ж було вирішено справу з "Історією о казаках" передати на розгляд секретаря (М.Мурзакевича) та дійсного члена К.Зеленецького, які повинні були підготувати повідомлення про її долю¹⁶.

Тим часом у лютому 1845 р. С.Сафонов надіслав останній розділ твору, а разом з ним і листа, в якому йшлося про важливість і цінність запропонованого до уваги товариства джерела. Він підкреслив, що видання його могло б принести користь науці, а Товариству - сприяти досягненню мети його існування. Також екс-віце-президент просив для покращення видання доручити одному або кільком членам Товариства зібрати пояснівальні відомості щодо згадуваних в "Істории о казаках" місцевостей¹⁷.

Однак у Товаристві не поспішили з виданням. Аналіз "Істории о казаках" зайняв у М.Мурзакевича і К.Зеленецького цілий рік. Лише 7 лютого 1846 р. секретар Товариства виступив на 41-му засіданні з доповіддю, в якій визнав, що твір С.Мищецького містить в собі важливі відомості з історії Запорозької Січі. На його думку, представлене для розгляду джерело можна було друкувати коштом Товариства, але за умови додання до нього пояснівальних приміток, малюнків вбрання запорожців і навіть історичних актів. Отже, було вирішено, що друк "Істории о казаках" розпочнеться лише після отримання від С.Сафонова та інших членів Товариства матеріалів, необхідних для створення науково-довідкового апарату. Нагляд за

пректом було покладено на М.Мурзакевича, який мав підготувати і кошторис видання¹⁸.

Минув майже рік, поки М.Мурзакевич знову звернувся до “Истории о казаках”. Навряд чи його можна звинувачувати у зволіканні. Секретар був у цей період найактивнішим у Товаристві і виконував безліч як наукових так і “паперових” справ. Крім цього, як ми бачимо, він дуже відповідально ставився до своїх обов’язків.

Так, 15 грудня 1846 р. М.Мурзакевич написав до Товариства листа. В ньому він пропонував звернутись до начальника Московського Головного архіву Міністерства іноземних справ М.Оболенського за допомогою. З “Чтений в императорском обществе и древностей российских при Московском университете” секретареві стало відомо, що після смерті відомого російського історика і археографа Г.Міллера (1705-1783) в Головному архіві Міністерства іноземних справ залишились матеріали з історії Запорозького козацтва. Тому необхідно було попросити М.Оболенського, якого 7 лютого 1846 р. було обрано дійсним членом Товариства, надіслати копії цих матеріалів (М.Мурзакевич вказав вісім позицій), оскільки це могло сприяти найякіснішій підготовці “Истории о казаках” до друку.

16 грудня 1846 р. такий лист було відправлено, а 27 січня 1847 р. М.Оболенський надіслав відповідь. Він повідомив, що згадувані матеріали дійсно були в Головному архіві Міністерства іноземних справ, але їх було передано до Московського товариства історії та старожитностей російських. Після повернення матеріалів з цієї наукової установи він обіцяв надіслати їх Товариству. Також М.Оболенський пообіцяв сприяти Товариству повідомленнями про акти, що зберігались в Головному архіві Міністерства іноземних справ. На доказ цього він надіслав “точну копію” “Описания Запорожской Сечи” В.Чернявського, яке могло бути додатком для “Истории о казаках”¹⁹.

На засіданні Товариства 20 лютого 1847 р. надіслане наративне джерело було розглянуто і передано до видавничого комітету²⁰.

На жаль, М.Оболенський не повідомив, що Московському товариству історії та старожитностей російських також було відомо про існування “Истории о казаках”. Її було знайдено серед інших паперів Г.Міллера, розглянуто на засіданні 25 січня 1847 р. і видано того ж року у шостому числі “Чтений” Московського товариства історії та старожитностей російських, а також і окремим відбитком²¹.

Секретарем його в той час був О.Бодянський, завдяки якому на сторінках “Чтений” було опубліковано багато джерел з історії України. Зокрема у третьому числі “Чтений” за 1846 р. була надрукована “Записка о малороссийском народе и запорожцах” Г.Міллера (саме звідти стало відомо М.Мурзакевичу про зміст т.з. портфелів Міллера).

Як з’ясувалось, О.Бодянський знав про існування чотирьох списків “Истории о казаках”. Три з них зберігались у портфелях Міллера, а четвертий належав відомому російському збирачеві фольклорних і етнографічних пам’яток І.Сахарову. За основу для видання були взяti “міллєрівські” списки. Після тексту джерела було наведено перелік різночитань їх з “сахарівським” списком. Основною проблемою для О.Бодянського було авторство джерела. Тому більшу частину “Передмови” він присвятив її розв’язанню. Відомий археограф наполягав, хоча і з деякими застереженнями, що автором його був О.Рігельман²³. Проте того ж року, під час підготовки до видання сьогодні загальновідомого твору О.Рігельмана “Летописное повествование о Малой России” (1785-1786), а він змінив свою точку зору, визнавши, що автором “Истории о казаках” був С.Мищецький²³.

Отже, О.Бодянський не знав про існування п’ятого списку, що був у розпорядженні Товариства. Зазначимо, що і авторство джерела не викликало в Одесі ні у кого заперечень.

Протягом першої половини 1847 р., до виходу московського видання, у Товаристві ще тривала археографічна робота по підготовці “Истории о казаках” до публікації - примітки до нього склали М.Мурзакевич та М.Вертіл’як²⁴. Слід зазначити, що запорозька проблематика у цей час посідала все більше місце у діяльності Товариства. Так, у звіті про його діяльність з листопада 1846 р. до листопада 1847 р. серед тринадцяти основних напрямків дій один було визначено як “зібрання пам’яток запорозьких”. Тоді ж, під час складення опису музея Товариства було виділено шість розділів і один з них був “запорозьким”²⁵.

Після виходу і придбання надрукованої у “Чтениях” Московського товариства історії та старожитностей російських “Истории о казаках” одеський археографічний проект різко зупинився і кілька років про нього навіть не згадували. Проте, до честі українських археографів, його врешті було завершено.

Несподівано, 19 вересня 1851 р., на засіданні Товариства виступив беззмінний його секретар, невтомний дослідник

М.Мурзакевич і доповів, що разом з М.Вертіл'яком вони ще раз розглянули “Историю о казаках”, а також підготовлені до неї примітки, і дійшли висновку, що дане історичне джерело може бути видане. Товариство прийняло рішення опублікувати твір С. Мишецького і виділити кошти для накладу у 500 примірників.¹⁶ 16 січня 1852 р. секретар доповів про завершення друку “Истории о казаках” (наклад склав 408 примірників)²⁶. Як зрозуміло із звіту, Товариство надавало великого значення цьому виданню, розглядalo його як “документ офіційний і для Новоросійського края матеріал важливий”. Тому, серед восьми основних напрямків його діяльності з листопада 1850 р. по листопад 1851 р. визначено - “Видання історії про козаків запорозьких”²⁷.

У “Передмові” до “Истории о казаках” упорядники підкреслили, що публікацію було здійснено на основі рукопису, який зберігається у бібліотеці М.Воронцова. Необхідність видання цього джерела вони підкріплювали п’ятьма аргументами: 1) воно торкалось історії Південної України; 2) вказувало на час появи деяких фортифікаційних споруд на Дніпрі; 3) містило цінні гідронімічні дані; 4) пояснювало причини появи деяких курганів у регіоні; 5) було значним доповненням до незначної літератури з історії Запорозького козацтва. З точки зору Товариства вихід у світ “Истории о казаках” мав підсумкове значення у справі видання “низки джерел для пізнання Запоріжжя”.

Упорядники стисло згадали і про автора джерела - Семена Івановича Мишецького, який був підпоручником Інженерної команди і з 1736 по 1740 рр. перебував у Запорізькій Січі для проведення фортифікаційних робіт. За цей час він докладно ознайомився з життям запорожців і підготував для Колегії іноземних справ своєрідний звіт - “Историю о казаках”.

Автори “Передмови” зазначили, що “История о казаках” публікувалась не вперше, але Товариство не відмовилось від свого рішення, прийнятого ще у лютому 1846 р., про видання джерела. До цього його спонукало те, що: 1) “воронцовський” список мав розбіжності з “міллерівськими” та “сахарівським”; 2) члени Товариства С.Сафонов, М.Мурзакевич та М.Вертіл'як уже підготували необхідний науково-довідковий апарат; 3) Товариство мало видати разом з “Историей о казаках” ще одне джерело - надісланий М.Оболенським твір В.Чернявського під назвою “Описание Запорожской Сечи, состоящее в четырех разделениях, показующих положение Сечи, всех оной земель с выгодами и

лесными дачами, также соединение татар и происходимые от оного запорожцам разорения. 1766.” (далі - “Описание Запорожской Сечи”). Крім цього, наприкінці книги було вміщено три малюнки із зібрання Товариства: відомого запорозького полковника О. Колпака, козака І. Шияна та невідомого гайдамаки²⁸.

Між двома виданнями “Истории о казаках” існували відмінності. У московському варіанті було вісімнадцять глав (хоча у “Змісті” перед текстом вказано лише шістнадцять). В одеському варіанті було сімнадцять глав. Різницю з першими виданнями складала глава “Какие кошевые их памяти достойны”, яку було передруковано в одеському виданні у підрядкових примітках. Між списками, які були взяті за основу для видання, існувало багато різночитань (між “міллерівськими” і “сахаровським” списками їх було, наприклад, аж 359). Показово, що навіть не всі назви глав співпадають.

Основною ж рисою, яка відрізняла одеське археографічне видання від московського, була наявність у ньому докладного науково-довідкового апарату. С.Сафонов, М.Мурзакевич та М.Вертіл’як підготували 106 приміток. Всі вони були розташовані як підрядкові посилання. Лише незначна частина приміток торкається деяких текстуальних пояснень, а переважна їх більшість - примітки щодо змісту. Понад третину приміток пов’язано з поясненням географічних об’єктів. У найбільшій мірі тут відзначився М.Вертіл’як, який добре знався на місцевостях про які йшлося. Найбільше приміток щодо змісту зробив С.Сафонов, який давав розлогі коментарі, часто висловлюючи свою точку зору (інколи хибну) і вступаючи в дискусію з А.Скальковським, як автором найвідомішого тоді твору з історії Нової Січі. М.Мурзакевич намагався співставити відомості, що містились в “Истории о казаках” з тими даними, що уже були відомі з інших видань. Він робив посилання на них - це були переважно праці членів Товариства і деякі з них були опубліковані в “Записках”. Саме М.Мурзакевич додав з московського видання главу, що її бракувало у “воронцовському” списку. Також він додав до однієї з глав як примітки (всього 19) інформацію наведену в московському виданні як різночитання по “сахарівському” списку²⁹. Таким чином, одеське видання презентувало солідний доробок місцевих археографів. Відомий український історик М.Марченко вважав, що саме Товариство надрукувало твір С.Мишецького “у більш досконалому вигляді”³⁰.

Як зазначалось, разом з “Историою о казаках” було опубліковане “Описание Запорожской Сечи”³¹. Автором його був Василь Чернявський - секретар Іноземної колегії, якого було відправлено у Січ для розбору обопільних скарг запорожців та ногайців у 60-ті рр. XVIII ст. За обсягом це джерело значно менше ніж “История о казаках”. До нього упорядники не підготували жодної примітки. Лише у “Передмові” було зазначено стосовно його видання, що цінність “Описания Запорожской Сечи” полягає у чіткому визначенні кордонів запорозьких земель, кількості козаків, будівель, зимівників, а також у показі господарського життя запорожців³².

Після виходу з друку книгу було надіслано почесному президентові Товариства М.Воронцову, деяким дійсним членам і кореспондентам, а також у декілька десятків вчених товариств і наукових установ. Видання стало відомим і навіть популярним (особливо серед чорноморських козаків, які надсилали листи до Товариства з проханням переправити їм примірники книги)³³.

Наведемо ще такі показові факти. У загальновідомому енциклопедичному словнику Ф.Брокгауза та І.Єфрана міститься стаття “Запорожская Сечь”. Наприкінці подано список найважливіших джерел і літератури з цього предмету. Серед восьми найвідоміших археографічних видань названо і “Историю о казаках”³⁴. Аналіз приміток первого тому “Історії запорозьких козаків” (присвячений внутрішньому устрою Запорозької Січі) свідчить, що автор надзвичайно широко використовував “Историю о казаках” і “Описание Запорожской Сечи”. На них він зробив понад сто посилань і найчастіше за них посилював лише на власні твори³⁵. Протягом ХХ ст. такі визначні українські історики як Д.Дорошенко, М.Марченко, М. Литвиненко, В.Голобуцький відзначали археографічне видання Товариства і вказували на його наукову цінність³⁶. Останнім часом дослідники поновили спроби джерелознавчого аналізу цих видатних творів³⁷.

Отже, Одеське товариство історії та старожитностей розпочинаючи широку програму пошуку, збереження, опису і публікації історичних джерел здійснило у 1852 р. окреме археографічне видання у якому містились два наративних джерела з історії Запорозького козацтва. Публікація “Истории о казаках” С.Мищецького та “Описания Запорожской Сечи” В.Чернявського стала помітним внеском в українське козакознавство. Архівні матеріали, звіти Товариства, самі опубліковані джерела свідчать, що члени Товариства намагались використовувати наукові методи

під час археографічної підготовки їх до друку. Ця обставина у значній мірі сприяла тому, що єдина окрема археографічна публікація Одеського товариства історії та старожитностей зберігає і сьогодні свою наукову вагу.

ПРИМІТКИ:

- ¹ Хмарський В.М. Початок археографічної діяльності в Одесі // Записки історичного факультету. Випуск 4.-Одеса.1997.-С.183-192; Його ж. З археографічної діяльності Одеського товариства історії та старожитностей// Тезисы Второй областной историко-краеведческой научно-практической конференции.-Одесса,1991.-С.211-213.
- ² Державний архів Одеської області (далі - ДАОО). ф.93. оп.1, спр.2, арк.111.
- ³ Торжественное собрание Одесского общества истории и древностей 4 февраля 1840 года.-Одесса,1840.-С.71.
- ⁴ Біднов В. “Устное повествование запорожца Н.Л.Коржа” та його походження і значіння.-Прага,1925.-28 с.
- ⁵ ЗООИД.-Т.1.-Одесса,1844.-С.607.
- ⁶ ДАОО. ф.93. оп.1, спр.1, арк.153.
- ⁷ Устав Одесского общества истории и древностей.-Одесса,1839.-С.1.
- ⁸ Отчет о состоянии и действиях Одесского общества истории и древностей.-Одесса,1841.-С.7.
- ⁹ Мурзакевич Н. Степан Васильевич Сафонов // ЗООИД.-Т.VI.-Одесса,1867.-С.483-485; В.Р-в (В.Є.Рудаков). Сафонов Степан Васильевич //Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона.-Т.XXXIII.-С.477.
- ¹⁰ Шкляж И.М. Сокровища семьи Воронцовых.-Одесса,1992.-С.30-31,39.
- ¹¹ Мурзакевич Н.Н. Автобиография // Русская старина.-1887.-№4.-С.143.
- ¹² ДАОО. ф.93. оп.1, спр.1, арк.153.
- ¹³ Там само, арк.156зв.
- ¹⁴ Отчет Одесского общества истории и древностей, с 14 ноября 1843 по 14 ноября 1844 года.-Одесса.1845.-С.10.
- ¹⁵ ДАОО. ф.93. оп.1, спр.1, арк.164зв.
- ¹⁶ Там само, спр.2, арк.9; Отчет Одесского общества истории и древностей, с 14 ноября 1844 по 14 ноября 1845 года.-Одесса.1846.-С.5.
- ¹⁷ ДАОО. ф.93. оп.1, спр.38, арк.3-3зв.

¹⁸ Там само, спр.2, арк.50-50зв.

¹⁹ Там само, спр.38, арк.4-8зв.

²⁰ Там само, спр.2, арк.53зв.

²¹ История о козаках запорожских, как оные из древних лет зачалися, и откуда свое происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.-1847-№ 6.-С.1-42.

²² Там само. С.І-VIII.

²³ Рігельман О.І. Літописна оповідь про Малу Росію та її народ і козаків узагалі / Вст. ст., упор. та примітки П.М.Саса, В.О.Щербака.-К.:Либідь,1994.-С.639.

²⁴ ДАОО, ф.93, оп.1, спр.2, арк.60зв.

²⁵ Отчет Одесского общества истории и древностей, с 14 ноября 1846 по 14 ноября 1847 года.-Одесса,1848.-С.10-11.

²⁶ ДАОО, ф.93, оп.1, спр.3, арк.41,51зв.; Мурзакевич Н. Автобиография //Русская старина.-1889.-№2.-С.252-253.

²⁷ Отчет Одесского общества истории и древностей, с 14 ноября 1850 по 14 ноября 1851 года.-Одесса,1852.-С.15-16.

²⁸ История о казаках запорожских, как оные издревле зачалися, и откуда своё происхождение имеют, и в каком состоянии ныне находятся. сочиненная от инженерной команды.-Одесса,1852.-С.І-IV.

²⁹ Там само.-С.1-78.

³⁰ Марченко М.І. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.).-К.,1959.-С.88.

³¹ История о козаках... -С.79-92.

³² Там само.-С.IV-V.

³³ ДАОО, ф.93, спр.3, арк.51зв.; спр.38, арк.10-23.

³⁴ Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Эфрона.-Т.XII.-С.279.

³⁵ Див.: Яворницький Д.І. Історія запорозьких козаків. Т.1.-Львів,1990.-319с.

³⁶ Дорошенко Д.І. Огляд української історіографії.-К.,1996.-С.41,92,122; Марченко М. Вказана праця.-С.87-88; Литвиненко М.А. Джерела історії України XVIII ст. - Харків, 1970. - С. 199-203; Голобуцький В. Запорозьке козацтво.-К.,1994.-С.42-43.

³⁷ Кравець М.М. Історія Запорізької Січі в описанні С.Мишецького та В.Чернявського //V Всеукраїнська конференція “Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України” (жовтень 1991 р.) Тези доповідей та повідомлень.-К.-Кам'янець-Подільський,1991.-С.124-125.

ПРЕССА УКРАИНЫ СЕРЕДИНЫ XIX В. КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ПОЗИЦИЙ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТНИКОВ ХАРЬКОВСКО-КИЕВСКОГО ТАЙНОГО ОБЩЕСТВА

История основания и деятельности студенческой организации Харьковско-Киевское тайное общество /1856-1860 гг./ неоднократно становилась объектом изучения исследователей¹. В научный оборот введены разнообразные группы источников: судебно-следственные документы, материалы личного происхождения и т.д. Однако периодическая печать Украины, на страницах которой в конце 50-х - начале 60-х гг. XIX в. активно выступали участники этой организации, до настоящего времени исследована слабо.

Харьковско-Киевское тайное общество было основано в начале 1856 г. студентами Харьковского университета Я. Бекманом, М. Муравским и П. Завалским. Впоследствии к ним присоединились студенты А. Тыщинский, П. Ефименко, К. Хлопов, А. Шиманов, В. Португалов и другие. Общество объединяло в своих рядах выходцев из обедневших дворян, мелкого духовенства, купечества и, как многие организации того времени, было неоднородным по своим взглядам и стремлениям. Большинство участников во главе с Я. Бекманом и М. Муравским стояли в целом на революционно-демократических позициях. Эта часть общества ставила целью ликвидацию крепостного права и установление республики путем всеобщего народного восстания. Ряд членов организации, в частности братья А. и В. Раевские, придерживались более умеренных взглядов, выступая за конституционно-монархическое правление в стране. Если политические перспективы на начальном этапе деятельности являлись предметом раздумий и споров, то рассматриваемая в качестве фундамента для будущих преобразований задача - расширение грамотности в народе, была единодушно поддержана всеми участниками тайного общества.

В своей легальной деятельности члены организации важное место отводили периодической печати. В течении 1857-1858 гг. они систематически публиковали статьи и корреспонденции в местной официальной газете "Харьковские губернские ведомости". Анализ материалов газеты позволяет выделить две основные проблемы,

сформулированные в прессе участниками организации в харьковский период: 1) положение народных масс в условиях существования крепостного права; 2) необходимость развития народного просвещения. Нередко эти проблемы рассматривались во взаимосвязи. Для изложения своих позиций, учитывая цензурные ограничения, студенты неоднократно обращались к освещению взглядов на обучение известных зарубежных педагогов.² Особый интерес представляет серия статей А.Шиманова “Песталоцци, Фелленберг и швейцарские школы для бедных, устроенные по основным положениям последнего”. Высоко оценивая опыт швейцарских педагогов, видевших задачи системы обучения детей бедняков не только в получении суммы элементарных знаний, но и в приобретении ими необходимых трудовых навыков, А.Шиманов серьезное место в статье уделил проблеме обнищания народных масс. Автор на примере стран Западной Европы охарактеризовал глубину и масштабы пауперизма середины XIX в. и выделил два укоренившихся в общественном мнении той поры взгляда на формы борьбы с этим явлением. “Одни полагают, что нищета есть следствие несовершенства общественного строя, лучшая организация которого может уничтожить зло в корне. По мнению других, нищета есть зло необходимое, и уже дух любви должен стараться о возможном ограничении его”³ - писал А. Шиманов. Отдавая дань попечительству и благотворительности, призванным улучшить положение самой обездоленной части населения, автор далее в статье сделал неутешительный вывод о том, что “благотворительность, имеющая целью простое, непосредственное пособие, не уменьшает этой общественной язвы”⁴. Нашедшая отражение в серии статей на педагогические темы проблема обнищания народных масс не была случайной для А. Шиманова. Автор занимался ею, изучая многочисленные зарубежные исследования и отечественные источники. Так, в личном фонде А.Шиманова, хранящимся в Центральном государственном историческом архиве Украины, содержится его неопубликованная рукопись “О развитии нищенства в Харькове”⁵, отдельные положения которой легли в основу освещения им проблемы пауперизма в подцензурной печати.

Выступая за создание широкой сети начальных школ для народа, участники общества стремились осветить на страницах газеты разнообразные варианты методики преподавания в них. П. Завадский в статье “Взгляд на обучение чтению и письму” предложил на суд читателей разработанную им методику

преподавания в школах для крестьянских детей. По мнению автора, весьма важно, чтобы полученные на уроках знания не были для учащихся абстрактными, а вытекали из доступных их пониманию примеров, позволяющих лучше усвоить изучаемый материал. “Всякое правило есть вывод из фактов, и потому необходимо дать детям факты и доводить их до того, чтобы они сами сознали нужное правило, и только в случае нужды помочь им высказать его”⁶, - отмечал П. Завадский.

После студенческих волнений в апреле 1858 г. ряд участников организаций были исключены из Харьковского университета, а некоторые покинули его добровольно, чтобы продолжить обучение в других городах страны. Во второй половине 1858 г. центр тайного общества переместился в Киев в связи с переездом группы его членов во главе с Я. Бекманом и основанием там совместно со студентами Киевского университета нелегальной студенческой организации, сохранившей тесные контакты с Харьковом. На этом этапе деятельности участниками тайного общества была реализована вызревшая ранее в среде студенческой молодежи идея создания воскресных школ для народа. Основание воскресных школ, в которых студенты бесплатно обучали грамоте детей и взрослых из беднейших слоев населения, явилось одной из замечательных страниц в истории Харьковско-Киевского тайного общества. Первая воскресная школа была открыта в Киеве в октябре 1859 г. Вскоре по примеру киевских студентов воскресные школы были основаны в большинстве губернских и многих уездных городах России.

Важным источником для изучения деятельности воскресных школ в Киеве является частная газета “Киевский телеграф” (1859-1876 гг.), издаваемая отставным подпоручиком А. А. Фон-Юнком. Сотрудником редакции газеты с августа 1859 г. стал Я. Бекман, что позволило ему единомышленникам помешать свои заметки и корреспонденции на страницах этого либерального издания. История основания первой воскресной школы раскрыта в статье “Несколько слов о бесплатных воскресных классах” за подписью “студент А. Ш.”. Есть основания предполагать, что автором ее был А. Шиманов, который обычно подписывал свои работы инициалами А. Ш., о чем свидетельствуют материалы его личного архива⁷. Автор подробно знакомил читателей с методами преподавания в воскресной школе и отмечал, что “цель этого предприятия в высшей степени благородна и вполне достойна молодых людей, идущих во

главе народного просвещения”⁸. В отделе газеты “Внутренние известия” Я. Бекман выразил глубокую благодарность от имени студентов за помощь в создании воскресных школ профессору Киевского университета П. В. Павлову и заявил, что эта идея “без его содействия не могла бы осуществиться”⁹. На страницах “Киевского телеграфа” в течение 1859-1860 гг. студенты постоянно помещали отчеты о деятельности воскресных школ, сведения о социальном и национальном составе учащихся, данные об учителях¹⁰.

В воскресных школах Киева активно работали также студенты, не входившие в состав тайного общества, но разделявшие идею необходимости развития народного просвещения. Среди них ведущее место принадлежало участникам Киевской громады, основанной на рубеже 50-60-х гг. XIX в. и состоявшей из студентов и преподавателей университета, учителей гимназии, врачей, мелких чиновников. Так, данные “Отчета о состоянии Киево-Подольской воскресной школы”, опубликованные в газете “Киевский телеграф” 27 февраля 1860 г., свидетельствуют о работе в ней громадовцев Ф. Левицкого, П. Чубинского, К. Бутовича, автора “Южно-русского словаря” К. Шейковского. Совместное сотрудничество в воскресных школах студенческой молодежи Киева продолжалось вплоть до их закрытия правительством в 1862 г.

“Киевский телеграф” является ценным источником для изучения взглядов радикального крыла Харьковско-Киевского тайного общества на события международной жизни. С августа 1859 г. по февраль 1860 г. отдел “Политическое обозрение” постоянно вел Я. Бекман. Середина XIX в. была богата яркими политическими событиями: борьба за освобождение и объединение Италии, гражданская война против рабства в Соединенных Штатах Америки, освободительное движение славянских народов против турецкого владычества, борьба угнетенных народов Австрийской империи, подъем рабочего движения в Англии, Германии, Франции. Все эти события давали обильный материал и широкие возможности для освещения в подцензурной печати как особенностей развития зарубежных стран, так и наболевших проблем Российской действительности. Неслучайно в циркуляре министра внутренних дел, направленном в 1862 г. в местные цензурные комитеты, подчеркивалась необходимость тщательной цензуры политических отделов и журналов ибо, как отмечалось в документе, “самые революционные теории народностей и какое бы то ни было движение

против всех возможных правительств находят там не только сочувствие, но и одобрение”¹¹.

Анализ содержания материалов “Политического обозрения” Я. Бекмана позволяет сделать вывод об особом внимании автора к национальному вопросу. Публицист неоднократно подчеркивал, что “вопросы национальные выдвинулись теперь в политике на первый план” и не замечать этого, по убеждению автора, можно “только с новизкой на глазах”¹². Я. Бекман предпринял попытку подвести теоретическую базу под сформулированную им проблему и предложил свое определение понятия “народность”. Стремясь сделать это определение более доступным для читателей газеты, он провел параллель между процессом формирования отдельной личности и народности: “Народность - это та же личность, только собирательная. Как личность образуется под влиянием окружающей природы, воспитания и обстоятельств: так и народность есть произведение географического положения, климата и почвы страны, в которой досталось жить известному народу, и исторических обстоятельств, среди которых проходит его жизнь”¹³. Понятие “народность” Я. Бекман употреблял как тождественное понятию “нация”. В то же время он указывал на исторический характер формирования народности, которая, как отмечалось в статье, “вполне проявляется только тогда, когда народ достигнет известной степени развития: у диких нет собственной народности”¹⁴.

Внимание Я.Бекмана было приковано к освободительной борьбе порабощенных народов, входивших в состав Австро-Венгрии и Османской империи, которые для читателей середины XIX века служили своего рода “зеркалом” России. Публицист отмечал “неестественность существования таких государств, как Австрия и Турция, основанных единственno на силе, неспособных ни к какому дальнейшему развитию, и своей мертвенностю давящих движение и развитие разнообразных народностей, входящих в их состав.”¹⁵ Он утверждал, что “поддержание искусственных государств слишком дорого обходится всем и приносит один вред.”¹⁶.

В существовании империй, объединенных силой оружия, Я. Бекман видел “больные места Европы, откуда постоянно грозит опасность”, а единственный выход из нее и основу дальнейшего развития угнетенных народов связывал с представлением им права “самим устраиваться, как они желают и как сумеют”¹⁷. На страницах либеральной газеты он сформулировал одно из важнейших

положений революционно-демократической программы - право наций на самоопределение. "Признание этого принципа имеет огромное значение: оно решит много вопросов, которые, по всей вероятности, не замедлят вскоре возникнуть, положит конец существованию искусственных государств и прекратит человеческие жертвоприношения для каких-то никому неведомых высших интересов"¹⁸, - подчеркивал автор.

Будучи противником всех форм угнетения, Я. Бекман ряд материалов "Политического обозрения" посвятил борьбе против рабства в США. Большая часть из них содержит сведения о восстании рабов в Харперс-Ферри под руководством Д.Брауна и расправе правительства с восставшими¹⁹. Основные причины поражения отряда Д.Брауна автор видел в "преждевременности выступления" и малочисленности восставших.

Анализ материалов "Политического обозрения" свидетельствует о том, что Я. Бекман, исходя из политической ситуации середины XIX в., не верил в возможность с помощью правительственные реформ решить назревшие социальные и национальные проблемы. В период, когда правительство России вплотную приступило к подготовке крестьянской и ряда других реформ, он выступил, используя как обычно пример Австрии, против преобразований, проводимых "сверху". "Мы вообще не можем понять, каким образом кто-нибудь может еще верить в австрийские реформы", - писал Я. Бекман. Поясняя свою мысль, он подчеркивал, что Австро-Венгрия, как и любая империя, понятие только географическое, и ее обширной территорией, на которой проживают различные народы, правит "Лотарингско-Габсбургская династия, гордость немецких аристократических фамилий, чиновники и корпус офицеров, составленный из выродков и отщепенцев всех наций, часть католического духовенства"²⁰, в руках которых и находится судьба реформ. Но именно они, считал Я.Бекман, составляют ту силу, которая "опираясь на сплоченную кое-как и систематически развращающую 800-тысячную армию, разоряет, гнетет, давит итальянцев, венгров, чехов, русинов, сербов и т.д. Какие же тут возможны реформы?"²¹.

Я. Бекман внимательно следил за развитием событий в Италии и постоянно помещал сообщения о них на страницах "Киевского телеграфа". Симпатии публициста были на стороне "партии действия", возглавляемой Д.Гарибальди. Он попытался выявить причины затяжного характера освободительной борьбы и

объединительного движения в Италии. "Оппозиция чужеземному господству и домашней тирании, давно возникшая в Италии, проявлялась в тайных обществах, заговорах, народных восстаниях, но силы ее были рассеяны и действовали неодновременно. Чувствовался недостаток центра, вокруг которого можно было собраться, точки опоры в борьбе против внутренних и внешних врагов"²², - подчеркивал автор. Таким "единым центром", по его мнению, должна была стать "партия гарибальдийцев". Я.Бекман высоко оценивал заслуги ее руководителя и отмечал, что "Гарибальди, бесспорно, одна из величайших личностей нашего времени", а его роль в судьбе Италии сравнима с ролью Д. Вашингтона в истории США.²³

Я.Бекман выступил в прессе с осуждением деятельности на международной арене государств - участников Венского конгресса и Священного союза. Он заявлял, что последующие конгрессы этих стран "приобрели печальную известность: на них решено было подавление народного движения в Германии, возбуждаемого войною за независимость, усмирение Испании, восставшей против светского и духовного деспотизма, Неаполя, Пьемонта и других итальянских государств"²⁴. Являясь последовательным сторонником освободительной борьбы европейских народов, Я. Бекман защищал принцип невмешательства государств во внутренние дела друг друга, одним из факторов утверждения которого считал необходимость для всех стран "расстаться навсегда с политикой вооруженного насилия, завещанной блаженной памяти Венским конгрессом"²⁵. Комплексное изучение материалов "Политического обозрения" Я.Бекмана в газете "Киевский телеграф" позволяет глубже понять многие положения политической программы Харьковско-Киевского тайного общества.

Периодическая печать Украины середины XIX века служит источником для изучения позиций участников тайного общества по вопросам украинской истории и культуры. Члены организации в своей деятельности большое внимание уделяли изучению обычаяев, истории, языка, быта украинцев, полагая, что эти данные в совокупности раскрывают духовные качества украинского народа и позволяют проследить национальные традиции. Во время каникул они собирали украинские народные песни, сказки, пословицы в различных губерниях Украины. Обработанные материалы студенты публиковали на страницах прессы. В течение 1859 г. в "Черниговских Губернских ведомостях" печатался цикл статей П.

Ефименко "Памятники украинской народной словесности". В него вошли украинские обрядовые песни, записанные автором в Харьковской и Таврической губерниях, а также пословицы и поговорки, собранные им в пяти губерниях Украины. Цикл статей был опубликован на украинском языке, но в силу того, что цензура резко ограничила сферу применения украинского языка в периодической печати, авторские пояснения к нему сделаны на русском. В 1860 г. П. Ефименко продолжил публикацию собранного материала, озаглавив его "Додаток до українських помовок та погуток". Пословицы и поговорки, помещенные в № 6-13 за 1859 г., а также № 23-26, 38-40 за 1860 г. "Черниговских губернских ведомостей" отражали в большинстве своем бедственное положение украинского крестьянства. Так, без пояснений приведена П. Ефименко пословица: "І моя душа не з лопуцька, хоче їсти, як людська", однако поговорку, записанную им в Таврической губернии: "Богато панів, а на греблю дати і нікому" он подробно прокомментировал: "В Новороссийском крае, в иных местах берут плату с простого народа за переход через плотины, а у панов, если сами дать не хотят, требовать не осмеливаются"²⁶, объяснял автор. В "Черниговских губернских ведомостях" П. Ефименко и А. Тышинский неоднократно помещали записанные ими народные сказки и легенды, выявленные исторические документы и т.д.

В феврале 1860 г. многие участники тайного общества были арестованы и после кратковременного содержания в Петропавловской крепости в Петербурге по личному распоряжению Александра П отправлены в ссылку в разные города страны. Но и после ареста А. Тышинский и П. Ефименко продолжали сотрудничество в периодических изданиях Украины. В начале 60-х гг. XIX в. они стали корреспондентами частной газеты "Черниговский листок" (1861-1863 гг.), которую редактировал известный украинский баснописец Л. И. Глибов. На страницах газеты много внимания уделялось работе воскресной школы Чернигова, организаторами которой были Л.И. Глибов и ближайшие сотрудники редакции И. Дорошенко и А. Тышинский. Одна из первых статей А. Тышинского в "Черниговском листке" называлась "Несколько слов о школе в с. Голубичах" и была посвящена рутинной системе обучения в сельских школах. Автор отмечал, что в большинстве сельских школ детей учат священники на церковнославянском языке, по старой буквенной системе, которая уже не употребляется, что не способствует распространению

грамотности в народе.²⁷ Газета выступала за развитие украинского языка и культуры. В корреспонденциях П. Ефименко ведущее место занимала по-прежнему фольклорно-этнографическая тематика.

Таким образом, материалы прессы Украины конца 50-х - начала 60-х гг. XIX в. существенно расширяют источниковедческую базу изучения позиций и деятельности участников Харьковско-Киевского тайного общества, предоставляют историку возможность проследить процесс формирования ряда важнейших положений политической программы этой организации.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Барабой А.З. Харьковско-Киевское тайное общество 1856-1860 гг.// Исторические записки.-1955.-Т.52; Марахов Г.И. Социально-политическая борьба на Украине в 50-60-е годы XIX века.-К.,1981; Руденко Л.О. Роль Харківсько-Київського таємного товариства у формуванні революційно-демократичної ідеології /1856-1860 рр. / . // Політологічний вісник. Матеріали Всеукраїнської науково-методичної конференції "Політична думка в Україні: минуле і сучасність".-К.. 1993 и др.
- ² Харьковские губернские ведомости.-1858.-8 марта; 26 апреля; 3,10, 17 мая; 14, 21 июня.
- ³ Там же.-26 апреля.
- ⁴ Там же.
- ⁵ ЦГИА Украины.-Ф.2063.-Оп.1.-Д.29.- Л.1-6.
- ⁶ Харьковские губернские ведомости.-1858.-8 февраля.
- ⁷ ЦГИА Украины.-Ф.2063.-Оп.1.-Д.4.-Л.1-3; Д.29.-Л.1-2.
- ⁸ Киевский телеграф.-1859.-18 ноября.
- ⁹ Там же.-23 декабря.
- ¹⁰ Там же.-1859.-7 октября; 7,18 ноября; 1860.-27 февраля, 10 июля, 9, 26 октября, 23 ноября.
- ¹¹ ЦГИА Украины.-Ф.293.-Оп.1.-Д.813.-Л.105.
- ¹² Киевский телеграф.-1859.-29 августа.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.-1859.-10 октября; а также: 1860.-6 февраля.
- ¹⁶ Там же.-1859.-22 августа.
- ¹⁷ Там же.-1859.-10 октября; 1860.-3 января.
- ¹⁸ Там же.-1860.-3 января.
- ¹⁹ Там же.-1859.-11,14 ноября, 5,9, 23 декабря.
- ²⁰ Там же.-26 августа.

²¹ Там же.

²² Там же.-3 сентября.

²³ Там же.-14 ноября.

²⁴ Там же.-5 сентября.

²⁵ Там же.-1860.- 3 января.

²⁶ Черниговские губернские ведомости.-1859.-16 февраля.

²⁷ Черниговский листок.-1861.-18 февраля.

С.В.МИЛЕВИЧ

“ВЫЕЗЖИЕ” ДВОРЯНСКИЕ РОДЫ В РОССИИ

Прежде чем приступить к рассмотрению данного вопроса, следует уточнить, что под “выезжими” родами имеются ввиду те, которые ведут свое начало от иностранного предка, то есть считают своим родоначальником человека, некогда выехавшего в русские земли, здесь обосновавшегося и давшего новые ответвления. Известный русский генеолог Савелов Л.М. по приложениям к Бархатной книге подсчитал, что в нее вошли: 33 рода, основатели которых выехали из России; 96 родов невыезжавших и не связанных с иностранными предками; 804 рода - “выезжие” (наибольший процент примесей татарских, литовских, польских)¹. Карнович Е.П. все российское дворянство производит из иноземцев, хотя и подчеркивает их обрусение². Мы не будем заниматься определением процента иностранной крови в российском дворянстве. Еще Ключевский В.О. заметил, “что национальности и государственные порядки завязываются не от этнографического состава крови того или другого князя...”³. Отметим только, что иностранцы на Руси традиционно почитались и оставили свой след в российской политической истории, особенно в переломные моменты. Даже при поверхностном, ретроспективном взгляде на проблему, можно выделить несколько этапов активного притока иноземцев с последующим их включением в политическую жизнь и государственные структуры страны.

Начальные страницы политической истории Древнерусского государства, как и легенды о происхождении великолкняжеской (в последствии царской) династии, связаны с варягом Рюриком. Можно сколь угодно спорить о призвании варягов на Русь и их роли в политической истории Древнерусского государства, но

неоспоримым является тот факт, что представители правящей до конца XVI века династии считали себя Рюриковичами, то есть выводили свой род от иноземца, что и получило свое официальное подтверждение в Государевом Родословие. В этот период характерен приток иноземцев норманнского происхождения из военной среды; в церковной и культурной сферах - из Византии. Нельзя не учитывать и влияние "Великой степи" (хазары, печенеги, половцы).

Второй период иноземного нашествия, причем, в прямом смысле этого слова, связан с татаро-монголами. Хронологически это XIII-XIV вв. Иностранцы этого времени, как правило, выходцы из Орды, потомки ордынских мурз, потерявшие власть. Они переходили на службу Литве, Москве, реже - другим владельцем князьям.

Следующий этап охватывает XV-XVII вв. Это время существования Российской централизованного государства, когда противоречиво, но тесно развивались отношения России с Великим Литовским княжеством и Польшей, а на восточных рубежах - с ордынскими ханствами. На протяжении XVI в. к России были присоединены земли, ранее принадлежавшие Литве или Орде, что повлекло за собой усиление пестроты этнического состава российского государства, особенно после ликвидации Казанского, Астраханского и Сибирского ханств. Именно в это время появились роды, которые условно можно назвать "дважды выезжими": из Орды в Литву, затем в Россию (реже Орда-Россия-Литва). В этом плане показателен род князей Глинских - литовских выходцев татарского происхождения, игравших первейшую роль при малолетнем Иване I.

До XVII в. выезжали индивидуально или родом (или с дружиной, войском). В социальном плане среди иноземцев достаточно четко прослеживается два слоя: незнатные, небогатые люди, чаще военные, авантюристы, а также представители княжеских династий, главным образом Литвы и Орды (потомки, утратившие власть, представители боковых ветвей правящих родов). Оба слоя выезжали в поисках лучшей доли, но в княжеской среде встречались и князья-эмигранты, вынужденные бежать по политическим причинам.

Со второй половины XVII в. в Россию усиливается приток иностранцев европейского происхождения, которые играли значительную роль в развитии российской науки и искусства. К

этому времени понятие рода постепенно изживает себя, начинается новый период российской истории, связанный с формированием структур абсолютной монархии, позднее - династическими проблемами, появлением иностранцев у российского престола. Этот период имеет свою специфику и требует самостоятельного изучения. Мы же ограничимся, главным образом, временем Российской централизованного государства, когда шло формирование служилого слоя, социально-политической иерархии правящего класса.

Анализируя историко-фактический материал, касающийся интересующей нас проблемы, можно выделить некоторые общие черты. Появление иноземцев не носило характера массовой эмиграции, колонизационного процесса или насилиственного вторжения (за исключением войн). Распространенным явлением были быстрая ассимиляция с местным населением, разрыв связей с этнической родиной, включение в социально-политическую структуру, значительная роль в политической и культурной жизни, но не от лица иностранного государства, а как подданных России. Обрусение шло динамично, но не репрессивными методами, то есть не было создано специального военно-полицейского или какого другого аппарата для контроля за этим процессом, не существовало специальных законов, регламентирующих его. "Естественность" обуславливала личной заинтересованностью, а именно, включением представителей "выезжих" родов в формирующуюся социально-политическую и придворную структуру Московского государства. Для Московского Двора, ставшего центром объединительного процесса, главную роль играли не этнические корни, а время перехода на московскую службу и личная преданность. Это определило специфику состава старомосковского дворянства, о родоначальниках которых Ключевский В.О. писал, что они "сошлись в Москву чуть не из всех углов Русской земли, даже из таких, где в те века еще очень мало пахло Русью"⁵. В середине-конце XV века при дворе московского государя среди лиц, занимавших ведущие позиции, были Патрикевичи-Гедиминовичи из Литвы, Сабуровы-Годуновы, Давыдовы-Бутурлины из Орды, Ховрины-Головины из Крыма, Колычевы-Кошкины из Пруссии⁶. Именно из этих родов в значительной степени формировался состав окольничих (второй чин московского государства), а первый чин - бояр - в преимуществе своем закрепился за потомками удельных князей из Рюриковичей.

В среде старомосковского дворянства, составляющего ядро государственного аппарата и отразившего состав всего класса землевладельцев, можно выделить несколько этногенеалогических групп (слоев). Первая представлена князьями Рюрикова дома. Это потомки бывших великих и удельных князей: Стародубские, Ряполовские, Шуйские, Оболенские, Звенигородские и другие, перешедшие на службу Москве еще в XIV в.⁷ Эта категория князят вряд ли может быть отнесена к “выезжим”, даже если признать варяжское происхождение Рюрика и его потомков, поскольку они прошли тот же путь становления и развития, что и Древнерусское государство.

Второй слой представлен выходцами из рода Гедиминовичей (“выезжие” из Литвы), от которых уже на московской службе пошли князья: Хованские, Патрикесы, Булгаговы (от них Куракины и Голицыны), Щенятыевы, Колышковы и другие.⁸ Гедиминовичи относительно рано (по сравнению с потомками великих и удельных князей) перешли на московскую службу, не имели крупных земельных владений в Северо-Восточной Руси, были прочно связаны с московским великокняжеским двором и государственной службой. К середине XVI века они срослись с местной боярской аристократией, занимая верхнюю ступень внутрисословной иерархии (Бельские, Патрикесы, Мстиславские). К концу XIX века примерно из 250 ученных княжеских родов 40 были Рюриковичи и Гедиминовичи.⁹

К третьему слою, в соответствии с внутрисословной иерархией можно отнести роды русского происхождения, как правило, нетитулованные, но близкие к московскому двору, прошедшие с ним период становления. Они не относились к “выезжим” родам и мы не будем останавливаться на их характеристике.

К нетитулованной московской знати относятся и представители двух следующих слоев. Это “выезжие” из Европы и Орды. Европейский контингент представлен главным образом выходцами из Польши и Пруссии. Остановимся более подробно на выезжих “из прусс”, поскольку именно оттуда ведет свое генеалогическое начало род Романовых, давший России в начале XVII века царствующую династию. Легенда о “выезде из прусс” в начале XIII века Гланда Камбили Дивоновича и Михаила Прушанина, от которых ведут свое происхождение роды Кобылинских, Кошкиных, Колычевых, Захарьиных, Романовых, Неплюевых. Шереметьевых получила подтверждение в современных работах. Интересное геральдико-генеалогическое

исследование в этом направлении провел Кулаков В.И., проанализировавший родовые гербы и их истоки родов Романовых и Прушинных и установивший их геральдические связи с Пруссией, косвенно подтвердив “выезд” из прусс в XIII веке Гланда Камбили и Михаила Прушанина, а также их происхождение из среды знатных дружинников¹⁰.

Аналогичное исследование, но на более позднем материале было проведено В. Егоровым, который проанализировал гербы цесаревича Алексея Николаевича (сына Николая II) и его зарубежных родственников (всего 63 персоны)¹¹. Составив интересную генеалогическую схему на базе гербов (геральдическую родословную), он выдвинул теорию о том, что применительно ко всем европейским династиям, включая российскую, по сути неправомерна постановка вопроса о национальности в обыденном понимании смысла этого слова¹², как неправомерно и обвинение в том, что страной правят иноземцы, учитывая специфику равнородного брака, когда выбор партнеров объективно сводился к тому, чтобы сочетаться браком внутри своей семьи или с иноземцем.

Последнюю группу “выезжих” представляют роды татарского происхождения, в числе которых Сабуровы, Годуновы, Вельяминовы, ведущие свой род от мурзы Четь, крестившемся при Иване I; Бибиковы - от татарина Жидимира, выехавшего из Синей Орды к великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому; Болтины - от мурзы Кутлуга, выехавшего из Большой Орды в XV веке¹³; Нарбековы, Державины, Парецкие, считавшие, своим генеалогическим предком мурзу Багрима¹⁴. Обособленно стоят потомки ордынских ханов, преходящие на московскую службу и после принятия христианства получающие титул князя, но не игравшие какой-либо значительной роли в политической жизни Российского государства. Карнович Е.П. насчитал в конце XIX века до 100 таких фамилий (татарского и мордовского происхождения¹⁵).

Рассматривая историю выезжих родов, мы сталкиваемся с понятием генеалогической легенды. Выделяются две группы выезжих родов: 1. С достоверным генеалогическим прошлым. Их родоначальники датируются не ранее XII-XIII вв. и от него прослеживается непрерывная ветвь к потомкам. 2. С легендарным прошлым, характеризующимся неподтвержденными генеалогическими связями с родоначальником, его неясным социальным статусом. Хронологический разрыв от упоминаемого в легенде

основателя до первого представителя этого рода, происхождение которого подтверждено документально может составлять несколько сот лет. Например, род Багратидов ведет свой отсчет от рода персидских сатрапов Оронтидов (IV в. до н.э.), а достоверное родословие доходит до VIII в. н.э.¹⁶ Хрестоматийный пример - ничем не доказуемое провозглашение Рюрика потомком в 14 колене от Пруса, брата римского императора Августа или Гланда Кабилы - от прусского короля Вейдевуга (начало IV века н.э.) Вопрос о генеалогических легендах в российской политической истории имел политическое звучание. Такие легенды ставили "выезжих" из незнатного рода, но близких к Московскому Двору и возвысившихся вместе с ними в период политической централизации, вровень с местной великокняжеской и удельной знатью, позволяли обходить условияности местничества, то есть местничать с бывшей родовой знатью, например, если род велся от татарского мурзы. Легенды о происхождении вносились в родословцы, становились официальными и могли служить доказательством в тяжбах о генеалогических корнях рода, даже несмотря на хронологические несовпадения с другими источниками. Например, согласно официально утвержденной родословной легенде, родоначальником Новосильцовых - бояр первых московских князей, внесенных в Государев родословец, является Шель, приехавший в 1375 году из Свейского королевства (Швеция) в Польшу, а затем в Москву к Дмитрию Донскому и крестившийся под именем Юрий. В Государевом родословце легенды нет, а родоначальником назван Шалай, в источниках XVI века упоминается выезд "из немец". Не сходятся и даты: сын Юрия Шалая (Шеля) Яков Юрьевич Новосилец упоминается в русских летописях в 1374 году как окольничий и наместник только что построенного г. Серпухова¹⁷. Белеутовы выводили себя от князя Редеги, названного ордынцем, а по летописям это имя принадлежало касожскому князю XI века, потомок которого звался Ондрей Одинец, а сын его прозван Белеутом. Не случайно "всплеск" легенд о происхождении рода и их официальное оформление приходится на середину - вторую половину XVI века - время завершения формирования Боярской Думы, Земского Собора, местничества.

Политические цели имели "заказные" генеалогические легенды. Например, возвышение рода Глинских, к которому принадлежала мать Ивана IV, позволило включить его в Государев родословец наряду с Рюриковичами. Из более поздней истории

широко известны специально созданные и официально признанные генеалогические легенды о родах Потемкиных¹⁸, Скавронских¹⁹.

Распространенным приемом, к тому же практически не проверяемым документально, становится практика выведения рода от древнего однофамильного, но пресекшегося. Так, князья Воронцовы, возвысившиеся в XVIII в., считали себя происходящими от легендарного Симона Африкановича, выехавшего из немцев в XI веке. Общий гербовник поддержал эту легенду, несмотря на хронологический разрыв от легендарного предка до точно установленного не менее пяти столетий, поскольку это соответствовало политическим интересам царствующих особ и их ближайшего окружения. Однако, известный генеалог Долгоруков П. считал, что тот род пресекся в 1587 году, а возвысившиеся в XVIII веке Воронцовы происходят от стрелецкого сотника Гаврилы Никитича Воронцова, убитого в 1678 г.²⁰ Достоверно доказать ни одну из версий невозможно.

Интересен вопрос о фамильных прозваниях иностранных родов в России. Однозначно определиться невозможно, однако, прослеживается ряд характерных черт. Так, выясняется, что время “выезда” влияло не только на социально-политический статус и место в придворной иерархии, но и на закрепившуюся за родом фамилию. Имело значение до или после оформления фамилии был совершен переход, то есть, “выехал” уже с фамилией или получил ее, находясь на русской службе в соответствии с местными традициями. Если “выезд” состоялся до XVI века, когда в России еще не завершился процесс оформления фамилий и род разрастался уже на московской службе, то за одним “выезжим” родом в разных поколениях закреплялось несколько фамилий, обычно никак не связанных с этническим происхождением родоначальника. В этом плане показателен пример образования фамилии Романовых, предок которых выехал в XIII веке, а его потомки еще в XVI веке не имели постоянной фамилии. Гланд Камбила, получивший после крещения имя Иван, имел сына, который звался Андреем Ивановичем Кобылой. Его пять сыновей стали родоначальниками семнадцати русских дворянских родов. В первом колене Андрей Иванович и его сын прозвывались Кобылинами, Федор Андреевич и его сын Иван - Кошкинами, сын последнего Захарий - Кошкиным - Захарьиным, его потомки просто Захарьинами. С VI колена Юрия Захарьевича Захарьина их стали величать Захарины - Юрьевы. Дети Петра Яковлевича и его брата Василия в шестом, седьмом и восьмом

коленах прозвывались Яковлевыми, с Романа Юрьевича - Захарьевыми - Романовыми и, наконец, - Романовыми / начиная с деда первого русского царя из этого рода/. Аналогичные процессы наблюдались и в других родах. Среди потомков Индриса в XVI в. были Толстые-Милославские, Голенищевы-Кутузовы-Толстые, Васильчиковы, Даниловы, Молчановы, Тухачевские ²¹. Потомки немца Дола носили родовые прозвания Свечиных, Яхонтовых, Левашовых; литовца Лаховича - Лихачевых и Краевских²².

В случаях, когда иностранец уже имел фамилию, применялись различные способы ее русификации. Одним из таких приемов была запись иностранной фамилии в русской транскрипции, иногда с незначительными изменениями /в первую очередь в окончании/. Так, итальянцы Чичери и Кассини, приехавшие с невестой Ивана III Софьей Палеолог в Москву, превратились соответственно в Чичерина и Кашкина /Кашкевича/, итальянцы Баско и Брюло - в Баскова и Брюлова. По-своему уникально превращение английской фамилии Гамильтон в русскую Хомутов /Гамильтон-Гамантов-Гаматов-Хомутов/, немцев Мейсенских в князей Мышецких /Мейсенские-Мисницкие-Мышницкие-Мышецкие²³.

Часто иностранные фамилии записывались с включением добавочных приставок, принятых в ряде европейских стран /Макшотландские фамилии, Фон - немецкие, Де - французские, Фиц - ирландские/. Так, Кос-фон-Дален стал Козодавлевым, фон Берланд - Фонберладовым, фон Визен - Фонвизиным, фон Мегден - Фомединым, де Гур - Дегуровым, де Рихмонд - Деримонтовым /затем Дермидонтовым/. По тому же принципу в фамилии "выезжих" из Азии включались титулы - хан, бек, мурза: Муханов /Му-хан/, Бибиков /Би-бек/, Карамзин /Кара-мурза/.

Интересна практика перевода иностранных фамилий на русский язык, иногда - наоборот. Это явление чаще всего встречается в среде деятелей культуры. Так, известная в свое время актриса Лесогорова в переводе на немецкий стала Вальдберг, певица Цветкова на итальянский манер зазвучала как Фиоротти.

Специального исследования требует вопрос о гербах и титулах представителей выезжих родов. Для России этот вопрос становится особенно актуальным в послепетровский период, когда уже исчезает понятие рода. В порядке замечания можно отметить, что гербы строились в соответствии с российской традицией, но сохраняли черты, позволяющие проследить их этнические корни. В случаях, когда не было присвоено российское дворянство,

сохранялся статус титулованного иностранного рода, оставался без изменения и герб.

В отношении титулов иноземцев прослеживаются две линии. Родовые титулы, отражавшие владетельные права их носителя, в России обычно становились княжескими /европейские маркграфы, ордынские ханы, мурзы и т.д./. Вообще же титулы иноземцев должны были подтверждаться российским императором, особенно после введения Петром Великим в России жалованных титулов европейского образца (князь, граф, барон). Носители непринятых в России титулов (баронет, маркиз, виконт) обычно утверждались в нетитулованном российском дворянстве или считались носителями иностранных титулов, неподтвержденных грамотами. Известны случаи, когда почетным гражданам разрешалось пользоваться баронским титулом без присвоения российского дворянства (бароны Менд, Гинцбург)²⁴.

В заключении можно отметить, что к последней четверти XVIII века иностранное происхождение на официальном уровне считалось “естественным”, что отразилось в составлении общей формы для родословных книг (после 1785 года), которая предписывала указывать о родоначальнике “выехал в Россию оттуда-то при великом князе таком-то”, а IV часть родословных книг называлась “иностранные дворяне, признанные российским императором во дворянстве”. Вместе с тем, можно отметить, что русские дворяне в XIX веке в соответствии с действующим законодательством (указы 1846, 1856, 1876, 1891 годов) не могли принимать фамилий, гербов и титулов, передаваемых им от иностранных подданных.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Савелов Л.М. Лекции по русской генеалогии, читанные в Московском Археологическом институте. Второе полугодие.- М.,1908.- С.13.

² Карнович Е.П. Слияние иноземцев с русскими// Карнович Е.П. Родовые прозвания и титулы в России.-СПб.,1886./Переизд.: М.,1991.- С. 231-250.

³ Ключевский В.О. Неопубликованные произведения.-М.,1983.- С.114.

⁴ Основателем рода Глинских считается “казак Мамай”, то есть один из потомков Мамая, где-то на Волыни перешедший на сторону Литвы, принявший православие и сделавший карьеру. В 1508 году Михаил Глинский перешел на службу к Москве.

- ⁵ Ключевский В.О. История сословий. Соч. В 9 т.-Т.6.-М.,1989.-С.317.
- ⁶ Там же.-С.318, 321, 426.
- ⁷ Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV века - первой трети XVI века.-М.,1987.-С.29-97.
- ⁸ Там же.-С. 29.
- ⁹ Шепелев Л.Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи.-Л., 1991.-С.58.
- ¹⁰ Кулаков В. И. Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам “из прусс” // Генеалогия: источники, проблемы, методы исследования.-М.,1989.-С.7-8; Его же: Истоки геральдики российских “выезжих из Пруссии” родов// Гербовед.-№ 4, 2 1993.-С.50-61.
- ¹¹ Егоров В. Геральдическая родословная цесаревича Алексея Николаевича //Там же.-С.15-25, иллюстрации с.10-11.
- ¹² Там же.-С.15-16.
- ¹³ Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. Происхождение русского дворянства.-СПб.,1898.-С.10,13,14.
- ¹⁴ Бычкова М. Первый дворянский герб// Гербовед.-№ 4.-2.-1993.-С.36.
- ¹⁵ Карнович Е.П. Указ. соч.-С.237.
- ¹⁶ Думин С. Герб их высочеств князей Багратион-Мухранских // Гербовед.-№ 4-2.-1993.-С.26-32; Его же: Древний род Багратидов / / Дворянский вестник.-№1.-1992.-С. 5.
- ¹⁷ Морозов Б.Н Новосильцовы // Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып.1 /45/.-1993.-С.32-39
- ¹⁸ Подробную роспись рода Потемкиных, неподтверждаемую документально см.: Савелов Л.М. Лекции..., Первое полугодие.-С.28-31.
- ¹⁹ Марта Скавронская - императрица Екатерина 1 /1725-1727 гг./.
- ²⁰ Подробнее см.: Савелов Л.М. Статьи по генеалогии.-С.23-24.
- ²¹ Летопись Историко-родословного общества в Москве. Вып. 1/ 45/.- 1993.-С.80-81.
- ²² Карнович Е.П. Родовые прозвания.-С.69.
- ²³ Княжеский титул Мышецкие - Мейсенские приобрели в связи с тем, что их родоначальник, выехавший в 1425 г. был маркграфом.
- ²⁴ Рикман В.Ю. Сословие почетных граждан и его генеалогия// Летопись историко-родословного общества в Москве. Вып. 1/45/.-1993.-С.62-64.

А.М. ШАБАНОВА

**ГЕОГРАФИЯ ДЕРЕВЕНСКИХ ПРОМЫСЛОВ ЮГА
ОБОНЕЖЬЯ В XVII В.**

Крестьянские промыслы - важная составная часть экономики России. Успехи экономического развития, достигнутые страной в XVII в., неразрывно связаны с прогрессом мелкой промышленности в деревне. Изменения в крестьянских промыслах и ремеслах, являвшихся наиболее подвижной частью крестьянского хозяйства, оказывали серьезное воздействие на экономику страны. В XVII в. существенно изменилась эконом-географическая карта России: формировались очаги промышленности, районы с земледельческой специализацией, интенсивно протекала миграция населения к промышленным центрам и в сельскохозяйственные районы. Углубление хозяйственной специализации районов страны способствовало расширению внутреннего рынка¹. Отчетливо эти процессы прослеживаются на Северо-Западе России, в районе, который издавна отличало значительное развитие неземледельческих занятий населения. В большой степени этому способствовала географическая среда. Край был щедро наделен природными ресурсами. В то же время климат не благоприятствовал земледелию. Здесь развивалась как добывающая, так и обрабатывающая промышленность. Последняя базировалась не только на природных запасах, но и на продуктах сельского хозяйства и животноводства². Втягивание населения в промысловую и торговую деятельность изменяло хозяйственный облик как отдельных поселений, так и целых районов. Наибольшее значение приобрела крестьянская железоделательная промышленность. Уже в XVI веке в крае велась не только широкая торговля сырьем, полуфабрикатом (крицами, укладом, прутовым железом) и изделиями из металла, но намечается и районирование производства³. Потребность экономики в металле и изделиях из него способствовала быстрому прогрессу металлургии в XVII в., четкой порайонной локализации промысла. На Юге Обонежья ими были Посвирье и Центрально-Тихвинский - по течениям Свири, Сяси, Паши, ее притоку Капше с погостами Важенским (особенно Лоянская волость), Остречинским,

Ярославичским, Веницким, Оштинским (особенно Ладвинская волость), Тихвинским (особенно Тихвинская волость), Пацким-Кожельским (особенно Пацкая волость), Капецким, Липенским, Шизенским, Явосемским, Дымским. Сложилась порайонная производственная специализация в изготовлении полуфабрикатов и готовых изделий, углублявшаяся на протяжении столетия. В Оштинском погосте - крицы и прутовое железо, в Важенском, Остречинском и Мегорском - прутовое железо и уклад. Особенno славилось "важенское" и "лоянское" прутовое железо. Районом широкого производства уклада и прутового железа в течение XVII ст. были Заонежские и Лопские погосты. На торгах это железо именовалось "олонецким" и "лопским"⁴. В XVII в. происходил процесс отделения добывающих промыслов от обрабатывающих, который в Тихвинском районе завершился к концу столетия, в результате чего кузнецы Тихвинского посада перешли исключительно на выработку уклада и изделий из него, а добыча и выплавка руды, приготовление криц стали делом сельских ремесленников. "Тихвинский" уклад вывозился на многие рынки страны, включая Сибирь, что отмечено таможенными книгами Тобольска⁵. Нужды солеваренной промышленности Севера Обонежья определили раннюю (с середины XVI в.) специализацию крестьянской металлургии Лопских погостов на изготовление ценных полиц - железных листов, из которых выделялись црены для выпаривания соли. С конца XVII века в соседствовавших друг с другом погостах: Важенском (дер. Усланка, Лаптевщина, деревни Лоянской волости), Мегорском (волостях Ундозерской, Лухтозерской, Куштозерской), Оштинском (Ладвинской волости) начало вырабатываться "шелеховое" железо. Отчетливо прослеживается районирование в сфере обрабатывающих промыслов. Значительная часть кузнецов Тихвинского посада, Пиркинского, Важенского и Олонецкого погостов производила сельскохозяйственный инвентарь. Тихвинские кузнецы, кроме того, славились изготовлением ножей. "Тихвинские" ножи, подобно "кижским", выделявшимся в Кижском погосте, пользовались большим спросом как в Обонежье, так и за его пределами. "Олонецкие" сохи - главным образом из Обжанской волости соперничали с сохами из Устюжского уезда. Пищали изготавливались в Остречинском, Оштинском, Вытегорском, Олонецком, Мегорском погостах. В Остречинском погосте также ковали ножи и ножницы, а в Куштозерской волости Мегорского погоста и Святозерской

волости Олонецкого погоста - топоры. Полуфабрикат и изделия из железа развозились скупщиками и непосредственными производителями по рынкам Северо-Запада России. Большое их количество поступало на Троицкую ярмарку, Тихвин, Новгород, а отсюда расходилось во все уголки региона и страны. Крестьянская железноделательная промышленность играла важную роль в экономическом развитии Северо-Запада России на протяжении XVII-XVIII вв.. Она являлась основой для разнообразных промысловых занятий населения. Успехи крестьянской металлургии подготовили почву для строительства в Обонежье во второй половине XVII- первой четверти XVIII вв. государственных и частных металлургических мануфактур. В нескольких районах Присвирья и Ояти добывали и обрабатывали серебро и медь. "Дельное серебро" из этих центров, медь, а также готовые изделия постоянно фиксируются в книгах тихвинской и троицкой таможен, приходо - расходных книгах монастырей. В Рождественском погосте на Сяси и Колбегах, расположенных вдоль реки Сясь и ее притока Воложбы, на базе местного сырья сложился известной промысел. Еще в начале XVII ст. здесь занимались ломкой известковой плиты и жжением извести. В течение XVII в. промысел получил быстрое развитие. Месторождение снабжало весь Юг Обонежья готовой известью и известковой плитой. Производство сосредотачивалось в руках подрядчиков, в том числе и из крестьян государственных и владельческих, которые пользовались наемной рабочей силой. В перевозке готовой продукции участвовали массы наймитов-крестьян, о чем свидетельствуют приходо-расходные книги монастырей⁷. По берегам рек Ояти, Явосмы, Тихвинки, Капши, Воложбы залежи глины и кварцевого песка были пригодны для кирпичного и гончарного промыслов. Песчаники Остречинского и Важенского погostов служили для изготовления мельничных жерновов⁸.

Природные особенности Северо-Запада России определили важное место судостроения в занятиях крестьян. Весной и летом главными путями сообщения, торговыми магистралями становились многочисленные реки и озера, удобно связывавшие районы Обонежья с московскими городами, Поморьем, Поволжьем. Водный транспорт был незаменимым и надежным средством передвижения. Особенное распространение имели весельные лодки разных размеров и назначения, рыболовецкие суда-водовики. К плаванию одновременно по рекам, озерам, морю были приспособлены карбасы

и соймы. Они также делались разных размеров и грузоподъемности, достигая в длину 10-ти и нескольких десятков метров, а грузоподъемности от 600-1000 до нескольких десятков тысяч пудов. Деревни судостроителей располагались по берегам Волхова, Свири, Паши, Ояти, Тихвинки, а также Вытегры. Мореходные суда сооружались в селениях вдоль Ладожского и Онежского озера⁹. Суда делались по подрядам и на продажу с привлечением наемных работников. Крестьянское судостроение послужило базой для создания на Юге Обонежья в начале XVIII в. государственных судостроительных верфей на Свири, Сяси, Паше. Значительные массы населения края в XVII в. были вовлечены в промыслы, обслуживавших судоходство: лоцмансство, бурлачество, погрузо-разгрузочные работы. Проводники судов - лоцманы - неотъемлемые спутники судоходства на Северо-Западе России. Это крестьяне окрестных деревень, хорошо знавшие речной фарватер и представлявшие немногочисленный слой привилегированных наймитов. Значительное же число местных и пришлых крестьян занимались в бурлаки, матросами на суда, грузчиками¹⁰. Трудились артелями от нескольких человек до десяти и более. Короткий сезон навигации сменился долгой зимой, когда передвижение и перевозки осуществлялись на санях, а крестьяне переключались на извозный промысел. В организации труда и здесь ведущее место занимала артель. Рыночный спрос на сани обусловил формирование центров по их производству во всех районах Юга Обонежья. Обычно этот вид занятий совмещался с изготовлением изделий из дерева для хозяйственных нужд: грабель, вил, лопат, хомутных дуг и т.д., а также плотничеством. Массовыми и наиболее старыми отраслями крестьянских неземледельческих занятий были лесной промысел, заключавшийся в заготовке древесины и тесно связанные с ним плотничество и различные деревообрабатывающие ремесла: бондарный, токарный, столярный и др. Ежегодно в больших количествах древесина шла на строительство, сооружение судов, на нужды металлургии, кирпичного, известного производства. Лес служил для получения древесного угля, золы, выработки смолы, дегтя, лыка, коры и т.д. Труд лесорубов был тяжел. Но промысел давал надежный заработка в свободные от земледельческих работ периоды, поэтому в него были вовлечены крестьяне всех категорий имущественной состоятельности. Работы также велись подрядным способом с использование наймитов. Сфера деятельности плотников многообразна: возводили жилые, культовые, хозяйственные

постройки, заготавливали строительные материалы. В течение XVII в. в отрасли углубилось разделение труда между строительным делом и заготовкой материалов. Непосредственно в строительстве формировалась более узкая специализация по видам работ. Во второй половине XVII в. отрасль была прочно связана с рынком. наймом, подрядом, артельной формой труда. В деревообрабатывающих ремеслах, повсеместно распространенных в деревнях Обонежья, шел процесс специализации на определенных видах изделий. В районах развитого рыболовства - прибрежных деревнях по Свири, Паше, Ояти, Волхову и пр. рекам, изготавливали бочки под рыбу и другую тару. Данные приходо-расходных книг монастырей отмечают кустообразное расположение промысловых деревень, из которых наиболее крупными были Глинна, Лахта, Александровщина, Гаркучей, Остров, Побережье и др. Крестьяне дер. Глинна делали чаны разной величины и назначения - под рыбу, капусту, для кожевен, квасоварен, коровьих дворов и т.д.. в дер. Остров - ушаты, в волостях вокруг Тихвина - посуду и мелкую хозяйственную утварь¹¹. Изделия деревенских ремесленников в изобилии поступали на местные рынки. Говоря о развитии районной специализации, нужно иметь в виду, что она вовсе не исключала наличия во многих населенных пунктах ремесленников аналогичных специальностей.

В крае издавна получили развитие промыслы, связанные с обработкой продуктов животноводства: кожевенный, шубный, овчинный, суконоделие. Разведение скота и охота обеспечивали сырьем. Вспомогательные материалы для кожевенного дела - "дуб", золу, деготь давали местные промыслы. Соль, сандал и квасцы покупали у торговых людей. В условиях Севера была велика потребность в мехах, шерсти, кожах и изделиях из них, что в значительной мере определяло распространенность такого рода занятий, рост их товарности. В XVII в. Южное Приладожье и Прионежье являлись районами выделки конских, козлиных, телячьих, говяжьих, лосиных кож разных сортов. Именно отсюда - погостов Оштинского, Мегорского, Вытегорского, Вороновского, Пашского, Рождественского на рынки Юга Обонежья, в частности на Тихвинскую, Троицкую и Пашскую ярмарки поступало большое количество сырых, грубо обработанных и "красных" кож¹². В погостах Южного Прионежья, а также в Присвирье (Пиркинском, Важенском, Ярославском погостах) сложился шубно-овчинный промысел. Шили шубы "одевальницы", шубные кафтаны,

рукавицы. В селениях вокруг Тихвина делали только рукавицы - "верхницы" из конских, телячьих и бараньих кож¹³. Кожевенный, овчинно-шубный промысел в крас в XVII в. находился на уровне мелкотоварного производства. Возрастание масштабов промысла ко второй половине столетия привело к росту заведений, в которых наряду с семейной кооперацией использовался труд наймитов.

Южное Прионежье являлось районом довольно широкого распространения суконоделия, изготовления преимущественно грубых, сермяжных сукон и шитья из них одежды (погосты Мегорский, Вытегорский, Андомский) Крестьяне Просвирья, особенно Важенского и Остречинского погостов, славились мастерством обработки овечьей шерсти и валянием из нее полстей, епанчей, войлоков, подхомутиков, сукон и т.д. В Кондужской волости Пиркинского погоста вязали из овечьей шерсти рукавицы - "деяницы", чулки, носки. Изделия крестьянских промыслов заполняли местные рынки, а сермяжные сукна вывозились и за рубеж - в Швецию. Окрестные феодалы систематически нанимали крестьян для битья шерсти и выработки из нее необходимых изделий.

Крупными промысловыми отраслями оставались охота и рыболовство - традиционные занятия населения. Пушнина являлась ценным товаром как на местных, так и на зарубежных торгах. Пушная торговля почти целиком была сосредоточена в руках скупщиков.

В многочисленных реках и озерах ловилась рыба: лососи, осетры, сиги, щуки, окунь, судаки, корюшки, снетки и т.д. Писцовые описания XVI в. содержат перечень большого количества тонь, число которых не уменьшилось и в XVII в. Частью тонь владели монастыри и помещики, другая сохранялась за крестьянскими волостями. Практиковали крестьяне и аренду рыбных ловель. Промысел охватывал значительную массу жителей Обонежья, особенно прибрежных деревень. Уже писцовые книги конца XV-XVI вв. отмечали по берегам Свири, Волхова, Ояти, Паши, Сяси и др., вдоль побережья Ладожского и Онежского озер поселения и рядки с непашенными людьми-рыболовами. В XVII в. Южное Приладожье, особенно Вороновский и Рождественский Пашский погосты - были крупными районами промыслового рыболовства. К концу XVII в. здесь насчитывалось несколько десятков поселков рыболовов, некоторые (Исад, Немятово, Глетьково, Берег, Усть Сясь и др.) существовали с конца XV в. Промысел носил товарный характер и в XVI в., а в XVII ст. превратился в крупную товарную отрасль.

Наем рабочей силы был обычным делом так же, как и господство скупщиков, перекупавших улов у непосредственных производителей и вывозивших его на рынки Северо-Запада. Обширные сведения о роли и месте скупщиков в торговле рыбой на Юге Обонежья, наследственности в занятиях “торговых крестьян”, участия в рыночных операциях целых семейных кланов, содержат книги сбора пошлин тихвинской и троицкой таможен. А при комплексном изучении писцовых, таможенных и монастырских хозяйственных книг можно проследить родословные крестьян-рыбников на протяжении всего XVII ст. Развивались сопутствующие рыболовству мелкотоварные промыслы и ремесла: сооружение рыболовецких судов, тарно-бондарный, сетный, веревочный и т.д. Прядение пряжи для сетей, тетив, веревок для сетей, вязание снастей, наряду с тарно-бондарным промыслом, стало преимущественной специализацией групп деревень Посвирья.¹⁴

Крестьяне присвирских погостов, особенно Важенского, Остречинского, Веницкого и Оштинского, вели активную торговлю солью. Они закупали соль на варницах “у моря” и перепродают на рынках Юга Обонежья. Книги тихвинской и троицкой таможен пестрят именами крестьян-торговцев из этих погостов. Ряд фамилий солеторговцев середины и второй половины XVII в. удалось обнаружить в дозорных книгах 1612 и 1620 гг. Некоторые скупщики действовали с размахом, доставляя на продажу в Тихвин целые обозы с солью в несколько тысяч пудов (до сотни возов)¹⁵. На каждый рейс они нанимали десятки, а то и сотни возчиков с лошадьми.

Повсеместное распространение получила переработка растительного сырья - льна и конопли. Выделялись ткани разных сортов, но главным образом грубые - холсты, ряднина. В течении XVII в. расширялись масштабы производства, особенно в Заонежье, увеличивалась его товарность. Однако промысел до конца XVII в. так и не выделился в самостоятельную отрасль крестьянской промышленности. Причина, вероятно, коренилась в близком соседстве края с Псковщиной и Шелонской пятиной, где льноводство и ткачество были товарной отраслью. Именно отсюда на рынки Юга Обонежья в изобилии привозили и лен-сырец и ткани.

Рассмотрение географии деревенских промыслов Юга Обонежья в XVII в. позволяет прежде всего отметить массовый характер торгово-промышленной деятельности населения. Обнаруживаются закономерности в распространении крестьянских промыслов, их взаимосвязь, взаимовлияние как в пределах

экономического района, так и между районами. Отчетливо выделяются два наиболее развитых в промысловом отношении района - Посвирье и Тихвинский, которые охватывали большую часть региона: первый - Южное Приладожье и Прионежье, по течениям Свири, Ояти, низовьям Паши, второй - междуречье Волхова, Сяси, Паши с притоками. Железоделательные, лесные, судостроительные, деревообрабатывающие промыслы, плотничество играли ведущую роль в их экономике. Население в массе занималось промысловым рыболовством, на базе которого развились сопутствующие ремесла. Важной товарной отраслью была охота. В ремеслах и промыслах широкое распространение получил наем, подрядные операции, в торговле - скupщики, "торговые люди". Меньшим разнообразием торгово-промышленной деятельности населения характеризовалась группа погостов, располагавшихся на границе Обонежской и Бежецкой пятин по верховьям Паши и Сяси (Пелуши, Койвуши, Михайловский в Озерах, Михайловский в Черной, Хотславль Волок). Исторически их развитие проходило в отдалении от крупных центров новгородской земли, в стороне от главных торговых путей, да и природные ресурсы были ограничены. В XVII в. этот район определился как район интенсивного животноводства. Отсюда на рынки Обонежья поступали главным образом лошади и скот. Промыслы в XVII в. служили звеном, тесно связывавшим крестьянские хозяйства с рынком и составляли основную доходную часть бюджета семей всех имущественных категорий. За столетие в деревнях Юга Обонежья значительно увеличилось количество крестьян, для которых промыслы и торговля стали делом первостепенным. Формирование районов определенной специализации ускоряло процесс отделения промышленности от земледелия. В крае еще в XV в. стали складываться торгово-промышленные поселения. К XVII в. их число не только возросло, но они укрепились и экономически. Самые крупные из них - Тихвин, Сермакса, превратившиеся в XVII в. в посады, села Грузино и Оятское, Сясьский рядок, рядки в низовьях Волхова, на Ладожском берегу. Торговля в них шла круглый год, активно действовала армия скupщиков. Важным экономическим центром Юга Обонежья был Тихвинский посад с торгом, охватывавшим рыночными связями обширный регион Северо-Запада России в радиусе 300-400 верст. Основную часть жителей Тихвина составляли торгово-промышленные крестьяне - выходцы из окрестных деревень. К концу XVII в. посад

насчитывал более 600 дворов. Из них половина - дворы торговых людей, около 200 дворов - ремесленники. Из общего числа ремесленников 40% были кузнецами. Иными словами, занятия ремесленного населения Тихвина непосредственно отражали основное направление промысловой деятельности района. Разнообразный ассортимент товаров тихвинского торга - продуктов земледелия, промыслов, высокий процент среди торговцев и покупателей крестьян говорит о том, что деревенская промышленность и сельское хозяйство активно работали на рынок. На эти черты тихвинского рынка обращали внимание уже современники.

Можно сказать, что в XVII в. на юге Обонежья сформировалась экономическая карта региона со сбалансированной структурой промыслов, развитым товарным производством и общественным разделением труда, что обусловило появление в Обонежье уже в XVII в. первых железоделательных мануфактур, а в начале XVIII в. судостроительных верфей и обеспечило экономический прогресс края.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Муравьева Л.Л. Деревенская промышленность Центральной России второй половины XVII в.-М.,1971; Сербина К.Н Крестьянская железоделательная промышленность Северо-Западной России XVI-первой половины XIX в.-Л.,1971; Бахрушин С.В. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI-начала XVII в. (К вопросу о предпосылках всероссийского рынка). Научные труды.-М.,1952.-Т.1.; Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А.Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы.-М.,1980.

² Бернадский В.Н Новгород и новгородская земля в XV веке.-М.-Л., 1961.-С.112-148; Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV - начало XVI в.-Л.,1971.-С.116-119.

³ Бахрушин С.В. Указ. соч.-С. 57; Пронштейн А.П. Великий Новгород в XVI веке. Очерк социально-экономической и политической истории русского города.-Харьков, 1957.-С. 63-69; Сербина К.Н Указ. соч.-С. 181.

⁴ Сербина К.Н Указ. соч.-С.181-185

⁵ Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в.-М., 1967.-С.126.

- ⁶ Устюгов Н.В. Из истории металлургии Поморья в первой половине XVII в. // Вопросы истории. 1946. №3.-С.127.
- ⁷ Архив СПб ИИ ФИРИАН.-Ф.3.-Оп.2; Ф.132.-Оп.2.
- ⁸ Там же.-Ф.3.-Оп.2.-Д.6,22,27,148-185; Ф.132.-Оп.2.-Д.494 и др.
- ⁹ Там же.-Ф.3.-Оп.1.-Д.11; Оп.2.-Д.208; Ф.132.-Оп.2.-Д.454,657.
- ¹⁰ Там же.-Ф.3.-Оп.2.-Д.22,80.
- ¹¹ Там же.-Ф.132.-Оп.2.-Д.351,414,494,647.
- ¹² Там же.-Ф.132.-Оп.2.-Д.1287, 1321, 1352-1366, 1438, 1443 и др.
- ¹³ Там же.-Ф.3.-Оп.2.-Д.66,93,148,156 и др.
- ¹⁴ Там же.-Ф.3.-Оп.2.-Д.312.
- ¹⁵ Там же.-Ф.3..-Оп.2.-Д.1294,1297 и др.

Ф.О.САМОЙЛОВ

З ІСТОРІЇ ПІДПРИЄМНИЦТВА НА ПІВДНІ УКРАЇНИ: ХЕРСОНСЬКА БІРЖА В 1906-1914 РР.

Пошуки сучасною Україною оптимальних шляхів економічного розвитку зумовлюють необхідність вивчення та використання механізмів ринкової господарської системи. Одним з елементів цієї системи були і є біржі. Вони надають можливість реалізації великих партій товару (за зразками), сприяють залученню додаткових коштів (на вторинному ринку цінних паперів) для розвитку підприємств, крім того, на біржових торгах встановлюються валютні курси та ціни на різноманітні товари. Наукове дослідження історії бірж, що існували в Україні в дореволюційні часи, передумов їх виникнення, характеру та наслідків діяльності має чимале практичне значення для відродження традицій вітчизняного підприємництва.

Найбільш ґрунтовні праці, присвячені порівняльному аналізу біржового законодавства Росії та західних країн, висвітленню шляхів розвитку акціонерних товариств, використанню досвіду діяльності бірж Німеччини, Франції, Англії, побачили світ у П пол. XIX - напочатку ХХ ст.¹

За радянських часів біржова тематика фактично перестала досліджуватися. Повернення до цієї проблематики припадає на кінець 80-х - початок 90-х рр.²

Однак діяльність бірж України дореволюційного періоду лишається поза увагою дослідників.

В той же час з'ясування загальних закономірностей та регіональних особливостей біржового руху, його етапів має чимале науково-пізнавальне та практичне значення. Доступна джерельна база (матеріали преси, архівні документи, статистико-економічні огляди Херсонської губернії та звіти біржевого комітету Херсонської біржі) дозволяє простежити етапи розвитку форм оптової торгівлі в місті, основні напрямки та результати діяльності Херсонської біржі тощо.

Оформлення названої біржі почалося ще в 90-ті роки XIX ст. на ґрунті розвинених, організованих на достатньо високому рівні форм оптової торгівлі в Херсоні. Про це неодноразово повідомлялося в публікаціях місцевої газети "Юг".³ Це були роки, коли швидке зростання виробничих сил імперії та потреби її промисловості висунули необхідність упорядкувати біржову торгівлю та біржові торговельні операції. Під впливом цієї потреби у 1893 р. при Департаменті Торгівлі та Мануфактур було створено нараду для вироблення заходів щодо впорядкування хлібної торгівлі на біржах. При цьому було порушено питання щодо реформи бірж та власне про видання загального для всіх бірж маклерського статуту. При відсутності загальноімперського зводу законів про біржі, їх функціонування підпадало під юрисдикцію Статуту торгового (статті 591-598 та 628-650).⁴

У відповідності з цим Статутом діяв і Херсонський хлібний ринок, який аж до 1902 року виконував роль посередника між внутрішнім ринком та двома ведучими експортними центрами на Чорному морі - Миколаєвим та Одесою. В означеному році, після попереднього проведення відповідних днопоглоблювальних робіт, які дозволили великим іноземним суднам заходити до місцевого порту, ситуація почала змінюватися на користь Херсону. Юридичне оформлення біржі стало питанням найближчого часу.

У серпні 1904 року з ініціативи міського голови М.Е. Беккера було скликано збори для уточнення критеріїв, які мали бути покладені в основу діяльності майбутньої Херсонської біржі, а також утворення спеціальної комісії, переважно з тамошнього купецтва для розробки статуту біржі у відповідності до чинного законодавства та згідно місцевих умов.⁵

Невдовзі на обговорення було запропановано проект Статуту, в якому біржа визначалася як "місце зібрання для взаємних зносин з будь-яких питань оборотів торгівлі та промисловості усіх осіб, що бажають здійснити на біржі оптову будь-чого купівлю чи продаж, а

рівно для укладання угод по фрахтуванню суден річкового чи морського плавання, як внутрішнього, так і закордонного, а також для отримання необхідної інформації”⁷.

На адресу херсонського губернатора надійшов ще один проект статуту біржі. Його автором був керуючий відділом Торгівлі Міністерства Торгівлі та Промисловості.

У процесі обговорення надісланих проектів було досягнуто компроміс і остаточний варіант статуту поєднав ключові положення, формулювання обох проектів.

У статуті зазначалося, що розпорядчим органом були загальні збори біржового товариства. Членами останнього могли бути особи, які вносили щорічну (у 250 крб.) плату за відвідування біржі. В 1906 році таких було 140 осіб. Представником біржового товариства був біржовий комітет. “призначення якого полягає у підтриманні та розвитку місцевої торгівлі і промисловості, а також в поточному завідуванні справами біржі та господарською її частиною”.⁸

Біржовий комітет обирається на три роки і складався з 11 осіб: голови, 9 біржевих старшин та старшого маклера. Крім керування діями біржового купецтва, біржовий комітет обстоював інтереси комерції перед урядовими колами, звертаючись до них з поданнями, скаргами, доповідями стосовно будь-яких проблем і вимагав їх задовільнення.

Враховуючи, що формування рівня цін на товари є однією з головних завдань біржі, окрім главу статуту присвячено біржовій котировці. “Складання біржових бюлетнів та їх оприлюднення покладається на спеціальну котировальну комісію - членів біржового товариства, що репрезентують всі галузі місцевої біржової торгівлі”.⁸

Після кожного біржового дня маклери забов’язані були повідомляти необхідні для котировальної комісії відомості.

Дещо пізніше, 26 і 28 червня того ж 1906 року, були затверджені “Інструкція для Арбітражної Комісії” та “Інструкція про порядок прийому та звільнення біржових маклерів, корабельних маклерів, диспашера, аукціоніста та біржевих експертів при Херсонській біржі”.

Головним призначенням Арбітражної комісії було “...визначення типу та якості товарів, які стали предметом спірних угод, а також для полегодження різного роду суперечок та непорозумінь, що виникли при виконанні біржевих угод, як торгівельних, так і фрахтових”.⁹

З метою з'ясування характеру і наслідків аварій на морі, врахування втрат в цілому та обліку збитків кожної особи в результаті аварій при Херсонському порті ... призначається один діспашер з числа корабельних маклерів.¹⁰

Таким чином, на Херсонській біржі, як і на інших біржах імперії, були представлені такі професії: біржові маклери (торгували за комісійні з клієнтів та за свій власний рахунок); біржові аукціоністи (займалися головним чином торгівлею імпортними товарами, які постачало митне відомство); біржові нотаріуси (оформляли різного роду протести по векселях); корабельні маклери (посередники між судовласниками - постачальниками вантажів та їх одержувачами); біржові діспашери (складали відомості оцінки збитків клієнтів); біржові експерти (вирішували спірні питання щодо якості товарів, цін та тенденції ріху останніх).

Отже, за принципами побудови, структурою, правами та обов'язками посадових осіб Херсонська біржа була подібна до існуючих на той час відомих російських бірж.

Основними товарами, що визначали характер діяльності біржі, були хліб та ліс. Але відразу Херсонська біржа змушенена була почати гостру конкурентну боротьбу за ринки збуту, сфери впливу з іншими біржами Росії, особливо регіональними - Одесською і Миколаївською. З метою зміцнення позицій Херсонської біржі її керівництво з самого початку ставило питання про розширення інфраструктури, технічного оснащення місцевого порту. Але тільки в 1908 році, після підтримки цієї ідеї Херсонською міською думою¹¹, Міністерство шляхів сполучень підготувало та внесло на розгляд Державної Думи законопроект про асигнування кредитів на покращення нижньої частини Дніпра, а також про виділення 1 млн. крб. на благоустрій набережної Херсонського порту за рахунок державної казни.¹²

Переплануванням Херсонської набережної передбачало збільшення площини порту, побудову елеватора, зерносховищ, залізничної колії. Біржовий комітет, спираючись на підтримку земських установ губернії, ставив питання не тільки про благоустрій порту, але й про будівництво в стислі строки залізничних колій від основних місць виробництва хліба в регіоні саме до Херсону.¹³

Конкуренти були занепокоєні значним підвищеннем ролі Херсонського порту в регіональній оптовій торгівлі. Не випадково, Одеський комітет торговлі та мануфактур відзначав з цього приводу: "... із здійсненням пропозицій про будівництво в Херсоні кам'яної

набережної та розширення порту конкуренція з боку Херсону стане для Одеси надзвичайно серйозною".¹⁴

Дійсно, зовнішньоторгівельний оборот Херсонського порту, не в останню чергу завдяки активній діяльності місцевої біржі, зростав вражаючими темпами. Якщо в 1902 році в порт прибуло всього 2 судна, було вивезено 35 тис. пудів хліба, то в 1907 році на 151 судні було вивезено 33 млн. 961 тис. пудів зерна, в 1910 році ці показники складали 229 та 55 млн. 904 тис. пудів відповідно.¹⁵

Кінцевими пунктами хлібних потоків з Херсону були переважно Роттердам та Гамбург, хоча постановки здійснювались також в Грецію, Італію, Австро-Угорщину, інші країни.

З літа 1914 року, в умовах різкого загострення міжнародної ситуації, експортна хлібна торгівля з Херсонського порту почала згортатися, а наприкінці липня, після відповідної заборони уряду, повністю припинилася.¹⁶

Таким чином, заоччення нових джерел дозволяє встановити, що вже наприкінці XIX ст. в Херсоні почала діяти неофіційна біржа, розвивалися різні форми оптової торгівлі, переважно хлібом. Офіційне відкриття біржі в 1906 році завершило формування цілісної біржової системи в Північному Причорномор'ї.

ПРИМІТКИ:

¹ Див.: Безобразов В.П. Биржевые операции - М.,1856; Гаттенберг К.К. Законодательство и биржевая спекуляция.-Харьков,1872; Студентский М.С. Биржа. Спекуляция и Игра.-СПб.,1872; Тигранов А.Ф. Биржа, биржевая спекуляция и положительные законы деятельности.-Харьков,1879; Невзоров А.С. Русские биржи .- Вып.1-4.- Юрьев,1898-1901; Филлипов Ю. Биржа - СПб., 1912 та ін.

² Див.: Павлов С.В. Фондовая биржа и ее роль в экономике современного капитализма.- М.,1898; Иващенко А.А. Товарная биржа.-М.,1991; Черников Г.П. Фондовая биржа.-М.,1991 та ін.

³ Див.: Юг. Херсонская губернская газета.- 1898.-20 авг., 29 авг.

⁴ Свод законов Российской империи.-Т.XI.- ч.-2.-СПб-,1893.

⁵ Отчет о деятельности биржевого комитета при Херсонской бирже за 1906 год.- Херсон, 1910.- С.5.

⁶ Проект устава Херсонской биржи.- Херсон, 1904.-С1.

⁷ Устав Херсонской биржи.- Херсон, 1906.- С.10.

⁸ Там само. - С.18.

⁹ Инструкция для Арбитражной Комиссии.- Херсон, 1906.- С.13.

¹⁰ Инструкция о порядке определения и увольнения, правах и обязанностях биржевых маклеров, дисташера, аукциониста и биржевых экспертов при Херсонской бирже.-Херсон, 1906.-С.13.

¹¹ Див.: Отчет Херсонской гороской управы за 1908 год. - Херсон, 1909.- С.348.

¹² Отчет биржевого комитета при Херсонской бирже за 1909 и 1910 гг. - Херсон, 1911.- С.114.

¹³ Див.: Протоколы и доклады съезда представителей мелкого кредита для рассмотрения вопросов об урегулировании хлебной торговли. - Херсон, 1909.- С.15.

¹⁴ Державний архів Херсонської області, ф. 180 (Херсонський порт), оп.1, спр.2, арк.11.

¹⁵ Статистико-Экономический обзор Херсонского уезда за 1910 год.-Херсон, 1911.- С.50-51.

¹⁶ Статистико-Экономический обзор Херсонской губернии за 1913 год.- Херсон, 1914.- С. 73-74.

А.М. ФЕСЕНКО

КРИЗИС НЭПА 1924 ГОДА: СУЩНОСТЬ И УРОКИ

“Мы вводим нэп всерьез и надолго,” - так провозглашали лидеры Советского государства - и прежде всего В.И. Ленин - в начале 20-х годов. И действительно, результаты, полученные страной в первые годы развития по этому пути, казалось, давали основания для такого долгосрочного планирования. Именно благодаря нэпу Советская страна сумела вырваться из тисков социально-экономического и политического кризиса 1921 года. И, более того, нэп стал не только прагматической реакцией руководства страны на кризис. Советские лидеры сумели раскрыть в, казалось бы, эмпирической политике глубокий творческий потенциал. На его основе была создана целая концепция переходного от капитализма к социализму периода для отсталой крестьянской России. В 1922-23 годах В.И. Ленин делает вывод о том, что через нэп можно обеспечить все необходимые материальные и культурные предпосылки для строительства социализма. Напомним, что вкратце эта идея предполагала использование кооперативно-рыночных рычагов для восстановления сельского хозяйства и мелкой промышленности и использование плана государственного

регулирования для работы стратегически важных промышленных отраслей¹. В связи с этим В.И. Ленин дополняет классическое видение социализма как планового хозяйства идеей строя "цивилизованных кооператоров" и говорит об "изменении всей точки зрения нашей на социализм"².

Казалось бы, путь найден. Такой вывод обычно делался многими отечественными исследователями данного периода³. Под влиянием указанного вывода у людей, изучающих или знакомящихся с историей страны в 20-е годы, невольно складывается романтизированное, иногда даже идеализированное восприятие нэпа.

Однако развитие советской страны по пути нэпа не было таким уж гладким, как это представлялось многим исследователям (особенно в эпоху "перестройки"). Их подход не позволяет обратить серьезное внимание на трудности, с которыми столкнулась страна уже в первые годы нэпа, не позволяет изучить кризисы нэповской экономики на протяжении всех 20-х годов (а они были достаточно серьезными) и понять механизм их возникновения. Таким образом, зачастую и делается вывод, что "хороший" нэп был "свергнут" "плохим" Сталиным якобы в угоду его борьбе за власть⁴. Но ведь это чисто субъективистская трактовка исключительно сложного и противоречивого процесса, каким на самом деле был нэп. Концепция "свертывания нэпа" не только приписывает Сталину способность "управлять историей", но и блокирует правильный, научный анализ причин его прихода к власти и изучение его деятельности в дальнейшем.

Мало кто из наших историков попытался исследовать кризисы нэпа в 20-е годы и выявить их объективные причины и последствия. Такие работы появились лишь в конце 80-х - начале 90-х годов⁵. Исследуя саму природу нэпа, эти исследователи обратили внимание на недостаточную разработанность самим В.И. Лениным некоторых вопросов теории переходного периода⁶. В частности, не смог лидер РКП(б) найти гуточку соприкосновения, на которой бы смыкались рыночные и плановые начала нэпа, не успел досконально рассмотреть вопрос о взаимоотношениях промышленности и сельского хозяйства. Не успел выработать программу реконструктивного периода, который бы следовал сразу же за периодом восстановления. В 1923 году В.И.Ленин из-за тяжелой болезни отходит от практического руководства. Теория нэпа носила явно незаконченный характер.

Однако остальные лидеры партии и государства в тот момент этого не видели. И первый же серьезный кризис нэпа уже в 1923 году, по сути дела, застал их врасплох.

Это кризис нэповской экономики был связан с пресловутыми “ножницами цен”: разницей между ценами на промышленные товары, которые были высокими (промышленность еще не была до конца восстановлена, работала с государственной дотацией и не могла пока выпускать дешевую продукцию) и ценами на товары сельскохозяйственного производства (деревня к тому времени уже относительноочно прочна, по сравнению с 1920-1921 гг., стала на ноги и выпускала значительное количество дешевой продукции). Получалось, что крестьянам стало трудно покупать дорогие промышленные товары, а также невыгодно продавать свою продукцию по относительно низким ценам⁷. В силу вступал закон стоимости - двигатель классической рыночной экономики. И отдать ему во власть нарождавшееся советское хозяйство - значило потерять социалистическую перспективу его развития.

Ситуация усугубилась и тем, что заместитель председателя ВСНХ СССР Г.Л. Пятаков лично призвал государственные предприятия и объединения к извлечению максимальной прибыли⁸.

Руководство РКП(б), как уже говорилось, опиралось в своей деятельности на ленинскую теорию нэпа как программу движения к социализму. Однако это был тот самый случай, когда непосредственно у Ленина нельзя было найти ответ применительно к данной ситуации. Практика в 20-е годы шла в СССР впереди теории и постоянно ставила перед советским руководством все новые и новые вопросы. Приходилось думать и анализировать уже самим. И вот, учитывая сложившуюся ситуацию, ЦК РКП (б) осенью 1923 года создал специальную комиссию для поиска путей выхода из кризиса⁹.

Как можно все это оценить с позиций сегодняшнего дня: сам кризис, действия Г.Л. Пятакова, а также предложения существовавшей тогда “левой оппозиции” об усилении плановых начал в экономике?

Исследователи, “идеализирующие” нэп, естественно, обвиняют Пятакова и остальных “левых” в непонимании ленинской идеи нэпа и вообще в отходе от нее¹⁰. Однако, с нашей точки зрения, учитывая теоретическую незавершенность нэпа, этот взгляд является, по меньшей мере, спорным.

Конечно, Г.Л. Пятаков и ВСНХ, образно говоря, несколько перегнули палку. Но ведь ВСНХ не предложил руководителям

трестов и синдикатов "Обогащайтесь!", как это сказали в 1925 году Н.И. Бухарин по отношению к крестьянам¹¹. По нашему мнению, таким методом ВСНХ пытался ориентировать промышленность на создание резервов, материальной базы, чтобы затем на ее основе не только продолжить восстановление, но и заняться реконструкцией и строительством новых предприятий. Иными словами, можно предположить, что еще в 1923 году в ВСНХ разрабатывали планы социалистической экономики - то есть планы, к которым центральное руководство подойдет лишь спустя два года. Причем указывался и один из источников финансирования индустриализации - накопления, сделанные в самой промышленности. В этом же русле, очевидно, можно рассматривать и другие предложения "левых" по усилению планирования и государственного регулирования экономики.

Сказанное, однако, не отменяет того факта, что Г.Л. Пятаков допустил существенную ошибку, не проанализировал должным образом состояние экономики на тот момент и последствия повышения цен. Однако, из чего проистекала данная ошибка? Как выяснилось, программа индустриализации выходила за рамки "классического" нэпа (в том виде, в котором его оставил В.И. Ленин). "Классический" нэп не давал возможностей для какого-либо ускорения в развитии экономики страны (а индустриализация как раз является ускорением). Поэтому попытка ускорить развитие промышленности и увеличить ее накопление обернулась дезорганизацией работы сельского хозяйства, кризисом. На наш взгляд, можно согласиться с западным исследователем Э. Карром, отметившим, что "кризис 1923 года обнаружил несовершенство нэпа"¹².

Итак, для того, чтобы иметь возможность маневрировать, управлять экономическими процессами, "классический" нэп нуждался в серьезной доработке - она востребована самой практикой.

Но, - странное дело. Большинство руководителей партии и страны, отметив допущенную Г.Л. Пятаковым ошибку, не сделало и попытки разобраться в условиях, эту ошибку породивших, и не сочло нужным произвести поиск каких-либо объективных причин кризиса нэпа. Руководство страны в тот момент не видело противоречий нэповской экономики и уповало на ее плавное, бескризисное развитие по пути к социализму. Вопрос о возможных изменениях и доработках в программе нэпа не поднимался¹³.

Должного урока из событий 1923 года большинство руководителей не извлекло.

Однако в ЦК РКП(б) были и люди, адекватно среагировавшие на вышеописанные события. Л.Д. Троцкий, Г.Л. Пятаков, Е.А. Преображенский, которые обычно называются нашей историографией «левая оппозиция», попытались заново проанализировать основные положения нэпа в условиях подхода экономики к реконструктивному периоду. В отличие от И.В. Сталина, Н.И. Бухарина, Г.Е. Зиновьева «левые» видели несовершенство нэпа и считали необходимым внести коррективы в нэповскую практику. В преддверии индустриализации «левые» пытались найти четкие и надежные источники финансирования.

Главной заслугой «левых» экономистов, в частности, Е.А. Преображенского, стало справедливое указание на то, что нельзя, не имея средств, переходить непосредственно от восстановительного периода к реконструктивному. Реконструкцию (читай - индустриализацию) нужно готовить! А это значит, что страна должна пройти период первоначального накопления капитала, средств. Преображенский не боялся проводить в этом вопросе прямую аналогию с капиталистическими странами - ведь законы вложения средств везде одинаковы. Писал он и об ограниченности, в силу ряда условий, количества источников накопления: Преображенский видел, что первоначально нельзя создать мощные источники накопления в самой промышленности (на это ему указал опыт 1923 года). Поэтому он обращает внимание на сельское хозяйство, считая, что именно оно будет надежной базой для индустриализации. Однако, для этого необходимо будет его модернизировать в сторону резкого усиления его товарности. А значит, необходимо усилить в нем плановые, социалистические начала. Так «левые» предлагали дополнить «классический» нэп теорией «первоначального социалистического накопления», на базе которого и можно будет успешно проводить реконструктивный период¹⁴.

Однако большинство руководства стран по-прежнему догматизировало «классический» нэп, не понимая его усугубляющегося несоответствия требованиям времени. В период 1925-1927 гг. это несоответствие проявится особенно отчетливо. А группа членов ЦК во главе с Л.Д. Троцким в тот период не могла повлиять на процесс выработки решений. Почему?

И здесь в полной мере начали проявлять себя последствия нарушения коллективности руководства партией и страной - то, чего

так опасался перед смертью В.И. Ленин¹⁵. Более того, это было не просто нарушение. К 1924 году набирает силу внутрипартийная борьба за лидерство и власть в РКП(б), ведомая И.В. Сталиным и Г.Е. Зиновьевым против Л.Д. Троцкого и его сторонников. За несколько лет вокруг, так называемых "левых", была искусно создана атмосфера лжи, недоверия и шельмования. И партия оказалась расколотой в тот самый момент, когда на повестке дня стояли жизненно важные для молодой Советской страны проблемы. Внутрипартийная борьба крайне негативно повлияла на процесс выработки решений по этим проблемам. Правящая верхушка во главе со Сталиным, монополизировала процесс проведения экономической политики и отсекла от руководства страной деятелей, имевших иные взгляды и подходы к решению животрепещущих проблем. Так подверглась грандиозной обструкции и вдумчивая теория накопления Е.А. Преображенского¹⁶.

Судьбы страны были брошены на алтарь внутрипартийной борьбы, принесены в жертву политическим амбициям. И результаты не замедлили сказаться. Сегодня можно с уверенностью говорить о том, что под влиянием внутрипартийной борьбы руководство страны приняло ряд глубоко ошибочных решений по вопросам экономической политики. Так, в 1925 году центральное руководство разработало программу индустриализации без надежных источников финансирования и опинаясь на мелкотоварное, полурыночное сельское хозяйство (как раз и повторил ошибку Пятакова 1923 года). Можно также сказать, что оппозиция сталинскому руководству в ряде случаев имела более адекватные средства и методы решения проблем и ее теоретические разработки отличались большей глубиной и проницательностью.

Но это уже темы отдельных, также достаточно серьезных разговоров.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ См.: Ленин В.И. О кооперации// Полн. Собр. Соч. - Т.45. - С.370.
- ² Там же. - С. 372, 376.
- ³ См. например: Наумов В.П. Нэп: суть, опыт, уроки//Урок дает история: - М.: 1990. - С.60-162.;Шашков Н.И. Исторические корни деформации социализма. - Кишинев, 1989. -С.17-34.; Данилов В.П., Дмитренко В.П., Лельчук В.С. Нэп и его судьба// Историки спорят. - М.:1989.-С.122-190.; Сироткин В. Уроки Нэпа//Страницы истории: Дайджест прессы. - 1989.- Январь - июнь. - С.53-69.; Борисов Ю.С.

Эти трудовые 20-30-е годы//Страницы истории советского общества: люди, проблемы, факты. - М.,1989. -С.121-133.

⁴ См. например: Лацис О. Перелом// Сборник: Вождь, хозяин, диктатор. - М., 1992. -351с.; Королев С.А. Административно-командная система: генезис и эволюция//Квинтэссенция. Философский альманах. - М.,1990. -С.110-113.

⁵ См. например: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура. - М., 1992. - 351с.

⁶ Горинов М.М., Цакунов С.В. Ленинская концепция нэпа: становление и развитие//Вопросы истории. -1990. -№4. -С.39.

⁷ XIII конференция РКП (б)// КПСС в резолюциях...- М., 1970. - Т.2. - С.516.

⁸ Там же. - С.519.

⁹ Объединенный пленум ЦК и ЦКК совместно с представителями 10 парторганизаций// КПСС в резолюциях... - Т.2. -С.495.

¹⁰ Васецкий Н.А. Критика Н.И. Бухарина идеологии троцкизма// Бухарин: человек, политик, ученый. - М.,1990. - С.131-149.

¹¹ XIV съезд ВКП (б): Стенографический отчет. - М.-Л., 1926.- С.159-160.

¹² Карр Э. Русская революция от Ленина до Сталина. - М.,1990. - С.119.

¹³ XIII съезд РКП(б): Стенографический отчет. - М.,1924.-С.111-115.

¹⁴ Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления// Вестник Коммунистической Академии. - М.,1924. - Кн.8.

¹⁵ Ленин В.И. Письмо к съезду//Полн. Собр. Соч. - Т.45. - С.343-345.

¹⁶ Бухарин Н.И. Новое откровение о советской экономике//Избр. произв. - М.,1990. - С.270-300.

О.И. БРУСИЛОВСКАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА США: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

Современные внешнеполитические концепции США базируются на серьезных теоретических разработках. Концептуальные основы тех или иных школ американской политологии весьма разнятся, среди них можно выделить во многом

антагонистичные подходы школ "политического реализма" (У. Липпман, Г. Моргентау, Дж. Кеннан, Г. Киссинджер) и "модернистов" (школу, основанную Куинси Райтом). Но ни "реалисты", ставящие главным принципом "интерес" в политике и исходящие из идеала "баланса сил" в международных отношениях, ни "модернисты", с их теорией "фактов", силу которых определяют материальные, а направление - моральные факторы, не помогают понять как в реальности складывается американская стратегия в том или ином регионе.

Вероятно, чтобы выявить наиболее общие основы американской внешней политики, нужно вернуться к истокам ее формирования, проследить традиции, которые сложились на рубеже 18-19 вв. и, как в дальнейшем будет показано, во многом проявляются и сегодня. Это должно помочь объяснению истоков противоречивости американской внешней политики, о которой так много писалось после революций в Восточной Европе 1989 г., когда США почти устранились от решения региональных проблем, не находя ни новой концепции международных отношений, ни сил для переосмысления своей роли в изменившемся мире. В некоторой мере это было обусловлено всей историей единственной в современном мире сверхдержавы, представляющей собой борьбу двух начал: pragmatизма и морализаторства.

В данной работе морализаторским назван такой подход к политике и международным отношениям, который опирается не на нормы, закрепленные законом, а на традиции, чувства, воспроизводящиеся силой массовых привычек, оценкой общественного мнения. Опираясь на понятия "добра" и "зла", морализаторство содержит понимание назначения, смысла, цели общества, истории, человека. При этом подходе оценивается не только действие, но и его мотивы. Морализаторский подход призывает руководствоваться не целесообразностью, а императивом долга, даже если это предполагает "жертвы" и не ведет к успеху в краткосрочной перспективе. Морализаторский подход, опираясь на обычай и религиозные догмы, зачастую отвергает компромисс как средство достижения цели.

Прагматизм в той же мере присущ американскому менталитету, что и морализаторство. Появившиеся в конце 19 века философы-прагматики обвиняли идеалистов в "отрыве от жизни". Их целью было обоснование примата "дела, действия", основанного исключительно на опыте. Долг мыслителей-прагматиков помочь

практикам преодолевать сомнения (которые рассматривались лишь как помехи действиям), выбирать средства для достижения цели. Отвергая абстрактные категории, прагматики понимали истину как “полезность” и сделали ее критерием “успех”. Ослабевая с конца 30-х годов XX века как философское направление, прагматизм стал перманентно усиливаться как стиль политического мышления. Прагматиков от политики отличало особое внимание к скрупулезному просчету всех вариантов, прежде чем выбрать путь к конкретной цели. При этом их цели совсем не обязательно отличались от целей моралистов.

О концептуальных основах американской внешней политики много писали такие авторы как А. Шлезингер, С. Хантингтон, А. Янов, З. Бжезинский, Г. Киссинджер и многие другие. Из работ последних лет можно упомянуть труды Г. Виарда и Р. Куглера. Г. Виарда делит всех американских исследователей на “политических реалистов” и считает, что именно это является главным разграничителем в их взглядах, а не защита “изоляционизма” или “интервенционизма” и не что-то другое¹. Р. Куглер выделяет три течения современной американской мысли:

1) “идеализм”, (который он начинает от В. Вильсона), характеризуемый как принцип “невинности внешней политики”. Сегодня, по мнению Куглера, “идеалисты” борются за создание всеобъемлющей системы коллективной безопасности,

2) “реализм”, по его мнению характеризующий современное состояние дел более верно, включающий понимание неизбежности регионального дисбаланса,

3) “пессимизм”, представителями которого являются З. Бжезинский, Г. Киссинджер, С. Хантингтон, А. Вилдавски. Эти авторы связывают установившийся в современном мире климат неопределенности с вероятностью глобальной анархии в будущем из-за неконтролируемого страха².

США с первых дней своего существования отстаивали свое особое положение в мире и международных отношениях. Первые страницы их истории были написаны выдающимся прагматиками. Уже в сентябре 1776 года Джон Адамс, будущий президент и один из виднейших теоретиков-интеллектуалов среди отцов-основателей США, создал “План договоров”, где главной является мысль, что США должны не дать втянуть себя в европейские интриги и войны. Американцы, таким образом, творчески восприняли традиционное кредо англичан: “У Англии нет постоянных союзников, а есть

постоянны^е интересы". Адамс прямо заявляет, что США не должны заключать политических союзов, а их главный интерес оставаясь нейтральными, торговать со всей Европой. На этих принципах был построен Версальский мирный договор 1783 г. - крупнейшая победа молодой американской дипломатии. Слово "интерес" не один раз звучит также из уст Джорджа Вашингтона: "Ни в одной нации доверие не должно простираться дальше пределов ее интереса"³. Да и понятие "баланса сил" не является изобретением XX века. У Джона Адамса читаем: "В Европе имеется баланс сил. Он создан природой. Он утвержден практикой и привычкой и должен существовать вечно. Он может быть нарушен на какое-то время вследствие случайного перемещения центра политики, но будут предприниматься постоянные усилия по восстановлению равновесия... Конгресс принял эти принципы и эту схему в чистом виде"⁴. В тот момент, действительно, поддержание европейского баланса было необходимой гарантией американской независимости. Усиление Англии или Франции было одинаково небезопасно для США. Именно поэтому первый госсекретарь США, Томас Джефферсон, занявший особое место в американском правительстве (что не было формально закреплено, а стало традицией в американской политической системе), выступил против изоляционизма, отстаиваемого Конгрессом, за создание дипломатических миссий в ведущих европейских странах.

Таким образом, отцы-основатели в своей внешней политике руководствовались pragmatically понимаемым национальным интересом. Однако, по мере того как США превращались из третьестепенной державы во второстепенную, присоединяя все новые территории, во внешнеполитической практике все больше стала сказываться религиозная этика правящей элиты США - этика кальвинизма, еще усиленная присущей эпохе Просвещения борьбой с авторитетами и нарождающимся пафосом демократизма.

Протестантскую основу можно обнаружить в формирующихся в начале 19 века идеях американской нации как нации-спасительницы, не имеющей ничего общего с "погрязшей в грехах" Европой. Образование США, воспринимавшееся поначалу их создателями как "Эксперимент", через пятьдесят лет внушило американцам огромную уверенность в своей непогрешимости и праве указывать другим народам, каким путем следует им идти. Блестящей характеристикой эпохи остались многочисленные труды известных религиозных деятелей начала века. Из речи

протестантского проповедника Уинтропа: “Нам не следует заблуждаться относительно того, что мы понимаем под независимостью. Поступать сообразно желаниям своим - порочно. Истинная свобода заключается в том, чтобы без страха совершать доброе и справедливое. Эту святую свободу мы обязаны защищать и жертвовать ей своей жизнью”⁵. Парадокс заключается в том, что эти слова взяты не из проповеди, а из речи Уинтропа в суде, куда он был привлечен за беззакония, творимые во вверенной ему общине. Однако высокий стиль так воздействовал на присяжных, что Уинтроп был оправдан. Возможно именно это время было эпохой, когда зарождалась новая мораль в обществе - мораль ханжеская, агрессивная, торжествующая над здравым смыслом, попирающая, а зачастую заменяющая собой обычное право, закон. Эта мораль была исключительно нетерпимой к любого рода инакомыслию. В 1812 - 1814 гг., во время войны с Англией, одна из балтиморских газет высказывалась против ее продолжения. Фанатичная толпа в один прекрасный день разгромила редакцию. Журналисты были отправлены в тюрьму, однако ночью “патриоты” взяли ее штурмом и забили до смерти “виновных” - недостаточно лояльных к общественному мнению. Суд присяжных оправдал убийц...

Эти примеры взяты из работы крупнейшего исследователя Америки нового времени Алексиса де Токвиля, особо интересовавшегося спецификой американского национального характера и мышления. Токвиль нашел, что американцы живут в самообожании, с готовностью отрицая все то, чего не могут понять. Иностранцев они “неотступно преследуют своими ожиданиями похвал, а если вы не уступаете их настоятельным просьбам, они хвалят себя сами”⁶. В характере американцев Токвиль находит немало смешных черт: “Если бы они были вынуждены заниматься лишь своими собственными делами, их жизнь наполовину потеряла бы свой смысл”⁷. Токвиль, один из отцов социологии, первый исследователь менталитета североамериканской нации, связал его особенности с особенностями социально-политического строя в США. Он пришел к выводу, что именно в демократических странах, совершенным образом которых были США, люди испытывают особую склонность к абстрактным словам. Именно к словам, так как философия в американском обществе не пользуется признанием и поддержкой. Но “абстрактное слово подобно шкатулке с двойным дном: вы можете положить в нее любые идеи и незаметно для посторонних глаз забрать их назад”⁸. С американской идеей

свободного экспериментирования произошла еще большая трансформация, чем со склонностью к абстрагированию. Уже президент Зекари Тейлор, окончательно отбросив сомнения в жизнеспособности американской демократии, которые гак мучили отцов-основателей, провозгласил полный “успех американской восхитительной системы, самой лучшей в мире”⁹. “Мы - Израиль нашего времени. Бог предопределил, а человечество ожидает, что мы свершим нечто великое. Политический мессия пришел в нас!” Эта яркая формулировка-лозунг принадлежит не политику или журналисту, а одному из наиболее почитаемых, наиболее “американских” классиков литературы - Герману Мелвиллу¹⁰. Идея богоизбранности Америки, несущей свет миру, победила. Начиная с середине 19 века судьбой нации должно было стать мессианство. В области внешней политики оно преломилось как идея более активного вмешательства в европейские дела. “Интервенционизм”, ставший лозунгом южан из “Молодой Америки”, имел серьезную идеологическую подоплеку: американские демократы были убеждены в своем моральном праве судить о справедливости и законности тех или иных режимов в Старом Свете.

Однако большинство власть предержащих понимало, что США структурно ослаблены и не обладают необходимым потенциалом для реализации масштабной внешнеполитической программы. Не случайно в том наборе тактических средств и методов, которой складывается в середине 19 века и остается неизменным многие десятилетия, главное место занимают дипломатические, а не военные инструменты. Должна была произойти гражданская война и реконструкция Юга, а затем длительный период накапливания сил, прежде чем США вышли на мировую арену в новом качестве. Морализаторские идеи отчетливо прослеживаются в теоретической и практической деятельности Вудро Вильсона, признанного одним из основателей идеологии американского универсализма. В 1919 году в одной из речей президент сказал: “Я верю, что Америка содержит в себе духовную энергию, которой ни одна другая нация не в состоянии направить на освобождение человечества. В ходе великой войны Америка обладала неограниченной привилегией исполнить предначертанную судьбу и спасти мир”¹¹. Таким образом, после 1 мировой войны мессианская мораль стала реальной силой в политике США. И если в 30-е годы в Америке вновь возобладал “изоляционизм”, то период после 2 мировой войны стал периодом невиданного накала борьбы мнений по вопросам внешней политики,

когда США выступили как сверхдержава, могущая диктовать свою волю большей части цивилизованного мира. Драматичным для Америки этот период стал из-за непрерывной борьбы прагматической и морализаторской идеи, а вовсе не из-за угрозы со стороны социалистического лагеря. Образ врага стал необходимым элементом американского видения, культуры, склонной к черно-белым антагонизмам, к жестокому противопоставлению своей страны и враждебного внешнего окружения. Один из ведущих американских политологов Беннет Ковриг отмечал, что весь послевоенный период определялся противоборством “реальной политики” и идеалистически определяемой политики прав человека¹².

Американская идеология, часто характеризуемая как “консервативная гибкость”, по мнению российского политолога А.И. Никитина на протяжение всей истории отличалась наличием нескольких главных “стержней”, таких как 1) сознание экспериментального характера американского развития, 2) универсализация американского опыта, ценностей и идеалов, 3) представление об исключительности Америки и ее предназначения в мире, избранности ее миссии и имперских устремлений, 4) утопическая направленность “ролевых представлений” в спектре “изоляционизм” - “интервенционизм”, 5) ценностный дихотомизм глобалистских представлений и т.д.¹³

Некоторая ревизия основных принципов американской политики была проведена историографами в США в 70-80-е гг. Первый подход ревизионистов - моралистский - исходил из несовместимости “имперской” политики с ценностями свободы, плюрализма, демократии. Второй подход - прагматический - трактовал нереальность Pax americana в новых условиях. В национальных интересах США было скорее установление “нового мирового порядка”, основанного на взаимозависимости. В 90-е гг. новые реальности создали новые условия для критики американской внешнеполитической идеологии. После “эры золотого консерватизма” наступила эта возрожденной Realpolitik. В работе Дж. Ная предлагается теория “многоуровневого взаимодействия”: США разделяет груз ответственности с другими странами через международные организации, но защита прав человека по всему миру остается американской задачей. Баланс сил предлагается сменить балансом интересов¹⁴. Однако в книге бывшего президента Р. Никсона “Лови момент. Американский шанс в однополярном мире” современное состояние дел названо “последним шансом стать

полными хозяевами в мире", пока новые центры силы (Китай, мусульманский мир) только формируются. Принцип "баланса сил" подвергается автором сомнению¹⁵.

Во время второй предвыборной кампании Б. Клинтон снова заговорил об идеализме, о поддержании демократии во всем мире. С другой стороны, демократы не воюют с демократами, т.о. эта точка зрения приемлема и для прагматиков. Что же ждет американскую политику в перспективе? Новый мир, мир после "холодной войны" изменил многие представления. По мнению С. Хантингтона наиболее важным стало разделение народов по культурным, а не политическим, экономическим или социальным признакам. "Региональная политика сегодня - это этническая политика. Глобальная политика - это политика цивилизаций... В будущем возможен конфликт незападных культур с Западом на цивилизационном уровне". А основой цивилизации является ее идеология - религиозная и светская. Т.о., сбрасывать со счетов идеологический пласт американской политики по меньшей мере рано. Что касается необходимости сформировать новый "образ врага", то многие очень солидные американские авторы уже сегодня пишут, что самым серьезным вызовом 21 века может стать возрождение "русской силы"...

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Г. Виарда. Внешняя политика без иллюзий. Рецензия.-США:ЭПИ, 1991.-№ 6.
- ² Р. Куглер. К опасному миру. Рецензия.-США: ЭПИ, 1996.-№ 4.
- ³ Шлезингер А. Циклы американской истории.-М.,1992.-С.80.
- ⁴ Hutson J. Intellectual Foundations of Early American Diplomacy// *Diplomatic History*.-1977.-№13.
- ⁵ Токвиль А. де. Демократия в Америке.-М.,1992.-С.53.
- ⁶ Там же.-С.443.
- ⁷ Там же.-С.191.
- ⁸ Там же.-С.357.
- ⁹ Шлезингер А. Указ.соч.-С. 90.
- ¹⁰ Там же.-С.31.
- ¹¹ Там же.-С.106.
- ¹² Kovrig B. Of Walls and Bridges//The United States and Eastern Europe. N.Y.-L.,1991.-P.19.
- ¹³ Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идейная борьба в США по вопросам о роли Америки в мире.-М.,1987.-С.105.

¹⁴ Най Д. Какой новый мировой порядок?-США: ЭПИ, 1992.-№1.- С. 4-12.

¹⁵ Р. Никсон. Лови момент. Американский шанс в однополярном мире. Рецензия.-США: ЭПИ, 1992.-№ 5.

М.С. ПОКАСЬ

СПОР В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ УКРАИНЫ

В 1996 году Украина завершила демонтаж ядерного оружия, оставшегося ей в наследство от СССР, тем самым закончив процесс своего ядерного разоружения, затянувшийся на пять лет. В течение этого периода зарубежные аналитики высказывали различные, зачастую, полярные мнения по поводу целесообразности отказа Украины от ядерного оружия и статуса ядерной державы. В связи с этим интересно рассмотреть их аргументацию и прогнозы с точки зрения дня нынешнего: оправдались ли опасения противников и оптимистические взгляды сторонников ядерного разоружения Украины? Такого рода анализ представляется весьма полезным при сопоставлении с полемикой в научных и политических кругах Украины.

Свое наиболее яркое отражение спор между сторонниками и противниками безъядерного статуса Украины получил в полемике, развернувшейся на страницах журнала "Foreign Affairs" осенью 1993 года между профессором политологии Чикагского университета Джоном Мершаймером и директором центра по изучению международных отношений при Гарвардском университете Стивеном Миллером¹. На примере данной дискуссии можно рассмотреть основную аргументацию сторон.

Профессор Мершаймер являлся противником отказа Украины от ее ядерного потенциала. Проанализируем его аргументацию с точки зрения нынешнего положения вещей.

Мершаймер считает, что разоружение Украины и связанное с этим давление на Украину со стороны США благоприятствует агрессивным тенденциям в России, увеличивает беспокойство в Украине политикой Запада и ослабляет влияние США как посредника на случай кризиса в украинско-российских отношениях.

Однако, заметим от себя, американское посредничество в российско-украинских отношениях так и не было востребовано, а негативная реакция на давление Запада со стороны Украины не последовала, так как это давление базировалось прежде всего на не до конца продуманные заявления украинского руководства в первые дни независимости Украины. Наконец, рецидивы имперского мышления и вспышки шовинизма в России никоим образом не связаны с наличием либо отсутствием у Украины ядерного оружия - российская Государственная Дума поднимала вопрос статуса города Севастополь как в 1993 году, когда на территории Украины еще было ядерное оружие, так и в 1996 году, после его окончательного вывода.

Мершаймер опасается вооруженного конфликта между Россией и Украиной. Такой конфликт, по его мнению, будет иметь глобальный характер, поскольку приведет к российско-германскому столкновению, вовлечению в конфликт Польши и Беларуси, а в дальнейшем США и даже Китая. Наличие ядерного оружия у Украины, с точки зрения американского политолога, сможет предотвратить подобный конфликт. Кроме того, украинское ядерное оружие будет иметь стабилизирующее влияние на Россию и Германию, сможет предотвратить возрождение их традиционного противостояния.

Однако современный опыт убеждает, что предотвращение конфликтов проводится гораздо эффективнее не с помощью ядерного устрашения, а путем политических переговоров при условии обоюдного стремления к поиску взаимоприемлемых компромиссов, что в конце концов и происходит в настоящее время с украинско-российскими отношениями. А для предотвращения германско-российского противостояния вполне достаточно ядерного оружия, имеющегося у России и НАТО.

Следующий блок аргументов, приводимый Мершаймером в пользу сохранения ядерного оружия в Украине, имеет чисто военный характер. С точки его зрения, обычная украинская армия не сможет сдержать российскую агрессию, а гарантии безопасности Украины со стороны Запада не имеют под собой основания - Запад не рискнет вступать в крупномасштабный конфликт с Россией из-за Украины. Надеяться на прикрытие Украины "ядерным зонтиком" НАТО не приходится, так как Россия наверняка весьма негативно отнесется к попытке расширения зоны контроля НАТО на восток, прежде всего на Украину. Да и Украина еще весьма далека от вступления в НАТО, как бы к этому не относиться.

Спустя четыре года после публикации данной статьи можно смело утверждать: основная угроза безопасности Украины находится не вне ее, а внутри. Экономические и социальные проблемы по своей важности значительно превосходят опасность нападения на Украину кого-либо из ее соседей. Кроме того, нельзя преувеличивать боеспособность российской армии на нынешний момент - достаточно вспомнить полный провал ее операций в российско-чеченской войне. Что же касается оправдывавшихся прогнозов, то это оценка гарантий безопасности со стороны Запада - сейчас в их реальности выражают сомнения многие западные аналитики², - и резко отрицательная реакция России на расширение блока НАТО на восток, что, впрочем, не остановило данное расширение.

Далее Мершаймер спорил с основными аргументами, обосновывающими невозможность ядерного статуса Украины. Таких аргументов в 1993 году насчитывалось четыре. Во-первых, высказывались опасения по поводу создания precedента расширения "ядерного клуба" за счет включения в него Украины. Во-вторых, ядерный статус Украины ставил под вопрос подписание договоров СНВ, так как при их составлении не учитывался украинский ядерный потенциал. В-третьих, высказывались сомнения в стабильности Украины как государства и опасения возможности попадания украинского ядерного оружия в неядерные страны либо в руки террористов. Наконец, в-четвертых, наличие ядерного оружия у Украины могло подстегнуть российско-украинский конфликт.

Американский исследователь отвергает обоснованность этих аргументов. Он считает, что вступление Украины в "ядерный клуб" не может быть precedентом для других стран, поскольку Украина является одним из наследников СССР. Договоры СНВ, по его мнению, как не соответствующие требованиям новой реальности в международном балансе сил, должны быть пересмотрены. Нестабильность Украины, указывает Мершаймер, является гораздо менее опасным фактором по сравнению с нестабильностью России, возможностью ее распада либо возможностью прихода к власти в Москве шовинистических элементов. Некоторая поспешность присоединения Украины к "ядерному клубу", по мнению Мершаймера, и должна быть вызвана тем, что в российско-украинских отношениях того времени не было серьезного противостояния, и признание мировым сообществом ядерного статуса Украины прошло бы при меньшем сопротивлении России.

Необходимо отметить, что на момент публикации (1993 г.) контрагументация Мершаймера выглядела достаточно убедительно. Однако в ней, с точки зрения дня нынешнего, существует ряд уязвимых мест.

Прежде всего, американский ученый не учитывает того, что тактическое ядерное оружие, с помощью которого Украина могла бы проводить политику устрашения в адрес своих соседей, к 1993 году уже было вывезено с ее территории³. Стратегическое ядерное оружие, которое осталось в Украине, не могло быть использовано для этой цели по ряду технических причин, и в первую очередь из-за минимальной дальности баллистических ракет, дислоцированных в Украине - около 5500 км⁴. Не менее важной является проблема финансирования ядерных сил, которая более подробно будет рассмотрена ниже.

Итак, аргументация сторонника ядерного статуса Украины не выдержала испытания временем, а его прогнозы в основном не оправдались.

Профессор Стивен Миллер относится к сторонникам ядерного разоружения Украины⁵. Он считал, что Украина должна отказаться от ядерного оружия по восьми причинам.

Во-первых, попытка Украины взять ядерное оружие под свой полный контроль могла спровоцировать интервенцию России. Миллер, правда, не учитывал, что боеспособность российской армии вряд ли позволила бы это сделать. Напротив, Россия все больше ориентирует свои вооруженные силы на разрешение локальных конфликтов путем угрозы применения ядерного оружия⁶.

Во-вторых, ядерный статус Украины означал бы то, что на нее были бы нацелены ядерные ракеты других держав. Этот фактор, безусловно, важен, однако в современных условиях для радиоактивного заражения большей части Украины не требуется нанесения ядерных ударов - достаточно нанесения ударов обычным высокоточным оружием по ядерным электростанциям, и авария на Чернобыльской АЭС достаточно ясно это показывает.

В-третьих, статус Украины как ядерной державы не подкреплен материальной, производственной и интеллектуальной базой. Действительно, практически все предприятия по разработке и производству ядерного оружия остались на территории России, а создание собственной ядерной промышленности может стоить слишком дорого для украинской экономики.

В-четвертых, ядерный потенциал Украины при самых благоприятных обстоятельствах будет значительно ниже российского, соответственно, угроза применения ядерного оружия Украиной опасна для нее самой. Аргумент весьма весомый, однако необходимо добавить, что у Украины в 1993 году уже не было ядерного оружия, которое могло бы поразить цели в европейской части России, ближайшая цель в зоне поражения находилась в Восточной Сибири⁷.

В-пятых, с точки зрения Миллера, ядерное оружие тем не менее не исключает необходимости наличия мощных вооруженных сил. Данный аргумент бесспорен, поскольку как минимум с двумя своими соседями - Россией и Румынией - Украина все еще не заключила договора о границах, и появляющиеся периодически территориальные претензии могут быть сдержаны за счет высокой обороноспособности Украины.

В-шестых, по расчетам Миллера, содержание ядерного арсенала обойдется Украине в 3-5 млрд. \$ ежегодно. По мнению Миллера, инвестиции этой суммы в обычные вооруженные силы значительно более повысит обороноспособность Украины. Однако, американский политолог не задумался, сможет ли Украина выделить такую колоссальную сумму на военные расходы в условиях жесточайшего экономического кризиса. В 1996 году ее военный бюджет составил всего 749 млн. \$⁸, что в четыре раза меньше минимально необходимой для поддержания ядерного статуса суммы.

В-седьмых, наличие ядерного статуса у Украины подорвет международные договоры о контроле над вооружениями, в том числе и договор о сокращении обычных вооружений в Европе, который весьма важен для Украины. Однако отметим, что основная угроза для ряда международных договоров в области разоружения, в частности для Договора о нераспространении ядерного оружия, проистекает уже не со стороны статуса Украины, а со стороны ряда неприсоединившихся стран, заявивших о наличии у них ядерного оружия, в частности, Индии и Пакистана.

Наконец, в-восьмых, ядерный статус Украины мог бы негативно повлиять на ее отношения с США и другими государствами Запада, ухудшить перспективы получения прямой экономической помощи, инвестиций и т.д. Кроме того, в результате отказа от обязательств про выбор безъядерного статуса Украина получила бы репутацию ненадежного партнера. Данный аргумент

хорошо иллюстрирует сильное давление, оказанное на Украину правительством США по вопросу о ядерном оружии.

В целом, аргументация сторонников ядерного разоружения Украины выглядит значительно более весомо, чем их соперников. Их прогнозы в значительной мере оправдались, т.е. были более обоснованы.

Проанализировав на примере двух перечисленных типичных работ различные позиции, существовавшие в американской историографии по поводу целесообразности ядерного разоружения Украины, можно прийти к следующим выводам.

Во-первых, серьезные опасения противников ядерного разоружения Украины не оправдались. Их пессимистические прогнозы, учитывающие максимально возможное обострение ситуации, были так и не реализованы. Вместе с тем, основная заслуга данной группы исследователей заключается в том, что рассматривая наихудшие сценарии, они тем самым показывали опасность опрометчивых шагов и непродуманных решений в столь серьезном вопросе, предотвратив, в итоге, худшие варианты развития событий.

Во-вторых, оптимистические прогнозы сторонников ядерного разоружения Украины в конечном счете оправдались. Однако тщательный анализ их аргументации показывает, что далеко не всегда их выводы базировались на объективных посылках, а некоторые доводы прямо говорят о непонимании ситуации как внутри Украины, так и на ее границах. Таким образом, рекомендации представителей американской историографии по данному кругу вопросов надо воспринимать весьма осторожно и даже критически, делая поправки на внутри- и внешнеполитическую ситуацию в Украине.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Mearsheimer J. The case for a Ukrainian nuclear deterrent. // Foreign Affairs.- 1993.- N 3.- P. 37-41. Miller S. The case against a Ukrainian nuclear deterrent.// Foreign Affairs.- 1993.- N 3.- P. 41-46.

² На семинаре, проводимом в 1997 году в Одессе Центром по изучению внешнеполитических концепций Одесского государственного университета американский политолог Роберт Кеннеди и германский политолог Александр Рар заявили, что в случае какого-либо военного конфликта с участием Украины страны-гаранты ее безопасности не смогут предоставить ей помощь.

- ¹ Красная Звезда.-1992.-12 июня.
- ¹ DeWing M.J. The Ukrainian nuclear arsenal. Problems of Command, Control and Maintenance.-Columbus,1993.- P. 25.
- ⁵ См. также: Crow S. START-2 prospects for implementation.// RFE/RL Research Report.-1993.- Jan.,15.- P.14-18. Lepingwell J. Ukraine, Russia and the control of nuclear weapons.//RFE/RL Research Report.-1993.- Feb.,19.- P. 10. Nahaylo B. The shaping of Ukrainian attitudes toward nuclear arms.//RFE/RL Research Report.-1993.- May,7.- P.38-45.
- ⁶ Выступление Михаила Оппа, представителя Центра исследования конфликтов Министерства обороны Великобритании на семинаре⁷
- ⁷Управление и контроль министерства обороны в обществе на стадии трансформации”, Киев, 25-26 апреля 1997 года.
- ⁷ DeWing M.J. The Ukrainian nuclear arsenal.- P. 26.
- ⁸ Выступление Михаила Оппа, представителя Центра исследования конфликтов Министерства обороны Великобритании на семинаре “Управление и контроль министерства обороны в обществе на стадии трансформации”, Киев, 25-26 апреля 1997 года.

ЗМІСТ

Розділ I. АРХЕОЛОГІЯ ТА ЕТНОЛОГІЯ УКРАЇНИ

Стор.

Смынтина Е.В. Некоторые аспекты развития культуры населения степной зоны в позднем палеолите.....	4
Здоров А.А. К вопросу об ассимиляции сарматов славянами в позднесантичный период.....	12
Шабашов А.В. Система родства албанцев. 2. Система родства албанцев Украины.....	20
Петрова Н.О. Деякі передшлюбні дійства українського весілля Одещини (коровайні обряди, запросини, дівич-вечір).....	25
Дыханов В.Я. Основные праздники календарного обрядового комплекса болгар и гагаузов Украины. 2. Гергьовден (Едерлез) и Димитроввден (Касым): Обрядность.....	34

Розділ II. ІСТОРІЯ УКРАЇНИ

Сурай Ю.І. Григорій Сковорода в історії української культури (до 275-річчя з дня народження).....	45
Вашенко В.П. Ввіз обладнання, інструментів і комплектуючих деталей для промисловості Південної України в дореформений період.....	53
Діанова Н.М. Динаміка чисельності міського населення Південної України в к. XVIII-1-пол. XIX століття.....	59
Гончарук Т.Г. Одеське порто-франко (1819-1859 рр.) та його вплив на економіку України. (Вивчення проблеми в літературі XIX ст. та історіографії).....	64
Бачинська О.А. Адміністративний устрій та управління Дунайського козацького війська. 1828-1868 рр.....	70
Бондар Г.С. "Одесский вестник" і пізвіковий ювілей Одеси.....	77
Першина З.В., Коновалов Ю.П. Дрібнотоварні промисли на морському транспорті Чорноморсько- Азовського басейну (60-70-ті рр. XIX ст.).....	81
Мисечко А.І. Товариство "Українська хата" в Одесі.....	95
Вінцковський Т.С. Діяльність Одеської Української Морської ради.....	100

Щетников В.П. Європа напередодні другої світової війни: "український фактор" у геополітиці.....	106
Шелест Д.С., Юрченко М.М. Етнонаціональна політика в умовах відродження і розвитку української демократичної держави (аналіз літератури і джерел).....	112
Розділ III . ІСТОРІЯ, ТЕОРІЯ ТА МЕТОДОЛОГІЯ ІСТОРИЧНОЇ НАУКИ.	
Попова Т.Н. Институт приват-доценства в университетах Российской империи(2-я пол. XIX начало XX веков).....	122
Мельник О.В. Высшее женское образование в Европейских странах во 2-ой половине XIX века: основные тенденции развития.....	130
Максименко И.В. Выборы Е.Н Щепкина в первую Государственную Думу.(По материалам периодической печати).....	138
Мирошниченко В.А. И.А. Линниченко о А.И. Маркевиче.....	146
Березин С.Е. ,Избаш Т.А. М.И. Мандес: историк, филолог, искусствовед (по материалам фондов Государственного архива Одесской области).....	152
Грозицкая Т.Ю. Вопросы стабильности демократии: анализ американской политологии.....	157
Розділ IV. СПЕЦІАЛЬНІ ІСТОРИЧНІ ДИСЦИПЛІНИ	
Непомнящий А.А. Историческое краеведение Крыма на страницах местной периодической печати в XIX - начале XX века.....	171
Хмарський В.М., Чижевський І.М. До історії появи єдиного окремого археографічного видання Одеського товариства історії та старожитностей.....	190
Гребцова И.С., Гребцов В.М. Пресса Украины конца 50-х - начала 60-х гг. XIX в., как источник изучения позиций и деятельности участников Харьковско-Киевского тайного общества.....	201
Милевич С.В. "Выезжие" дворянские роды в России.....	210

Розділ V. ВСЕСВІТНЯ ІСТОРІЯ

Шабанова А.М. География деревенских промыслов Юга Обонежья в XVII в.....	220
Самойлов Ф.О. З історії підприємництва на Північній Україні: Херсонська біржа в 1906-1914 р.....	229
Фесенко А.М. Кризис НЭПа 1923 года: сущность и уроки.....	234
Брусиловская О.И. Внешняя политика США: концептуальные основы и реальность.....	240
Покась М.С. Спор в американской историографии о целесообразности ядерного разоружения Украины.....	248

Записки історичного факультету

Випуск 7

Головний редактор В.Н. Станко

Здано до набору 10.05.98. Підписано до друку 07.09.98.

Зам. 124. Формат паперу 60×84/16.

Фіз. друк. арк. 16,25. Умов. друк. арк. 15,17.

Виготовлено: видавництво "Друк"

